МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ПОЛУЛЯХ ДАНИИЛ СЕРГЕЕВИЧ

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКА

Специальность 23.00.04 -

политические проблемы международных отношений,

глобального и регионального развития

Диссертация на соискание ученой степени

Кандидата политических наук

Научный руководитель:

к.полит.н., доцент Чихарев И.А.

Москва

2016

Оглавление

Введение 3

1. Теоретико-методологические основы анализа турбулентности в современной мировой политике 22

1.1. Концепции турбулентности в мировой политике 22

1.2. Методологические основы изучения турбулентности в мировой политике 55

2. Дискурс турбулентности в современной мировой политике 70

2.1. Генезис дискурса турбулентности в мировой политике 70

2.2. Дискурсы турбулентности и дискурсивные стратегии 86

3. Турбулентность в современной мирополитической практике 120

3.1. Управление турбулентностью в современной мировой политике 120

3.2. Стратегии ответа акторов на мирополитическую турбулентность 135

Заключение 147

Библиография 150

Приложения 169

Рисунок 1. Метаморфозная модель системных циклов накопления по Дж. Арриги 169

Таблица 1. Примеры интерактивных движущих сил фрагмеграции по Дж. Розенау 169

Рисунок 2. Самоуправляемые и централизованные системы по Н.Н. Талебу 170

Рисунок 3. Динамика соотношения демократий и автократий 171

Рисунок 4. Динамика распространенности геноцида и массовых убийств 172

Рисунок 5. Финансирование организациями и фондами США программ по развитию гражданского общества на Украине 172

Введение

Актуальность исследования

Мировая политика сегодня переживает серьезные изменения, связанные с кризисом глобального лидерства и отношений между крупными державами, а также с эволюцией экономической и технологической среды. Тема кризисного развития мира сегодня вновь приобретает актуальность после короткого периода надежд на способность механизмов глобального управления поставить вызванные глобализацией хаотичные потоки под контроль мирового сообщества. Финансово-экономические кризисы, спонтанные всплески гражданского протеста в самых консервативных режимах, неудачные попытки решить вопросы экологической повестки дня, кризис западной модели глобального управления, сопровождающийся подъемом стран Незапада, и другие признаки хаотизации мировой политики вернули привлекательность теме кризиса миропорядка. Начали появляться и популяризироваться концепции и теории, описывающие неустойчивую динамику изменений в мире.

Ученые все чаще говорят о «кризисе глобальной внешнеполитической среды»[1]. Эксперты постулируют, что «мир выходит из-под контроля»[2], «планета погружается в хаос», «глобальный порядок рушится»[3]. Политики и дипломаты также видят признаки «мировой анархии»[4] и «турбулентности на глобальном и региональном уровнях»[5]. Современную эпоху описывают как беспокойную и

---

[1] Цыганков П.А. Глобальная неопределенность и внешняя политика России // Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство «Русайнс», 2015. С. 5

[2] Лукьянов Ф.А. Фильм ужасов по-арабски [Электронный ресурс] // Газета.ru. – 10 апреля 2015. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6632989.shtml (дата обращения: 12.03.2016)

[3] Иноземцев В.Л. Теория большого хаоса [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. Сайт. – 21 апреля 2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5720#top-content (дата обращения: 04.03.2016)

[4] Путин спрогнозировал усиление признаков мировой анархии [Электронный ресурс] // Лента.Ру. – 24 октября 2014. URL: http://lenta.ru/news/2014/10/24/putin1/ (дата обращения: 17.03.2016)

[5] Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2011 году, Москва, 18 января 2012 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. – 18.01.2012. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/FBBD4D11AF502771442579890048D166 (дата обращения: 04.03.2016)

даже захватывающую[6]. Настроения кризиса и безысходности усматриваются в политическом, военном, журналистском, экономическом и повседневном дискурсах.

С 1990-х гг., но особенно после начала глобальной рецессии, для описания крупных кризисов и нестабильности в таких областях как безопасность, экономика, экология, право и даже мораль учеными и политиками начало активно использоваться понятие «турбулентность». Понятие особенно часто используется в российском политическом пространстве[7]. «Турбулентность» фигурирует в Концепции внешней политики РФ, утвержденной 12 февраля 2013 г.[8] К понятию часто прибегают президент РФ В.В. Путин[9], министр иностранных дел РФ С.В. Лавров[10], пресс-секретарь президента РФ Д.С. Песков[11]. В западном политико-управленческом дискурсе понятие использует, к примеру, бывший председатель Федеральной резервной системы США Алан Гринспен[12].

---

[6] Mény Y. Democracy in Troubled Times [Electronic resource] // European Political Science. – June 2010. – Volume 9. – Issue 2. P. 259–268. URL: http://www.palgrave-journals.com/eps/journal/v9/n2/full/eps201010a.html (accessed 03.02.2016)

[7] По утверждению российского политического и государственного деятеля И.М. Хакамады, именно она в 2005 г. способствовала популяризации этого понятия. См. Хакамада И.М. Об эпохе турбулентности [Электронный ресурс] // MЫSLI. Медиа-проект. – 2013. URL: http://xn--h1afcu3c.com/mysli-video/irina-khakamada/ob-pokhe-turbulentnosti (дата обращения: 04.04.2016)

[8] Концепция внешней политики Российской Федерации: [утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.] [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. – 18 февраля 2013 г. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6d84ddededbf7da644257b160051bf7f (дата обращения: 02.10.2016)

[9] Владимир Путин: Россия и Иран продолжат сотрудничество, несмотря на турбулентности в международных отношениях (Электронный ресурс) // RT на русском. – 21.05.2014. URL: https://russian.rt.com/article/32879 (дата обращения: 15.04.2016); Путин: турбулентность мировой экономики приобрела длительный характер [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. – 2 февраля 2012. URL: http://news.mail.ru/politics/7986731/ (дата обращения: 04.04.2016); Путин В.В. Сирийская альтернатива [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. – 12 сентября 2013 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/19205 (дата обращения: 04.03.2016)

[10] Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2011 году, Москва, 18 января 2012 года. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/FBBD4D11AF502771442579890048D166 (дата обращения: 04.03.2016); Лавров С.В. Международные отношения в зоне турбулентности – где точки опоры? [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. – 29 декабря 2011 г. URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/263A1015041B1BBA4425797500416F7A (дата обращения: 04.04.2016)

[11] Песков: Падение рубля объясняется эмоциями и спекулятивными настроениями (Электронный ресурс) // Взгляд.ру. Сетевое издание. – 16 декабря 2014. URL: http://vz.ru/news/2014/12/16/720690.html (дата обращения: 20.03.2016); В Кремле выразили беспокойство по поводу "турбулентности" у границ России (Электронный ресурс) // РИА Новости. Сетевое издание. – 18.07.2016. URL: http://ria.ru/defense_safety/20160718/1469927718.html (дата обращения: 20.07.2016)

[12] Greenspan A. The Age of Turbulence: Adventures in a New World. New York: The Penguin Press, 2007. – 554 p.

Повышение роли дискурса, текста[13] также характеризует реалии современной мировой политики. Прогрессирует теоретическое осмысление и практическое использование дискурсивных средств. Такая востребованность дискурса объясняется возросшей ролью коммуникаций и СМИ, где язык нередко применяется как средство убеждения и воздействия. Дискурс воздействует через газетные статьи, научные исследования, лекции, телевидение, Интернет, радио, причем как на обычных людей, так и на лиц, принимающих решения. Дискурс создает фрейм, определяющий наше восприятие мира, тенденций его развития и его будущее. В условиях жизни в текстуально-опосредованном обществе[14] дискурс обладает колоссальными возможностями влиять на восприятие людей, а следом и на их действия. Также это создает новые возможности для властного манипулирования[15].

Конструируемый сегодня фрейм во многом связан с представлением о мировой политике как находящейся в «зоне турбулентности». В связи с этим важным представляется исследовать этот дискурс, причем во всех его ипостасях: как дискурс политиков, государственных деятелей, экспертов, интеллектуалов, ученых, лидеров общественного мнения. Современные исследователи властных дискурсов подчеркивают роль «политических интеллектуалов» в конструировании геополитически значимых образов[16].

Вышеупомянутые тенденции, факторы и события создают многочисленные теоретические и практические проблемы. Во-первых, существующие концепции турбулентности в мировой политике отличаются разнородностью и противоречивостью. При интерпретации турбулентности происходит смешение концептов, таких как собственно «турбулентность», «кризис», «хаос», «риск», «угроза» и т.п. Во-вторых, существует проблема использования концепта «турбулентность» как политического инструмента: для сокрытия политических

---

[13] В объем понятия «текст» мы здесь включаем широкий круг различных посредников: книги, журналы, радио, телевидение, интернет и т.п.

[14] Smith D. Texts, Facts and Femininity. London: Routledge, 1990. – 247 p.

[15] Fairclough N. Global Capitalism and Critical Awareness of Language [Electronic resource] // Language Awareness. – 8(2). – 1999. – P. 71–83. URL: http://eprints.lancs.ac.uk/8546/1/la0080071.pdf (accessed 20.04.2016)

[16] O'Tuathail G. and Agnew J. Geopolitics and discourse: Practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. – Vol. 11. – No. 2. – March 1992. P. 190-204

просчетов и легитимации разрушительной политики. В-третьих, встает проблема роли акторов в условиях турбулентности: является ли верным дискурс, изображающий турбулентность «объективной» и независимой от активности акторов, или же турбулентность может конструироваться и меняться под влиянием стратегий акторов мировой политики?

Таким образом, феномен турбулентности нуждается в серьезном комплексном исследовании. Во-первых, турбулентность должна исследоваться как один из доминирующих «узловых» дискурсов современной мировой политики, подразумевающий использование ряда дискурсивных стратегий. Во-вторых, должна изучаться практическая сторона турбулентности: то, как акторы управляют турбулентностью и реагируют на нее.

Степень разработанности темы

Отдельные аспекты темы турбулентности и дискурса о ней в мировой политике разрабатывались различными исследователями, учеными и философами в России и за рубежом.

Тема политического дискурса серьезно изучалась со второй половины XX в. Философско-теоретическое и историческое исследование феномена политического дискурса вел М. Фуко[17]. Дискурс-анализом, концепциями политического дискурса и классификациями теорий дискурса занимались Т.А. ван Дейк[18], Дж. Торфинг[19], Л.Дж. Филлипс и М.В. Йоргенсен[20], Л. Йонгтао[21]. В отечественной традиции феномен политического дискурса изучали О.Ф. Русакова[22], О.Ю. Малинова[23], А.О. Зиновьев[24], Н.Б. Слободяник[25], И.В.

[17] Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., Касталь, 1996. – 448 с.
[18] Dijk T.A.van. Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline // Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1. Disciplines of Discourse / Ed. by Teun A. van Dijk. – Academic Press. – 1985. P. 1-10
[19] Torfing J. New Theories of Discourse: Laclau, Moufe and Žižek. Oxford: Blackwell, 1999. – 352 p.
[20] Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Пер. с англ. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2004. – 336 р.
[21] Yongtao L. Discourse, Meanings and IR Studies: Taking the Rhetoric of «Axis of Evil» As a Case [Electronic resource] // CONfines. – 6 (11). – 2010. – P. 85-107. URL: http://confines.mty.itesm.mx/articulos11/YongtaoL.pdf (accessed 10.01.2016)
[22] Русакова О.Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Аналитика культурологии. – Выпуск № 11. – 2008. С. 190-205.

Гололобов[26]. Большой вклад в развитие отечественных концепций политического дискурса внесли ученые Института философии и права УрО РАН, которые, в частности, выдвинули идею создания дисциплины «дискурсология». Среди них стоит выделить таких ученых как Д.А. Максимов[27], Л.Г. Фишман[28], А.Д. Трахтенберг[29]. Дискурсы о политических макрорегионах изучал А.И. Миллер[30].

Лингвистические аспекты политического дискурса изучали Дж. Уилсон[31], С. Гудмэн[32], П. Данмайр[33]. Вклад в изучение феномена политических метафор внесли отечественные ученые Д.В. Нежданов и О.Ф. Русакова[34], Е.В. Кубышкина[35]. Концепцию критического дискурс-анализа развивали Н. Фэркло[36], Дж. Малдерриг и Р. Уодак[37]. Постструктуралистский дискурс-анализ был представлен в работах Э. Лакло и Ш. Муфф[38], С. Жижека[39].

---

[23] Малинова О.Ю. Исследование политики и дискурс об идентичности // Политическая наука. – 2005. – № 3. С. 8-20.

[24] Зиновьев А.О. Роль дискурса в организации политических позиций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI. – № 4. С. 130-145.

[25] Слободяник Н.Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муфф) // Политическая лингвистика. – №22. – 2007. С. 60-66

[26] Гололобов И.В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: введение // Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. – №3. – 2003. С. 129-136.

[27] Максимов Д.А. Отечественные теории политического дискурса // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 48-51

[28] Фишман Л.Г. Дискурс политического постмодерна // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 87-94

[29] Трахтенберг А.Д. Возможен ли «демократический дискурс»? // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. С. 58-66

[30] Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Политическая наука. – 2001. – № 4. С. 18-33

[31] Wilson J. Political discourse // The Handbook of Discourse Analysis / Ed. by Deborah Schiffrin, Deborah Tannen and Heidi E. Hamilton. – Blackwell Publishers, 2001. P. 398-416

[32] Goodman S. Visual English // Redesigning English: New Texts, New Identities / Ed. by S. Goodman and D. Graddol. – London: Routledge, 1996. P. 35-72

[33] Dunmire P.L. Projecting the Future through Political Discourse: The Case of the Bush Doctrine. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, PA, 2011. – 230 p.

[34] Нежданов Д.В, Русакова О.Ф. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса [Электронный ресурс] // Полис. Политические исследования. – № 4. – 2011. – С. 158-170. URL: http://www.politstudies.ru/files/File/2011/4/13.pdf (дата обращения 10.01.2016)

[35] Кубышкина Е.В. Американский политический дискурс при Дж. Буше-мл.: эволюция метафор // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 1. С. 100-112

[36] Fairclough N. Global Capitalism and Critical Awareness of Language. URL: http://eprints.lancs.ac.uk/8546/1/la0080071.pdf (accessed 10.01.2016); Fairclough N. Language and Globalization. – London and New York: Routledge, 2006. – 186 p.

[37] Fairclough N., Mulderrig J., Wodak R. Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2 / Ed. by Teun van Dijk. – London: Sage, 1997. P. 357-378

[38] Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. Second Edition. – London: Verso, 2001. – 240 p.

Отдельная группа авторов занималась проблемами дискурса в международных отношениях и мировой политике. О дискурс-анализе в теории международных отношений писала К. Карта[40]. Дискурсивные стратегии в глобальном управлении изучал Г. Зиммерль[41]. Среди российских авторов дискурс-анализом в сфере международных отношений занималась М.Г. Макарычева[42]. Конструктивистский взгляд на дискурс в международных отношениях предложили Н. Онуф[43], М. Барнетт[44], М. Финнемор и К. Сиккинк[45]. В России о конструктивистском подходе к дискурсу писали В.Е. Морозов[46], Т.А. Алексеева[47]. Постструктуралистский дискурс-анализ в международных отношениях, в том числе концепцию «правительности», развивали Дж. Джозеф[48], О. Сендинг и И. Нейманн[49], Дж. Рихтер[50]. Наконец, точку зрения критических теорий в международных отношений на феномены дискурса и гегемонии представили Р. Кокс[51], У. Бранд[52], Дж. Джозеф[53], Г. Зиммерль.

---

[39] Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. Вл. Софронова. – М.: Художественный журнал, 1999. – 234 с.

[40] Carta C. Discourse Analysis and International Relations: What for? [Electronic resource] // Italian Political Science. – Vol. 9. – Issue 1. – June 2014. URL: http://italianpoliticalscience.com/2014/06/15/discourse-analysisand-international-relations-what-for/ (accessed 10.01.2016)

[41] Simmerl G. A Critical Constructivist Perspective on Global Multi-Level Governance. Discursive Struggles Among Multiple Actors in a Globalized Political Space [Electronic resource]. – Berlin: Freie Universität Berlin, 2011. URL: http://ku-dk.academia.edu/GeorgSimmerl/Papers/492787/A_Critical_Constructivist_Perspective_on_Global_Multi-Level_Governance (accessed 10.01.2016)

[42] Макарычева М.Г. Дискурс как предмет изучения в сфере международной политики (пример американо-российских отношений) [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия: Социальные науки. – Выпуск 1(5). – 2006. – С. 567-574. URL: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1(5)/68.pdf (дата обращения: 10.01.2016)

[43] Onuf N. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Routledge, 2013. – 340 p.

[44] Barnett M., Finnemore M. The power of liberal international organizations // Power in Global Governance / Ed. by Michael Barnett and Raymond Duvall. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 161-185

[45] Finnemore M. and K. Sikkink. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. – Vol. 52. – No. 4. – 1998. P. 887-917.

[46] Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации [Электронный ресурс] // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 24-35. URL: http://www.politstudies.ru/files/File/2011/3/3.pdf (дата обращения: 10.01.2016); Морозов В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 656 с.

[47] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – 1(14). – 2014. С. 4-21.

[48] Joseph J. The Limits of Governmentality: Social Theory and the International // European Journal of International Relations. – 16 (2). – 2010. P. 223-246

[49] Sending O.J. and Neumann Iver B. Governance to Governmentality: Analyzing NGOs, States, and Power // International Studies Quarterly. – 2006. – Vol. 50. – Issue 3. P. 651–672

[50] Рихтер Дж. Управленитет, иностранная помощь и российские НПО // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – Т. 2. – № 4. С. 469-486

[51] Cox R. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium: Journal of International Studies. – 10(2). – 1981. – P. 126-155

[52] Brand U. Order and regulation: Global Governance as a hegemonic discourse of inter-national politics? // Review of International Political Economy. – 12:1. – February 2005. – P. 155–176.

Следующая группа авторов проводила теоретическое изучение феномена турбулентности в мировой политике. Турбулентность в общественных системах изучали Ф. Эмери и Э. Трист[54]. Свои концепции турбулентности в мировой политике предложили Дж. Розенау[55] и Х. Маулль[56]. К феномену турбулентности в мировой политике обращался М. Николсон[57]. Глобальную турбулентность как феномен мировой экономики изучал Дж. Арриги[58]. Феномен глобальной турбулентности активно изучается российскими и украинскими учеными. Социологический анализ турбулентности и «турбулентных времен» представили О.Н. Яницкий[59], М.С. Негрова[60]. Турбулентность в мировой и российской политике анализировал Д.В. Ефременко[61]. Экономическую глобальную турбулентность изучали Е.Г. Пономарева[62], Е.А. Евдоченко[63]. Турбулентность и бифуркации, переживаемые современной мировой системой, исследовались в

---

[53] Joseph J. Hegemony and the structure-agency problem in International Relations: a scientific realist contribution // Review of International Studies. – 34(1). – 2008. P. 109-128

[54] Emery F.E., Trist E.L. The causal texture of organizational environments // Human Relations. – 1965. – Vol. 18(1). – P. 21-32.

[55] Rosenau J.N. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 467 p.; Rosenau J.N. Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization. – New Jersey: Princeton University Press, 2003. – 456 p.; Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. – Princeton: Princeton University Press, 1990. - 480 p.; Rosenau J.N. Many Damn Things Simultaneously: Complexity Theory and World Affairs [Electronic resource] // Complexity, Global Politics and National Security / Ed. by D. Alberts, T. Czerwinski. – Washington: Institute for National Strategic Studies, 1997. – P. 32-44. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf (accessed 10.01.2016); Розенау Дж.Н. Турбулентность в мировой политике // Сафронова О.В. Теория международных отношений. Электронный учебник. – Кафедра международных отношений ННГУ. Сайт. – 2001. URL: http://www.bellkinn.chat.ru/zip/tmo/tmo.zip (дата обращения: 10.01.2016)

[56] Maull H.W. World Politics in Turbulence [Electronic resource] // Internationale Politik und Gesellschaft Online. – 2011. – №1. – P. 11-25. URL: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_maull.pdf (accessed 10.01.2016)

[57] Николсон М. Влияние индивида на международных систему. Размышления о структурах // Индивиды в международной политике [Электронный ресурс] / Под ред. М. Жирара. – М.: Международная педагогическая академия, 1996. URL: http://goo.gl/Xqp55R (дата обращения: 10.01.2016)

[58] Арриги Дж. Долгий двадцатый век. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 470 с.

[59] Яницкий О.Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? [Электронный ресурс] // Российское общество социологов. Сайт. – 2011. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=508 (дата обращения: 10.01.2016)

[60] Негрова М.С. О турбулентных процессах передела пространства-времени: перспективы и опасения (на примере Красноярского края) [Электронный ресурс] // Общество. Среда. Развитие. Научно-теоретический журнал. – №1. – 2013. – С. 106-110. URL: http://www.terrahumana.ru/arhiv/13_01/13_01_20.pdf (дата обращения: 10.01.2016)

[61] Ефременко Д.В. Глобальная турбулентность и метаморфозы российской политики // Политическая наука. – 2012. – №1. – С.51-68; Ефременко Д.В. В ожидании штормовых порывов: внешняя политика России в эпоху перемен [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – №2. – 2012 г. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/V-ozhidanii-shtormovykh-poryvov--15527 (дата обращения: 10.01.2016); Ефременко Д.В. После дуумвирата: внешняя политика Москвы [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – №3. – 2011 г. URL: http://globalaffairs.ru/number/Posle-duumvirata-vneshnyaya-politika-Moskvy-15216 (дата обращения: 10.01.2016)

[62] Пономарева Е.Г. Балканы как зона турбулентности капитализма [Электронный ресурс] // Космополис. – № 3(22). – Осень 2008. URL: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_03_2008/07.pdf (дата обращения: 10.01.2016)

[63] Евдоченко Е.А. Турбулентность глобальной экономической среды: теоретические аспекты и практическое проявление [Электронный ресурс] // Прогресс. – 2014. – № 5-6. – С. 112-119. URL: http://www.irbis.kneu.kiev.ua:8080/bitstream/2010/5535/1/112-119.pdf (дата обращения: 10.01.2016)

рамках «хронополитической школы», представленной М.А. Андрущенко и А.В. Багинским[64], И.А. Чихаревым[65].

Методология анализа общественных систем в условиях турбулентности была разработана в рамках исследований постмодернизма и нелинейной парадигмы. К первой группе относятся Ж.-Ф. Лиотар[66], П. Вирилио[67], А.И. Неклесса[68], Т.А. Алексеева[69], А. Дугин[70]. Вторую группу представляют И. Пригожин и И. Стенгерс[71], Н.Н. Талеб[72], Е. Кавальски[73], Р. Арзуманян[74], Д.М. Темников[75], А.И. Агеев[76], М.Н. Чеснавская[77].

---

[64] Андрущенко М.А., Багинский А.В. Начала кайрополитики: темпоральный квадрат, турбулентность, воронка причинности // Философские, политические и социально-психологические аспекты проблемы времени. Сборник научных статей. – Киев. Центр учебной литературы. – 2011. С. 75-87; Андрущенко М.О. Шість типів глобального управління в контексті «турбулентності світової політики» Дж. Розенау // Збірник тез Першого національного конвенту українського відділення Міжнародної асоціації студентів політичної науки. Національний університет «Одеська юридична академія» – Одеса: Фенікс, 2011. С. 9-12

[65] Чихарев И.А. Мировая политическая динамика: Концептуальные основания и движущие силы // Политическая наука. – 2012. – №4. – С. 9-30; Чихарев И.А. Многомерность мировой политики: к современным дискуссиям // Полис. Политические исследования. – 2005. – №1. С. 161-172

[66] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – М.: Ин-т. эксперим. социологии, 1998. – 159 с.

[67] Virilio P. Open Sky. – London: Verso, 2008. – 152 p.; Virilio P. Speed and Politics. – N.Y.: Semiotext(e), 2007. – 174 p.; Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. – М.: «Гнозис», «Прагматика культуры», 2002. – 192 с.

[68] Неклесса А.И. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2001. – № 4. – С. 156-167; Неклесса А.И. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. – 2002. – №1(19). – С. 108-125; Неклесса А.И. Конец цивилизации или зигзаг истории? [Электронный ресурс] // ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия. Журнал. – 14 декабря 2011. URL: http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/lyudi-vozduha-ili-kto-stroit-mir/12366-konec-civilizacii-ili-zigzag-istorii.html (дата обращения: 10.01.2016); Неклесса А.И. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации // Развитие и экономика. – № 10. – 2014. – С. 116-133; Неклесса А.И. Реквием XX веку // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 1. – С. 3-13; Неклесса А.И. Ordo quadro - четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. Политические исследования. – 2000. – №6. – С. 6-23.

[69] Алексеева Т.А. Современные политические теории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 479 с.

[70] Дугин А.Г. Геополитика. Учебное пособие [Электронный ресурс]. – М., 2011. – 592 с. URL: http://www.4pt.su.k0.gfns.net/fa/node/169 (дата обращения: 10.01.2016)

[71] Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой [Электронный ресурс]. – Прогресс, 1986. – 432 с. URL: http://www.psyoffice.ru/3097-8-filosofy-book_o025_7.html (дата обращения: 10.01.2016)

[72] Талеб Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова, под ред. М. Тюнькиной. - М.: Изд. "Колибри", 2009. - 528 с.; Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса [Электронный ресурс]. – КоЛибри, Азбука Аттикус; Москва; 2014. – 768 с. URL: http://readme.club/books/43_antihrupkost-.pdf (дата обращения: 10.01.2016)

[73] Kavalski E. Introduction: Inside/Outside and Around: Observing the Complexity of Global Life // World Politics at the Edge of Chaos: Reflections on Complexity and Global Life / Ed. by Emilian Kavalski. – Albany: State University of New York Press, 2015. P. 1-30

[74] Арзуманян Р. Метафора нелинейности в социальных системах [Электронный ресурс] // 21 век. Научно-образовательный фонд «Нораванк». – №2(4). – Ереван, 2004 г. – С. 123-253. URL: http://davaiknam.ru/text/r-arzumanyan-metafora-nelinejnosti-v-socialenih-sistemah-abstr (дата обращения: 10.01.2016); Арзуманян Р. Нелинейная природа войны [Электронный ресурс] // 21 век. Научно-образовательный фонд «Нораванк». – №1. – Ереван, 2005 г. – С. 109-149. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=2606 (дата обращения: 10.01.2016)

[75] Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе: Научное издание. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 173 с.; Темников Д.М. Синергетический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий [Электронный ресурс] // Международные процессы. – 2009. – №3(21). URL: http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm (дата обращения: 10.01.2016)

Дискурсивные аспекты феноменов турбулентности, глобальных кризисов и флуктуаций находили отражение в целом ряде исследований. Генеалогию дискурса кризиса проводили Р. Козеллек[78], А. Самман[79]. Турбулентность как метафору в теории международных отношений изучали М. Маркс[80], Ч. Месьяш[81]. Дискурсы рисков и опасности, «политику страха» во внутренней и внешней политике анализировали Ф. Фуреди[82], С. Лукас[83]. Глобализацию как дискурс изучали Н. Фэркло, М. Весес[84]. Дискурс комплексности и его влияние на внешнюю политику США анализировал Р. О'Кейн[85]. Деконструкцию дискурса хаоса в современной мировой политике проводили С. Пинкер и Э. Мак[86], Н.Н. Талеб, В.Л. Иноземцев[87]. Понятие турбулентности в финансово-экономическом дискурсе изучал М. Уайт[88]. Дискурс-анализ глобальной экономической турбулентности проводил А. Ивахив[89].

Последняя большая группа авторов изучала те или иные аспекты реальной мирополитической турбулентности. Движущие силы турбулентности в мировой

---

[76] Агеев А.И. Нюансы турбулентности [Электронный ресурс] // Прогнозы и стратегии. – № 01/2008 - 01/2009 (2). – С. 7. URL: http://www.maib.ru/bookspublication/pis/pis2009-1/slovo/ (дата обращения: 10.01.2016)

[77] Чеснавская М.Н. Нелинейные подходы к мировой политике [Электронный ресурс] // Философия мировой политики: Актуальные проблемы / Под ред. Г.К. Ашина, А.В. Шестопала; МГИМО(У). Кафедра философии. – М., 2000. – 390 с. URL: http://goo.gl/lrg4uE

[78] Koselleck R. Crisis // Journal of the History of Ideas. – Volume 67. – Number 2. – April 2006. P. 357-400

[79] Samman A. Crisis theory and the historical imagination // Review of International Political Economy. – 22(5). – 2015. P. 966-995.

[80] Marks M.P. Metaphors in International Relations Theory. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – 272 p.

[81] Mesjasz C. Stability, Turbulence, Chaos?: Systems Analogies and Metaphors, and Change in Contemporary World Politics // A World In Transition: Humankind and Nature / Ed. by Diederik Aerts, Jan Broekaert and Willy Weyns. – N.Y.: Springer Science & Business Media, 1999. P. 105-120.

[82] Furedi F. Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation. – London, Washington: Cassel, Wellington House, 1997. – 192 p.

[83] Lucas S. Mobilizing Fear: U.S. Politics Before and After 9-11 // Review of International American Studies. – Volume 3.3 – 4.1. – Winter 2008 – Spring 2009. – P. 25-34

[84] Veseth M. Globaloney 2.0: The Crash of 2008 and the Future of Globalization. – Lanham [etc.]: Rowman & Littlefield, 2010. – 230 p.

[85] O'Kane R. Co-opting Chaos: The Role of Complexity Discourse in the War on Terror [Electronic resource] // 49th Parallel. – Issue 18. – Summer 2006. – 11 p. URL: https://fortyninthparalleljournal.files.wordpress.com/2014/07/7-okane-coopting-chaos.pdf (accessed 10.01.2016)

[86] Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет [Электронный ресурс] // Газета.ru. – 03.01.2015. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 10.01.2016)

[87] Иноземцев В.Л. Никаких гарантий [Электронный ресурс] // Газета.ru. – 23.09.2015. URL: http://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/7771379.shtml (дата обращения: 10.01.2016); Иноземцев В.Л. Теория большого хаоса. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5720#top-content (дата обращения: 10.01.2016)

[88] White M. Turbulence and turmoil in the market or the language of a financial crisis [Electronic resource] // Iberica. – №7. – 2004. – P. 71-86. URL: http://www.aelfe.org/documents/text7-White.pdf (accessed 10.01.2016)

[89] Ivakhiv A. Weathering Global Futures: Ecology, Economy, and the Unruly Tropics of the "Global" // TOPIA: A Canadian Journal of Cultural Studies. – Issue 4. – Fall 2000. – P. 5-26

политике изучали Дж. Розенау, Д.В. Ефременко, И.А. Чихарев, В.И. Пантин[90]. Международные отношения в условиях кризиса и неопределенности анализировал П.А. Цыганков[91]. Тему хаоса в современном миропорядке, кризиса лидерства и соответствующих геополитических сдвигов поднимали Зб. Бжезинский[92], Ф. Закария[93], Р. Хаас[94], Р. Каплан[95], З. Видоевич[96], В.Л. Иноземцев, А.И. Костин[97], С. Караганов[98].

Множество исследований посвящено конкретным проявлениям турбулентности. Современные массовые протесты в контексте активизации турбулентности в мировой политике изучал У. Киеми[99]. Динамики, лежащие в основе событий «арабской весны», изучали Г. Мирский[100], А. Сушенцов[101], А.В. Манойло[102]. Об экономической турбулентности в истории и современности писали Е.Г. Пономарева, В.И. Якунин[103], Л. Немова[104], М. Весес.

---

[90] Пантин В.И. Первая половина XXI века: «эпоха турбулентности» в мировом развитии [Электронный ресурс] // История и современность. – №2. – 2008. – С. 3-9. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129408/ (дата обращения: 10.01.2016)

[91] Цыганков П.А. Глобальная неопределенность и внешняя политика России // Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство «Русайнс», 2015. – С. 4-9

[92] Бжезинский Зб. Стратегический взгляд. Америка и кризис глобальной власти. – М.: АСТ, 2013. – 285 с.

[93] Закария Ф. Новый мировой беспорядок [Электронный ресурс] // ИноСМИ.RU. Интернет-проект. – 10.09.2003. URL: http://inosmi.ru/world/20030910/192974.html (дата обращения: 11.01.2016)

[94] Хаас Р. Разваливающийся миропорядок [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – №6. – 2014 г. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Razvalivayuschiisya-miroporyadok-17194 (дата обращения: 11.01.2016)

[95] Kaplan R.D. The Coming Anarchy [Electronic resource] // The Atlantic. – February 1994 issue. URL: http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1994/02/the-coming-anarchy/304670/ (accessed 11.01.2016)

[96] Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире // Социологические исследования. – 2005. – № 4. С. 25-32

[97] Костин А.И. Модели глобализации в условиях кризиса цивилизации: сравнительно-политологический анализ // Политическая наука. – 2015. – №4. – С. 40-59; Костин А.И. Последствия мирового кризиса: политологический анализ взаимозависимых рисков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 4. – С. 3-18

[98] Караганов С. Революционный хаос нового мира [Электронный ресурс] // Российская газета. – 21.12.2011. URL: http://rg.ru/2011/12/21/karaganov.html (дата обращения: 11.01.2016)

[99] Kiamie W. Turkish protests an instance of the "turbulence" of global politics today [Electronic resource] // Examiner. – June 19 2013. URL: http://www.examiner.com/article/turkish-protests-an-instance-of-the-turbulence-of-global-politics-today (accessed 11.01.2016)

[100] Мирский Г. Арабский мир: надоело, не верим, не боимся [Электронный ресурс] // Международные процессы. – Том 9. – Номер 1(25). – Январь–апрель 2011. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/012.htm (дата обращения: 11.01.2016)

[101] Сушенцов А. США и волнения на Арабском Востоке [Электронный ресурс] // Международные процессы. – Том 9. – Номер 1(25). – Январь–апрель 2011. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-fifth.htm (дата обращения: 11.01.2016)

[102] Манойло А.В. Революция на Ближнем Востоке и в Северной Африке: политический прагматизм и технологии управляемого хаоса [Электронный ресурс] // Мир и политика. Сайт. – 10 сентябрь 2011. URL: http://mir-politika.ru/170-revolyuciya-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-politicheskiy-pragmatizm-i-tehnologii-upravlyaemogo-haosa.html (дата обращения: 11.01.2016)

[103] Якунин В. Глобализация и капитализм // Развитие и экономика. – №13. – Июль 2015. С. 6-19.

Наконец, «управляемую» турбулентность, технологии управляемого хаоса и управляемых революций исследовали С. Манн[105], Ю. Бялый[106], А.В. Манойло, Е.Г. Пономарева и Е.В. Рябинин[107], В. Федотова[108], С.А. Батчиков[109], О.С. Андреева[110].

Многие названные авторы предложили интересные концепции, подходы и выводы, касающиеся отдельных аспектов нашей темы: представления о политическом дискурсе, интерпретации природы процессов турбулентности и даже попытки анализа и деконструкции современного дискурса мирового хаоса. Несмотря на то, что предпринимались попытки разработать целостную концепцию турбулентности в мировой политике[111], до сих пор не было представлено современного видения турбулентности как, во-первых, формирующегося дискурса современной мировой политики, пришедшего на смену глобалистским дискурсам управляемости, поддерживающегося различными политическими силами и использующегося стратегически; во-вторых, реального мирополитического феномена, связанного со стратегиями акторов мировой политики по управлению турбулентностью и реагированию на ее проявления.

---

[104] Немова Л. Экономика Канады в условиях глобальной турбулентности (Электронный ресурс) // Россия и Америка в XXI веке. – №1. – 2015. URL: http://www.rusus.ru/?act=read&id=431 (дата обращения: 11.01.2016)

[105] Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс] // Центр консервативных исследований. Сайт. – 08.03.2010. URL: http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml (дата обращения: 11.01.2016)

[106] Бялый Ю. Управляемый хаос [Электронный ресурс] // Суть времени. Еженедельная газета. – №6. – 28 ноября 2012. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 11.01.2016); Бялый Ю. Управляемый хаос. Часть 2 [Электронный ресурс] // Суть времени. Еженедельная газета. – №7. – 5 декабря 2012. URL: http://gazeta.eot.su/article/upravlyaemyy-haos-chast-ii (дата обращения: 11.01.2016)

[107] Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций» // Свободная мысль. – №1,2(1631). – 2012. – С. 87-99; Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса // Обозреватель. – 2015. – № 12. – С. 38-51

[108] Федотова В. Управляемый хаос // Новый мировой беспорядок: жизнь на грани хаоса. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» [Электронный ресурс]. – Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. С. 5-10. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 11.01.2016)

[109] Батчиков С.А. Глобализация - управляемый хаос // Экономические стратегии. – 2008. – Т. 10. – № 5-6. – С. 30-37.

[110] Андреева О.С. Неправительственные организации (НПО) как институт развития и переустройства мира [Электронный ресурс] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – Выпуск № 1 (72). Том 13. – 2010 г. – С. 219-226. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nepravitelstvennye-organizatsii-npo-kak-institut-razvitiya-i-pereustroystva-mira (дата обращения: 11.01.2016)

[111] Речь идет, прежде всего, о концепции турбулентности Дж. Розенау.

Актуальность темы исследования и степень ее научной разработанности определяют объект, предмет, цель и задачи исследования.

Объект – турбулентность в современной мировой политике.

Под турбулентностью мы понимаем динамику изменений миропорядка, характеризующуюся перманентной или периодически повторяющейся нестабильностью, амбивалентностью и неопределенностью процессов, частично контролируемую действиями отдельных акторов мировой политики.

Под мировой политикой мы понимаем систему взаимоотношений между акторами (государственными и негосударственными) на разных уровнях власти по поводу политических, а также влияющих на них экономических, социальных, технологических и других аспектов развития мира.

Предмет – дискурсивные и практические проявления турбулентности в современной мировой политике.

Под дискурсом мы понимаем производимые утверждения и связанные с ними практики, которые стремятся закрепить определенные представления о ключевых категориях мировой политики, угрозах, проблемах и приоритетах, а также определить, что является в мировой политике легитимным, натуральным и нормальным. За право производить доминантную артикуляцию дискурсы различных политических сил ведут дискурсивную борьбу, в результате которой определяются гегемонистские и оппозиционные дискурсы. В явлениях мировой политики можно выделить дискурсивную и недискурсивную сторону, где первая играет роль не простого зеркала, которое отражает реальные события, а поля для конкуренции различных дискурсивных стратегий.

Практику мы определяем как деятельность акторов мировой политики по управлению турбулентностью и реагированию на ее проявления.

Дискурсивные проявления турбулентности включают в себя тексты, речи, выступления, идеи, концепции, теории, идеологии и другие идеальные феномены,

производимые политиками, дипломатами, государственными деятелями, а также политически влиятельными учеными, экспертами, представителями общественности по поводу симптомов, причин, тенденций, последствий и других аспектов турбулентности в мировой политике. Практические проявления турбулентности включают в себя деятельность, стратегии, реакции различных государственных и негосударственных акторов мировой политики в отношении симптомов, причин, тенденций, последствий и других аспектов турбулентности в мировой политике.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей использования акторами дискурса турбулентности в стратегических целях, а также особенностей стратегий акторов по управлению турбулентностью и реагированию на ее проявления.

Для достижения данной цели поставлены следующие **задачи исследования**:

- выявление концепций турбулентности в мировой политике;
- определение методологических основ анализа турбулентности в современной мировой политике;
- прослеживание генезиса дискурса турбулентности;
- выделение и классификация дискурсов турбулентности и соответствующих дискурсивных стратегий;
- классификация стратегий управления турбулентностью в современной мировой политике;
- выявление и классификация стратегий ответа акторов на мирополитическую турбулентность.

Теоретические и методологические основы исследования

Теоретически исследование опирается на различные концепции политического и международно-политического дискурса: «лингвистические»

концепции анализа лексики, синтаксиса, грамматики, прагматики[112]; критический дискурс-анализ[113]; постструктурализм[114]; концепции российской «дискурсологической» школы[115].

Наиболее важными для нашего исследования являлись теоретико-методологические разработки рефлективистских направлений в теории международных отношений. Позитивистское изучение дискурса в мировой политике проводил «конвенциональный конструктивизм», основываясь на анализе взаимоотношений «структура-агент». Особенно полезной в контексте темы оказалась конструктивистская концепция «секьюритизации»[116]. Постструктурализм и критические теории анализируют мирополитический дискурс в постпозитивистском прочтении. Постструктуралистская концепция «глобальной правительности»[117] изучает «технологии власти» по непрямому управлению поведением акторов, а такие критические теории как неограмшизм, феминизм и критический реализм анализируют дискурсивные и материальные основы гегемонии социально-политических сил[118].

Названные подходы позволили проводить анализ дискурсов мировой политики, что подразумевало генеалогическое исследование дискурсов[119], изучение их лингвистической структуры, выделение субдискурсов, а также дискурсивных стратегий, связанных с ними. Все это изучалось в контексте существующих политико-идеологических отношений в мире.

---

[112] Wilson J. Political discourse; Goodman S. Visual English; Dunmire P.L. Projecting the Future through Political Discourse: The Case of the Bush Doctrine.

[113] Fairclough N. Global Capitalism and Critical Awareness of Language. URL: http://eprints.lancs.ac.uk/8546/1/la0080071.pdf (accessed 02.03.2016); Fairclough N. Language and Globalization; Fairclough N., Mulderrig J., Wodak R. Critical Discourse Analysis.

[114] Laclau E. and Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics; Жижек С. Возвышенный объект идеологии.

[115] Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология»). – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 177 с.

[116] Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации. URL: http://www.politstudies.ru/files/File/2011/3/3.pdf (дата обращения: 04.04.2016)

[117] Joseph J. The Limits of Governmentality: Social Theory and the International; Sending O.J. and Neumann Iver B. Governance to Governmentality: Analyzing NGOs, States, and Power; Рихтер Дж. Управленитет, иностранная помощь и российские НПО.

[118] Cox R. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory.

[119] Под генеалогией в фукианской теории дискурса понимается нахождение истоков и прослеживание исторического пути дискурса.

В работе, кроме того, использовались наработки в рамках постмодернистского направления и нелинейной парадигмы, которые исследуют турбулентность как феномен постсовременного мира.

В исследовании применялись методы наблюдения, анализа документов, экспликативные методы (контент-анализ, ивент-анализ), метод кейсов. Использовались общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция. Использовались методы, разработанные в рамках теории международных отношений. Применялся также системный подход, позволяющий анализировать мировую политику в целостности, взаимосвязи различных элементов.

Широко использовались методы дискурс-анализа. Применялись лингвистические методы анализа научных метафор[120]. Из критического дискурс-анализа и постструктурализма были позаимствованы методы анализа гегемонистских дискурсов, методы деконструкции[121] доминантных артикуляций, «цепей эквивалентности» и «цепей различий»[122].

Положения, выносимые на защиту:

1. Трансформация мировой политики, движимая политическими, экономическими, технологическими и другими силами, приводит к формированию ситуации турбулентности.

2. В условиях эволюции теоретических и практических подходов турбулентность в отдельных ее аспектах и проявлениях становится частично управляемой, потенциально и реально подконтрольной различным политическим и геополитическим силам. Акторы могут инициировать турбулентность, разжигать и перенаправлять ее.

3. Турбулентность – это не только реальный, но и дискурсивный феномен. В условиях эволюции средств медиа и сохраняющихся особенностей восприятия

---

[120] Нежданов Д.В, Русакова О.Ф. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса. С. 160. URL: http://www.politstudies.ru/files/File/2011/4/13.pdf (дата обращения: 02.03.2016); Кубышкина Е.В. Американский политический дискурс при Дж. Буше-мл.: эволюция метафор.

[121] Деконструкция в постструктуралистском анализе означает выявление скрытых, как правило, репрессивных смыслов анализируемого дискурса.

[122] Слободяник Н.Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муфф). С. 64

человеком кризисных явлений дискурс и метафора турбулентности начинают играть существенную роль, оказывая влияние на лиц, принимающих решения.

4. Дискурс турбулентности, благодаря как реальным, так и дискурсивным факторам, становится влиятельным дискурсом современной мировой политики, вступая в конкуренцию с дискурсом глобального управления.

5. Артикуляция современной мировой политики как турбулентной может играть стратегическую роль, внося вклад в идеологическую борьбу и действуя в интересах политических и геополитических сил. Различные дискурсы турбулентности предполагают использование различных дискурсивных стратегий.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Предложена авторская концептуализация турбулентности в мировой политике. Турбулентность понимается как динамика изменений миропорядка, характеризующаяся перманентной или периодически повторяющейся нестабильностью, амбивалентностью и неопределенностью процессов. Она задается как новейшими тенденциями в политической, социальной, экономической, технологической и др. сферах, так и деятельностью акторов мировой политики. Последние способны ставить под свой контроль отдельные проявления турбулентности. Было проведено разграничение категорий «турбулентность», «кризис», «хаос», «беспорядок», «анархия», «риск» и др. в контексте мировой политики.

2. Предложена авторская классификация дискурсов и представлений о турбулентности. Были выделены позитивные и негативные, а также диагностические и прогностические дискурсы турбулентности. Кроме того, сформулированы три смысловых субдискурса турбулентности: субдискурс «турбулентных времен», субдискурс самоорганизации и субдискурс глобальных угроз. В соответствии с данными субдискурсами был выделен ряд дискурсивных стратегий. Субдискурсу «турбулентных времен» соответствуют стратегии легитимации потрясений, размывания ответственности и оправдания симптомов

турбулентности движением к более совершенному миропорядку. Субдискурс самоорганизации лежит в основе стратегий обоснования политики невмешательства, обоснования агрессивного курса и приписывания тайного управления турбулентными процессами определенным акторам. Субдискурс глобальных угроз подразумевает использование дискурсивных стратегий конструирования карты опасностей, обоснования необходимости внешнеполитической активизации и обоснования политики надзора.

3. Предложен взгляд на феномен управления турбулентностью, а также разработана классификация стратегий управления турбулентностью. Были выделены стратегии инициации турбулентности, разжигания турбулентности и перенаправления турбулентности.

4. Предложена классификация стратегий ответа акторов на мирополитическую турбулентность: консервативная стратегия, адаптивная стратегия, стратегия коллективного управления.

Теоретическая и практическая значимость.

В теоретическом плане исследование через определение понятия, основных признаков и источников турбулентности, предлагает новое понимание турбулентности в мировой политике.

С практической точки зрения положения диссертации могут быть использованы политиками, представителями бизнеса и общественных групп для понимания практических и дискурсивных сторон современного турбулентного мира, а также для выбора эффективной стратегии поведения в условиях глобальной турбулентности.

Кроме того, положения исследования могут быть использованы в учебном процессе, в рамках преподавания курсов политологии, мировой политики и международных отношений, политической глобалистики.

Апробация результатов исследования.

Основные положения работы были апробированы в рамках работы на следующих российских и международных конференциях:

- Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия. Секция «Политические науки» (2011-2016 гг.)
- Управление в сфере науки, образования и технологического развития, Московский государственный машиностроительный университет, Россия, 21-22 апреля 2016
- Круглый стол «Кризис цивилизаций в контексте политических процессов и деятельность ООН» в рамках IV Международного научного конгресса «Глобалистика 2015», МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 26-28 октября 2015
- Глобальное управление и национальные государства в современном мире: проблемы и перспективы становления нового миропорядка, МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014
- Круглый стол «Проблемы глобальной политики в контексте кризиса цивилизации» в рамках III Международного научного конгресса «Глобалистика-2013»
- IV Всероссийская научная конференция Россия 2030 глазами молодых ученых, Москва, Россия, 15 сентября - 15 ноября 2012
- «Политика в текстах – тексты в политике: наука истории идей и учений» (к 40-летию кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Россия, 28-29 октября 2011

По итогам выступлений был подготовлен ряд статей и тезисов, в том числе в журналах, рецензируемых ВАК.

Структура и содержание диссертации соответствуют целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, основной части, заключения,

библиографии и приложений. Основная часть состоит из трех глав. Каждая глава делится на два параграфа. Диссертация содержит 5 приложений.

Структура работы позволяет последовательно разобрать теоретические и практические аспекты исследования. Первая глава посвящена теории и методологии исследований феномена турбулентности. Вторая глава исследует турбулентность как дискурс мировой политики. Наконец, третья глава анализирует практические проявления турбулентности.

1. Теоретико-методологические основы анализа турбулентности в современной мировой политике

1.1. Концепции турбулентности в мировой политике

Несмотря на то, что понятие турбулентности для описания процессов в обществе стало использоваться не так давно, само представление о хаотичных и непредсказуемых процессах было распространено уже у самых древних цивилизаций. Оно обострялось в периоды войн, эпидемий и социальных потрясений. Распространялись представления о конце света и гибели цивилизации, которые принимали формы мифологических сказаний, пророчеств религиозных деятелей, учений философов и концепций ученых.

Одно из проявлений турбулентного развития – утрата стабильности и традиций, распространение мысли о бессмысленности бытия. Все это было характерно еще для древнеегипетской поэзии и памятников вавилонской словесности – «Эпоса о Гильгамеше» и «Беседы господина с рабом»[123]. С XIX в. начинают появляться попытки научного осмысления турбулентных явлений в социальной жизни. Для этого все чаще начинает использоваться понятие *кризиса*, которое весьма близко понятию турбулентности, хотя и не тождественно ему.

В работах К. Маркса кризисы и революции преподносятся не просто как разрушительные явления, но и как переходный этап к качественно новому состоянию общества. Кризисы у Маркса играют роль «локомотивов истории»[124]. От Маркса также идет традиция взгляда на кризис (а именно на революции) как явление в целом позитивное, кладущее конец старой системе несправедливых отношений.

---

[123] Пименов А.В. Возвращение к дхарме. – М., 1998. С. 25.

[124] Булгакова О.Ю. Культурный кризис и его интерпретация в творчестве П. Сорокина [Электронный ресурс] // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена. – № 89. – 2009 г. – С. 27-31. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-krizis-i-ego-interpretatsiya-v-tvorchestve-p-sorokina (дата обращения: 20.01.2016).

Однако многие исследователи согласятся, что именно XX век по праву заслужил репутацию самого драматичного и кризисного за все время существования человечества с двумя мировыми войнами, установлением тоталитарных режимов, кризисом идей прогресса и гуманизма, экономическими катаклизмами и неоднозначными последствиями стремительного промышленного и технологического развития. Все это порождало то, что Т.Ю. Сидорина называет «кризисное сознание»[125]. Это привело к тому, что для мировой интеллектуальной элиты тема глобального общественного кризиса стала одной из ключевых в их исследованиях.

Тем не менее, тема политического, а тем более мирополитического кризиса, будет затронута еще не скоро. Философов волнует, прежде всего, кризис социокультурный, с которым связаны и более локальные по своему значению кризисы политические, экономические и т.п.

Одной из самых известных работ, описывающих кризис цивилизации, и по сей день остается работа Освальда Шпенглера «Закат Европы». История в ней рассматривается как развитие отдельных, независимых друг от друга культур, которые проходят стадии юности, расцвета, зрелости и упадка, двигаясь от точки зарождения до конечного пункта смерти культуры. Западноевропейская культура находится в стадии упадка. Это не означает, что близка физическая гибель западной цивилизации, однако творческое развитие прекращается навсегда, и все дальнейшие достижения будут строиться на костях культуры старой Европы. Цивилизация в финальной стадии своего превращения сравнивается Шпенглером с «огромным засохшим деревом в первобытном лесу», которое еще многие века будет «топорщить свои гнилые сучья»[126].

Именно концепция Шпенглера стала вдохновляющей для многочисленных пророчеств о неизбежном закате западной цивилизации, которые нередко сопровождаются идеализацией «давно минувших дней».

---

[125] Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. – М.: Флинта-Наука, 2003. – 456 с.

[126] Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой культуры. В 2 т. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606, [1] с.

Популяризация данного дискурса породила попытку развенчать апокалиптические настроения и доказать способность к дальнейшему развитию у западной культуры. Данная культура не «закатывается», а в противоположность – неудержимо распространяется по всему миру. Как пишет М. Блюменкранц, «кроме отдельных неуемных буревестников апокалипсиса прогрессивная часть современного человечества, погруженная в заботы дня текущего, с сытым благодушием посматривает вдаль бесконечно разворачивающейся исторической перспективы, считая, что “да, кризис был, но он уже разрешился в Первой и Второй мировых войнах, и сейчас мы живем в посткризисном мире”»[127].

Есть и третья позиция, одинаково далекая как от пессимистического ожидания смерти цивилизации, так и от оптимистического взгляда на кризисы как временные и успешно преодолевающиеся неудобства в общественной жизни.

Ее представителем можно назвать одного из крупнейших теоретиков кризиса в XX в. – социолога П.А. Сорокина. В своих работах «Кризис нашего времени» (1934), «Социальная и культурная динамика» (1941) он смотрит на развитие цивилизаций и культур через призму «теории флуктуации культур» (колебаний, постепенных изменений, отклонений). История, по Сорокину, есть чередование трех социокультурных суперсистем, каждая из которых опирается на свою систему ценностей: чувственной (материалистические и сенситивные ценности), идеациональной (духовные ценности) и идеалистической (комбинация чувственных, рациональных и идеалистических ценностей). Среди этих суперсистем нет лучшей, все они дают неполную картину действительности, поэтому смена систем – процесс неизбежный и необходимый. Но смена систем всегда сопровождается грандиозными конфликтами и войнами. Схема развития всегда одна и та же: за «кризисом» следует «катарсис», далее «харизма», а завершается цикл «воскресением». Именно так были преодолены все предыдущие великие кризисы, и того же следует ожидать от современного кризиса –

[127] Блюменкранц М. Глобальные проблемы современного культурного процесса // Вопросы философии. – 2006. – № 5. С. 162

чувственная культура будет постепенно разлагаться, уступая место идеациональной культуре с ее приматом духовных ценностей.

Таким образом, Сорокин продолжил традицию научного изучения кризисных явлений, где они выступают в качестве неизбежных составляющих общественного развития.

Но Сорокин привнес также важную субъективную составляющую в исследование социальных кризисов. Кризису способствует также общественное сознание, в котором представление об ожидаемом будущем и окружающей действительностью могут сильно расходиться. Как замечает Сорокин, если общественное развитие отклоняется от направления, которое задает картина ожидаемого будущего, в общественном и индивидуальном сознании такая ситуация начинает восприниматься как кризис.

Другая, не менее богатая традиция своим предметом изучения ставит не кризис локальный или временный, а кризис всеобщий и окончательный, ставящий точку в истории человечества. Философ Э. Мунье, изучая понятие конца света, постулирует, что в XX в. человечество впервые за много веков приходит к пониманию, что конец мира возможен и недалек. И если первые христиане ожидали Апокалипсис со смешением восторженной надежды и священного страха, то современные люди в ожидании его испытывают скорее тревогу, муку и отчаяние. Причины такого настроения – потеря веры, крах социальных структур, страх перед нашими собственными неограниченными возможностями. Распространяется губительный нигилизм, вызванный ужасом перед лицом беспорядка и собственного бессилия.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. инициатива в осмыслении турбулентных процессов окончательно переходит от философов к социологам, экономистам, футурологам и другим ученым. Ширится осознание того, что глобальный кризис, подтвержденный научными аргументами, угрожает самому существованию человечества.

В начале 1970-х гг. появилась работа, которая потрясла мир так же, как когда-то это сделал «Закат Европы» Шпенглера. Речь идет о первом докладе

Римскому клубу «Пределы роста», подготовленном учеными Массачусетского технологического института под руководством Д. Медоуза. Ученые прогнозировали скорое истощение природных ресурсов при сохранении существующих масштабов потребления. Прогнозы были основаны на точных математических расчетах.

Изучением кризиса занимались также и русские философы и ученые. Обращая взор на те же проблемы и тенденции, которые отмечались их западными коллегами, российские исследователи в то же время совсем по-другому к ним относились. Если работы западных исследователей характеризуются четким изложением и трезвым анализом, то эта рационалистическая традиция совсем не характерна для русских мыслителей, которые болезненно и остро пережевали кризисные события в стране и мире.

Для российской традиции характерна еще одна важная особенность. Философ Николай Бердяев, к примеру, соглашается с выводами Шпенглера, но постулируемое немецким философом движение от культуры к цивилизации, по мнению Бердяева, не является необратимым. В любой культуре может вновь возгореться воля к жизни. И такое преображение зависит именно от активности субъекта, преодолевающей объективные ограничения. С этой идеей связано также представление, характерное для русских мыслителей, об особой роли России в преодолении общемирового кризиса[128]. Учет роли субъективного фактора – значительная заслуга российской традиции осмысления кризисов.

Со второй половины XX в. социальные науки обращают внимание на то, что такие признаки кризиса как бурное развитие событий, нестабильность, неопределенность, неуправляемость и непредсказуемость превращаются из исключения в норму жизни в современном мире. Для описания состояния общества и мира в таких условиях все чаще стало применяться понятие «риск». Многие известные социологи, изучая общество и индивидов, стали поднимать такие темы как глобальный риск, неуверенность и неспособность контролировать

[128] Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. С. 429

свое будущее. Эти вопросы поднимали М. Арчер, У. Бек, И. Валлерстайн, Д. Белл, Э. Гидденс, П. Бурдьё, М. Кастельс и другие выдающиеся социологи[129].

Инструменты для понимания нового мира были найдены в не совсем типичной области – физике и математике. С 1960-х гг. здесь зарождались нелинейные подходы к пониманию хаоса. Интерес к проблеме хаоса возрос после публикации работы И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» (1979 г.), основная идея которой заключалась в том, что детерминистское описание неприменимо к системам, находящимся в неустойчивом состоянии[130]. Популярными понятиями для описания социальных систем стали «хаос» и «комплексность»[131].

Эти теории бросали вызов картезианской геометрии и ньютоновской физике, которые упускали многие важные детали природы. В центре исследования «наук о хаосе» оказались вариации, непредсказуемость, изменения, множественность путей развития системы. В число таких направлений входят теория хаоса, теория катастроф, синергетика, теория сложности (комплексности), теория фракталов и др.[132]

С 1980-х гг. положения этих теорий начали применять экономисты, философы, социологи, политологи, исследователи-международники к общественным системам.

Значимым событием здесь стало создание под эгидой Пентагона и Госдепа США американского Института Санта Фе в 1984 г. Специализацией Института

---

[129] Яницкий О.Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=508 (дата обращения: 08.03.2016); Ефременко Д.В. В ожидании штормовых порывов: внешняя политика России в эпоху перемен. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/V-ozhidanii-shtormovykh-poryvov--15527 (дата: 09.04.2016)

[130] Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. URL: http://www.psyoffice.ru/3097-8-filosofy-book_o025_7.html (дата обращения: 14.04.2016)

[131] Не существует единого определения понятия «комплексность». Полезную попытку обобщить черты комплексности в одном определении предпринял Т.Н. Осадченко, понимая под ней «свойство открытой системы, которая состоит из большого количества разнообразных, частично автономных, но имеющих сильные связи компонентов (агентов), не имеющих никакого централизованного контроля». См. Осадченко Т.Н. Комплексные адаптивные системы: основные понятия и свойства // Инновационная наука. – Выпуск № 1-1 (13), 2016. С. 149.

[132] Неклесса А. Мир индиго // Новый мировой беспорядок: жизнь на грани хаоса. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» [Электронный ресурс]. – Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. С. 17. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 01.02.2016); Арзуманян Р. Метафора нелинейности в социальных системах. URL: http://davaiknam.ru/text/r-arzumanyan-metafora-nelinejnosti-v-socialenih-sistemah-abstr (дата обращения: 25.03.2016); Бялый Ю. Управляемый хаос. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 04.01.2016)

стало изучение проблем комплексности, хаоса и самоорганизации в различных сферах: физическом, биологическом, техническом и социальном мирах.

Теоретические разработки Института используются в политической и даже военной практике. Особым достижением сам Институт признает «принятие на вооружение» с 1994 г. нелинейной динамики и теории сложности Корпусом морской пехоты США[133]. Использование нелинейных подходов, разработанных Институтом Санта Фе, также иногда усматривают в военных операциях США в Ираке, Афганистане и других горячих точках[134].

В 1996 г. под руководством корпорации РЭНД, Национального университета обороны и при поддержке Института Санта Фе состоялась конференция под названием «Комплексность, глобальная политика и национальная безопасность». Среди докладчиков были такие авторитетные фигуры как М. Гелл-Манн, Зб. Бжезинский, К. Билдер, Дж. Розенау, С. Манн и др. Доклады были посвящены потенциалу практического применения теории комплексности в области внешней, оборонной и военной политики. Показательно, что вскоре после конференции один из докладчиков, Зб. Бжезинский, опубликовал влиятельную книгу «Великая шахматная доска», где предлагалась интервенционистская стратегия сохранения гегемонии США в мире.

Интересна также фигура другого докладчика – американского дипломата С. Манна. Он начал заниматься теорией хаоса еще в конце 1980-х гг., когда он применил ее к работе Клаузевица «О войне». В 1992 г. в главном профессиональном журнале армии США «Параметры» вышла его статья «Теория хаоса и стратегическая мысль», получившая большой резонанс[135].

Со временем появились и другие организации, занимающиеся проблемами комплексности и хаоса: Группа по изучению действий в условиях неопределенности, Центр по исследованию сложных операций при Пентагоне,

---

[133] Бялый Ю. Управляемый хаос. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 10.01.2016); Неклесса А. Мир индиго. С. 18. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 01.02.2016)

[134] Неклесса А.И. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации. С. 127-128

[135] Бялый Ю. Управляемый хаос. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 10.01.2016); Федотова В. Управляемый хаос. С. 7-8. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 01.02.2016)

Центр нелинейных исследований для координации работ по изучению хаоса и сопряженных проблем и др.[136]

Сторонники перенесения положений нелинейных подходов на общественные системы подчеркивают, что хаос – неизменная характеристика мира: мир обречен быть хаотичным, так как в нем действует большое разнообразие акторов, которые руководствуются разными целями и ценностями. Некоторые из этих исследователей призывают отказаться от традиционного представления о кризисе как временном состоянии, нарушающем первоначальную стабильность и впоследствии заменяющемся новой эпохой «мирового порядка». На самом деле, как утверждают эти ученые, именно стабильность является временным и хрупким состоянием, в то время как хаос постоянен.

«Науки о хаосе» отличаются от других подходов к изучению турбулентности, кризиса и хаоса своим фундаментальным сдвигом акцентов. Понятие «кризис» здесь практически не применяется в связи с тем, что нестабильность рассматривается не как аномалия и преходящее явление, а как атрибутивная характеристика всей системы общественных отношений. Именно поэтому нормативная часть сочинений по социальному хаосу связана не с рекомендациями по преодолению хаотичного состояния, а с приспособлением к хаотичным реалиям: либо с дистанцированием от особо сильных «штормов», либо с попытками использовать их в чьих-либо интересах. Подобные мотивы можно найти во многих современных исследованиях социального хаоса.

В современных социальных науках тема нелинейности и хаоса весьма популярна. В социологии появились концепции «сложностности» (термин В.И. Аршинова), «гиперсложности» общества (термин В.П. Шалаева). Проблемы спонтанности и управляемости начинают интересовать и мирополитическую науку[137].

---

[136] Неклесса А.И. Мир индиго. С. 18. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 01.02.2016); Неклесса А.И. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации. С. 127-128

[137] К примеру, в 2012 г. состоялась XXV сессия Зимнего методологического института на тему «Спонтанность и управляемость в мировой системе».

Нелинейный подход и теория хаоса представили новое, более адекватное современным условиям представление о социальных системах, в т.ч. международной системе, гетерогенность и динамичность которой определяет ее (не)управляемость.

Другая заслуга этих подходов состоит во внедрении в дискурс социальных отношений и социальных наук понятия «турбулентность»[138].

Само слово «турбулентность» впервые стало применяться в гидродинамике, где под ней понималось образование в потоке жидкости или газа хаотичных вихрей в результате изменения скоростей в отдельных областях[139]. В общественных науках понятие используется в основном метафорически, передавая образ бурных изменений как могущественной силы, перед которой «вряд ли возможен какой-то контроль»[140]. В то же время слово постепенно перестает быть лишь экзотичной метафорой в социально-политической сфере. Словари допускают толкование турбулентности как «состояния бурных волнений и беспорядка». Так, индустриальную революцию можно назвать периодом великой турбулентности[141].

Одними из первых эвристичность понятия турбулентности в социальных науках увидели представители организационной теории Ф. Эмери и Э. Трист. В середине 1960-х гг. они опубликовали статью, в которой турбулентной называлась одна из форм среды, в которой действуют организации. Турбулентная среда, характеризующаяся высокой степенью сложности, динамизма и гетерогенности, является серьезным препятствием для развития организаций[142].

В теорию международных отношений тема резких и разрушительных изменений во взаимозависимой международной среде входит с конца 1960-х гг.

---

[138] Maull H.W. World Politics in Turbulence. P. 12 URL: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_maull.pdf (accessed 10.03.2016)

[139] Евдоченко Е.А. Турбулентность глобальной экономической среды: теоретические аспекты и практическое проявление. URL: http://www.irbis.kneu.kiev.ua:8080/bitstream/2010/5535/1/112-119.pdf (дата обращения: 06.04.2016); Пономарева Е.Г. Балканы как зона турбулентности капитализма. URL: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_03_2008/07.pdf (дата обращения: 02.02.2016)

[140] White M. Turbulence and turmoil in the market or the language of a financial crisis. P. 74. URL: http://www.aelfe.org/documents/text7-White.pdf (accessed 03.03.2016)

[141] Turbulence [Electronic resource] // The Free Dictionary. URL: http://www.thefreedictionary.com/turbulence (accessed 02.09.2015)

[142] Emery F.E., Trist E.L. The causal texture of organizational environments.

Важной вехой стала публикация в 1968 г. работы Г. и М. Спраутов «Экологическая парадигма для исследования международной политики». Авторы, применяя идеи из экологии к области международных отношений, развивали мысль о том, что в современном мире «любое существенное изменение в одном секторе среды почти наверняка произведет значительные, часто тревожные, а иногда крайне разрушительные последствия в других секторах»[143].

Но разработку целостной концепции турбулентности в мировой политике связывают с работами американского исследователя международных отношений Джеймса Розенау. Опираясь на перечисленные и другие разработки в различных областях социальных наук, Розенау излагает свою теорию турбулентности в 1990 г., в книге «Турбулентность в мировой политике: теория изменения и преемственность»[144]. Данная работа и развитие основных ее положений в более поздних трудах Розенау оказали значительное влияние на научное сообщество и осмысление международных дел в эпоху глобализации и бурных изменений. Интересно, что проблематика турбулентности вызвала особый интерес среди российских авторов. Такие современные авторы как Д.В. Ефременко и И.А. Чихарев говорят о новом поколении турбулентности, когда старые тенденции усилились и дополнились некоторыми новейшими трендами.

В дискурсе социологии, политологии, мирополитической науки и глобалистики все чаще встречается понятие и метафора турбулентности. Дж. Урри, О.Н. Яницкий, М.С. Негрова и др. рассматривают сложное общество в терминах турбулентности[145]. В 2013 и 2015 гг. состоялись III и IV Международный научный конгресс «Глобалистика», где поднимались темы глобального управления, кризиса цивилизации, нестабильности и глобальной социальной турбулентности.

---

[143] Sprout H. and M. Sprout. An Ecological Paradigm for the Study of International Politics. – Princeton University, Center for International Studies, Research Memorandum no. 30, March 1968. P. 55

[144] Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity.

[145] Негрова М.С. О турбулентных процессах передела пространства-времени: перспективы и опасения (на примере Красноярского края). С. 106. URL: http://www.terrahumana.ru/arhiv/13_01/13_01_20.pdf (дата обращения: 05.04.2016)

Ученые и философы не смогли выдвинуть единой концепции кризисов, хаоса и турбулентности в общественном развитии. Мы можем выделить, по крайней мере, две одинаково старых традиции прочтения этих тем в социально-политическом развитии. Одна видит турбулентность как переходный этап от одного качественного состояния общества в другое. Вторая же традиция не придает кризису и турбулентности такого большого значения. Эти традиции могут дробиться и дальше. К примеру, традиция, связывающая кризис с изменениями, встречается в таких разновидностях как «эсхатологический» взгляд на кризис (в XX в. представленный, к примеру, работой О. Шпенглера «Закат Европы» и докладом Римскому клубу «Пределы роста») и стадиальное представление (свойственное, к примеру, марксизму, а также, во многом, самому автору концепции турбулентности в мировой политике Дж. Розенау). Вторая, «статичная» традиция видит в кризисе либо временные неудобства перед возвращением системы в первоначальное (докризисное) положение (позиция М. Блюменкранца), либо склонно рассматривать турбулентность как явление, характерное в равной степени для любого времени истории (нелинейные подходы).

Прежде чем предложить наш взгляд на феномен турбулентности, разберем основные современные концепции турбулентности в мировой политике.

По Дж. Розенау, турбулентность предполагает «напряжённость и перемены, когда структуры и процессы, которые обычно поддерживают политику, неустойчивы и в них происходит переустройство»[146]. Изменения налицо, но трудно предположить, куда они приведут. Именно поэтому новую мирополитическую реальность, с точки зрения ученого, можно описывать как «пост-международную политику». Название указывает на изменения, но, в то же время, не обозначает четкого направления этих изменений.

[146] Розенау Дж.Н. Турбулентность в мировой политике. URL: http://www.bellkinn.chat.ru/zip/tmo/tmo.zip (дата обращения: 05.10.2015)

Схожим образом трактует турбулентность российский социолог и исследователь рисков О.Н. Яницкий. Турбулентность у него понимается как крайняя неустойчивость мировой системы (особенно ее политической и экономической подсистем) с повышенным риском погружения в хаос. «"Турбулентность" это всепроникающий риск ее деградации и разрушения вследствие нового этапа передела мира и его ресурсов, непримиримого конфликта культур, отягощенного локальными конфликтами и войнами»[147].

Отличие двух подходов заключается в том, что если Розенау делал акцент на прогностическом измерении турбулентности, то Яницкий – на диагностическом. С этим разграничением связано отличие в интерпретации основных источников турбулентности: для Розенау турбулентность движима средовыми и структурными факторами, в то время как для Яницкого – геополитическими и конъюнктурными. Представляется, что для понимания турбулентности важно учитывать оба аспекта.

Особенность концепции Розенау в том, что «турбулентность» для него была больше чем «выразительной метафорой». Она выступала в качестве «серьёзной и системной аналитической концепции, которая помогает объяснить возникновение постмеждународной политики»[148]. Серьезная концептуализация «турбулентности» предполагает четкий ответ на вопрос о том, что же именно можно назвать «турбулентностью»? Не является ли это понятие слишком размытым и подверженным субъективным ощущениям людей, ведь «каждая эпоха представляется живущим в ней людям хаотичной»?[149] Когда можно сказать, что международная система «вошла в зону турбулентности»? Является ли турбулентностью, к примеру, глобальный финансово-экономический кризис?

У ученого на эти вопросы есть четкий ответ: «турбулентность считается установившейся только тогда, когда основные параметры мировой политики, те границы, которые формируют и ограничивают колебания её переменных

---

[147] Яницкий О.Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=508 (дата обращения: 08.03.2016)

[148] Розенау Дж.Н. Турбулентность в мировой политике. URL: http://www.bellkinn.chat.ru/zip/tmo/tmo.zip (дата обращения: 05.10.2015)

[149] Там же.

составляющих, поглощаются большой сложностью и высокой степенью динамизма»[150]. Всего этих параметров Розенау выделяет три: макро-параметр, «макро-микро-параметр» и микро-параметр. Под первым, структурным параметром, имеется в виду общая структура глобальной политики, влияющая на распределение власти. Это те договоренности, режимы, союзы и конвенции, посредством которых макросообщества (государства, их группы и международные организации) решают глобальные вопросы. Второй, смешанный параметр, описывает властные отношения между макро-коллективами и гражданами. Наконец, третий параметр – это те способности восприятия окружающего мира и опыт граждан, которые, совершенствуясь, помогают им играть все большую роль в мировой политике. Все три параметра являются взаимосвязанными, поэтому если изменения затронули один из них, под угрозой дестабилизации оказываются два других[151].

Соответственно, далеко не все «катаклизмы», с точки зрения Розенау, можно назвать проявлением турбулентности в мировой политике. Турбулентность обозначает наступление совершенно нового мира с новыми законами и правилами игры. Именно такие *«параметрические» изменения* начались, по мнению исследователя, в начале 1950-х гг., а окончательно оформились в 1960-е гг.

Именно поэтому изменения, которые происходили во второй половине – конце XX в. можно назвать турбулентными, и это их отличает от многочисленных, возможно, не менее драматичных кризисов прошлого. Меняются все три параметра мировой политики: на микро-уровне «аналитические способности отдельных людей повысились до такой степени, что они играют другую и важную роль в мировой политике»[152]. Структурный параметр меняется так, что старая государствоцентричная система сегодня сосуществует с многоцентричной. Наконец, изменения реляционного параметра заключаются в

[150] Там же.
[151] Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. P. 88
[152] Ibid

пересмотре прежнего взгляда на подчинение власти как неоспоримое и происходящее само собой.

В чем же причины возникшей турбулентности? Розенау называет пять основных причин:

1) переход от индустриального к постиндустриальному порядку, где особую роль играет микро-электронная революция, сделавшая вклад в связанность и взаимозависимость современного мира;

2) появление транснациональных проблем – таких как терроризм, изменение климата, СПИД и т.п.;

3) снижение способности государств решать основные вопросы политической повестки дня;

4) усиливающаяся децентрализация и повышение эффективности субсистем;

5) расширение аналитических способностей и компетентности населения по значительному кругу вопросов[153].

То, что рассматривает Розенау, можно назвать второй турбулентностью в истории международной системы. Первая турбулентность положила начало само́й современной системе международных отношений, которая основана на взаимодействии государств. Эта революция более или менее четко оформилась после заключения Вестфальского мирного договора в 1648 г. Что касается более ранних эпох, то они «явились свидетелями войн, которые вызвали переход глобальных структур от многополярных к биполярным основам и кардинальным изменениям, подорвавшим преобладающие отношения к власти. Но только в XVII веке начали создаваться условия, при которых перестройка коснулась значимости всех этих трёх фундаментальных параметров»[154].

Стоит отметить важный факт, который отличает взгляд Розенау от многих современных теоретиков турбулентности. Концепция турбулентности у Розенау занимается не нормативным описанием того, насколько мир упорядочен или

[153] Ibid
[154] Ibid

хаотичен, а аналитическим исследованием, прежде всего, движущих сил современных изменений[155]. Именно поэтому турбулентность у ученого ближе скорее к понятию «изменения», чем к понятию «хаос»[156]. Еще одна особенность, которую можно отнести к недостаткам концепции, заключается, как уже говорилось, в игнорировании исследователем целого спектра конъюнктурно-геополитических источников глобальной нестабильности и изменений: роли смещающегося баланса сил между государствами, блоками, цивилизациями, политическими и экономическими системами, последствий восхождения и заката гегемонов и т.п.

Розенау первым стал изучать тему турбулентности в мировой политике в системном виде. Его взгляды, как и сама проблематика мирополитической и глобальной турбулентности, получили широкое распространение среди исследователей, а затем – и среди политиков.

Дальнейшие исследования турбулентности в мировой политике так или иначе развивали подход, предложенный Розенау.

С точки зрения Д.В. Ефременко новая турбулентность обусловлена двумя взаимосвязанными процессами – *глобализацией и поствестернизацией*. Говоря о глобализации, исследователь подчеркивает момент достижения мир-системой нового качественного состояния, когда «обретя единство, [она] оказалась закрытой, замкнутой, не имеющей внешней периферии. Новое качество турбулентности состоит в том, что она сотрясает замкнутую систему, лишенную возможностей внешней экспансии и, следовательно, снижения внутреннего давления»[157]. Здесь Ефременко затрагивает роль экономических факторов в усилении турбулентности. В «замкнутом» мире мгновенные перетоки капитала, нередко связанные с финансовыми спекуляциями, способны обрушить экономики целых стран и блоков.

---

[155] Rosenau J.N. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. P. 56

[156] Что отражено в названии работы Розенау: «Турбулентность в мировой политике: теория изменений и преемственности»

[157] Ефременко Д.В. Глобальная турбулентность и метаморфозы российской политики. С. 52-53.

Вторая тенденция, поствестернизация, означает, что мировая цивилизация, с учетом полутысячелетнего опыта доминирования стран Запада, далее будет развиваться не в том русле, который задал глобальный Запад. Очертания нового порядка пока не видны и сегодня мы имеем турбулентный переход, «междуцарствие» в преддверие новой эры[158].

Также, как пишет Ефременко, не стоит забывать о так называемой «естественной» турбулентности, «возрастающей уязвимостью социотехнических систем перед природными катаклизмами»[159].

Ефременко, таким образом, обратил внимание на, по крайней мере, три важных источника современной турбулентности – глобальную экономику, цивилизационный «поворот на Восток» и естественную турбулентность.

На других аспектах современной турбулентности концентрируется И.А. Чихарев. По его мнению, те пять факторов турбулентности, которые Розенау выделил в начале 1990-х гг., продолжают действовать и сегодня, образуя феномен «неотурбулентности»[160]. Эти процессы заметно интенсифицировались, что автор и показывает на двух примерах.

Первая тенденция, переход к постиндустриальному порядку, перешла на новый качественный уровень, заметным продуктом которого стало развитие глобальных сетевых технологий. Другая тенденция – развитие способностей и компетентности населения – также усилилась: информированность людей о «мировых делах» возросла на порядок, чему способствуют современные технологии коммуникаций и расширение возможностей создания коалиций.

Чихарев постоянно подчеркивает амбивалентность «неотурбулентности». Так, информационные технологии не только делают индивида более сознательным и вовлеченным в мировую политику, но и делают его все более жителем именно виртуального пространства, что ведет к исключению его из политической жизни. Другой, более важный пример амбивалентности связан с тем, что сегодня турбулентность становится все более управляемой:

---

[158] Там же. С. 52
[159] Там же. С. 54
[160] Чихарев И.А. Мировая политическая динамика: Концептуальные основания и движущие силы. С. 11

турбулентные процессы становятся подконтрольными управленческим стратегиям наиболее сильных акторов мировой политики. Автор верно задал перспективное направления изучения турбулентности, хотя и не стал раскрывать тему более подробно.

Современные исследования турбулентности многое позаимствовали из работ Дж. Розенау, начиная от терминологии и заканчивая самими теоретическими положениям. Однако эти исследования привносят много нового, что можно связать с объективными изменениями в современной мировой политике и международном дискурсивном пространстве. Иным становится и практический посыл работ.

Авторы смотрят на турбулентность более широко, включая в нее не только фундаментальные революции в системе международных отношений (такие как переход к системе наций-государств или к полицентричной системе), но и любые крупные изменения в мировой политике (у Ефременко, к примеру, турбулентными признаются также эпохи Французской революции, Наполеоновских войн, а также современная эпоха изменения соотношения сил в мире) и потрясения в других сферах общественной жизни.

В современных исследованиях турбулентность ассоциируется уже не с «изменениями», а именно с «хаосом» и «неопределенностью». Преобладающими стали негативные ожидания, неоднозначный взгляд на последствия активизации драйверов политической динамики и более «политический» (даже «геополитический») взгляд на турбулентные процессы, что можно связать с изменившейся геополитической и идеологической конъюнктурой в мире и можно назвать шагом вперед в теоретическом осмыслении турбулентности. Несколько отходя от «стадиального» прочтения темы кризисов у Розенау, авторы в то же время не сближаются с лагерем пророков конца цивилизации, ведь последние зачастую предлагали альтернативную, некризисную модель развития. Зато близки им оказываются сторонники «теории хаоса» и других нелинейных подходов.

Несколько альтернативное прочтение глобальной турбулентности предложил итальянский мир-системный теоретик, экономист и социолог Дж.

Арриги, развивавший свои идеи параллельно с Дж. Розенау. Он связывал турбулентность с процессами установления и распада системы, основанной на гегемонии одной из стран: «Состояние системного хаоса / турбулентности было наиболее очевидным во время создания системы. Но оно возвращалось дважды: как признак распада системы, сложившейся при старой гегемонии, и как ключевая составляющая в воссоздании системы при новой гегемонии»[161]. Арриги делает важное пояснение, допуская возникновение турбулентности как самопроизвольно, так и в результате искусственных действий, связанных со стратегиями акторов[162]. Системный хаос является тревожным для акторов состоянием, поэтому то государство (или группа государств), которое сможет предложить модель порядка, становится претендентом на установление гегемонии[163].

Последняя по времени турбулентность, началась, с точки зрения Арриги, в 1970-е гг. Ее основной причиной является распад системы, основанной на американской гегемонии[164]. Контуры будущей системы ни в коей мере не предопределены, но можно предположить, что новая система вберет в себя «те или иные черты раннесовременных или досовременных форм правления»[165].

Арриги, являясь представителем мир-системного подхода, делает особый акцент на процессах в мировой экономике. Именно в кризисной, турбулентной природе капитализма нужно искать истоки глобальных изменений. Капитализм цикличен: фазы стабильного роста в мир-экономике чередуются с фазами турбулентности «во время которых происходило разрушение условий для стабильного роста по сложившейся траектории и создание условий для стабильного роста по новой траектории»[166]. Фазы турбулентности Арриги характеризует как «моменты сокращения и растущей дезорганизации, а также

---

[161] Арриги Дж. Долгий двадцатый век. С. 126
[162] Пономарева Е.Г. Балканы как зона турбулентности капитализма. URL: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_03_2008/07.pdf (дата обращения: 02.02.2016)
[163] Арриги Дж. Долгий двадцатый век. С. 72
[164] Там же. С. 126-127
[165] Там же. С. 127
[166] Там же. С. 305

передислокации и реорганизации мировых процессов накопления капитала»[167]. На Рисунке 1 представлена «метаморфозная модель системных циклов накопления». C_1, C_2 и C_3 обозначают сигнальные кризисы, указывающие на достижение пределов стабильного роста по старому пути и появление нового пути (пунктирная линия)[168]. B_1 и B_2 обозначают моменты возрождения старой системы, которые, однако, не означали «возрождения способности этого режима создавать новый круг материальной экспансии капиталистического мира-экономики. Напротив, оно всегда означало обострение конкурентной и властной борьбы»[169]. Все это приводило к наступлению терминального кризиса (T_1 и T_2).

Сегодня экономический подход к глобальной турбулентности Дж. Арриги развивает, к примеру, российский политолог Е.Г. Пономарева, анализируя неустойчивость капитализма в эпоху глобализации[170].

Заслугой подхода к турбулентности Дж. Арриги можно назвать обращение внимания на взаимосвязь турбулентности и циклов гегемонии. Исследователь также верно обратил внимание на роль мировой экономики в формировании ситуации турбулентности. Впрочем, это достоинство имеет и оборотную сторону: также как и другие теоретики мир-системного подхода, Арриги оставляет множество важных факторов в тени экономических источников турбулентности.

Предпринимая попытку обобщить различные концепции турбулентности и сформулировать собственное представление о ней, выделим основные черты турбулентности в мировой политике.

В большинстве случаев употребления понятия турбулентность доминирует стремление подчеркнуть такой признак мировой политики как *нестабильность*, т.е. хаотичность, неспокойность, дезорганизованность и т.п. Подчеркивается наличие опасных «флуктуаций» в современном мире: экономических кризисов, террористических атак и прочих событий, нарушающих относительно размеренный ход «обычной» жизни. Эта черта особенно привлекает внимание

---

[167] Там же.
[168] Там же.
[169] Там же. С. 308-309
[170] Пономарева Е.Г. Балканы как зона турбулентности капитализма. URL: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_03_2008/07.pdf (дата обращения: 02.02.2016)

журналистов и политиков, т.к. обращает внимание на события, происходящие здесь и сейчас, несущие неожиданные угрозы и изменения. Так, турбулентность используется в качестве синонима слов «беспорядок», «потрясения» и «смятение» (turmoil)[171]. В то же время для теоретиков отдельные локальные потрясения предстают скорее как симптомы более общих и фундаментальных проблем турбулентности. Турбулентность – это, таким образом, больше чем просто отсутствие стабильности.

Второй чертой, которую подчеркивают практически все теоретики, является *неопределенность* (непредсказуемость, непрогнозируемость), под которой подразумеваются трудности в построении долгосрочных прогнозов и представлений о будущем международной системы. Дж. Розенау верно замечает, что неопределенность присуща всем социальным системам, однако в эпоху турбулентности она произрастает из факта отсутствия или разрушения сдерживающих принципов и общих правил[172]. Именно поэтому турбулентную реальность мировой политики Розенау описывал как «постмеждународную политику»: «постмеждународная политика является подходящим обозначением, потому что оно ясно наводит на мысль об ущербности долгосрочных моделей, не указывая при этом, куда могут привести изменения»[173].

Неопределенность современного мира – это один из ключевых постулатов нелинейной парадигмы: развитие – это нелинейный и многовариантный процесс, где результат заранее не предрешен. Такая точка зрения наносит удар по прогрессивистским концепциям о «конце истории» и «волнах демократизации»[174].

Механизм, создающий наиболее значительные разрывы в линейности социальной ткани, в нелинейных науках называют «эффектом бабочки». Суть явления заключается в том, что «малые причины могут запускать макропроцессы,

---

[171] White M. Turbulence and turmoil in the market or the language of a financial crisis. P. 75. URL: http://www.aelfe.org/documents/text7-White.pdf (accessed 03.03.2016)

[172] Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. P. 86

[173] Розенау Дж.Н. Турбулентность в мировой политике. URL: http://www.bellkinn.chat.ru/zip/tmo/tmo.zip (дата обращения: 05.10.2015). Вообще приставка «пост-» в последнее время употребляется в самых разных контекстах, например, «постсоветское пространство», «постмодернистское общество» и т.п. С точки зрения В.И. Якунина, это является признаком кризиса и «отдает "чувством увядания". Ведь футурологи не смогли дать сколько-нибудь убедительной картины будущего». См. Якунин В. Глобализация и капитализм. С. 10.

[174] Ефременко Д.В. После дуумвирата: внешняя политика Москвы. URL: http://globalaffairs.ru/number/Posle-duumvirata-vneshnyaya-politika-Moskvy-15216 (дата обращения: 03.03.2016)

в результате которых реализуются сценарии, еще совсем недавно казавшиеся экзотическими или невероятными»[175]. Причем совсем не важно где и когда случилось первоначальное событие. Классический пример «эффекта бабочки» - убийство 28 июня 1914 г. австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда в неприметном балканском городе, которое привело, в результате, к Первой мировой войне, гибели 15 млн. человек и другим глобальным последствиям, которые чувствуются до сих пор[176].

Непредсказуемость турбулентности проявляется еще и в таком ее измерении как длительность. Вопрос, поэтому, заключается в том, чем является турбулентность – относительно коротким периодом кризиса мировой политики или ее новым, устойчивым состоянием? Дж. Арриги рассматривает современную турбулентность как хоть и особенный, но в целом типичный период «междуцарствия» в миросистеме, связанный с цикличностью гегемонии и капиталистической экономики[177]. П.А. Цыганков также ситуацию кризиса старых правил и неоднозначности новых правил поведения на международной арене интерпретирует как переходный характер переживаемого международного порядка[178]. Противоположную позицию занимает А.И. Неклесса, интерпретируя турбулентность как «новое перманентное состояние цивилизации»[179]. По его мнению, «состояние неопределенности – это, по-видимому, не просто постиндустриальный барьер, не некоторая транзитная ситуация, прохождение которой есть дело нескольких лет, или даже нескольких десятков лет, т.е. ситуация, которая со временем так или иначе будет преодолена. Нет, это возможно и есть основное, определяющее качество Нового мира, в котором

---

[175] Ефременко Д.В. В ожидании штормовых порывов: внешняя политика России в эпоху перемен. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/V-ozhidanii-shtormovykh-poryvov--15527 (дата: 09.04.2016)

[176] Rosenau J.N. Many Damn Things Simultaneously: Complexity Theory and World Affairs. P. 48. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf (accessed 17.03.2016); Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml (дата обращения: 03.11.2015)

[177] Арриги Дж. Долгий двадцатый век.

[178] Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. – М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 180

[179] Неклесса А.И. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации.

человечество будет отныне пребывать, соответствующим образом трансформируя свое сознание и адаптируя социальные коды деятельности»[180].

По нашему мнению, именно такая черта как непредсказуемость не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о длительности турбулентности. Это созвучно позиции Дж. Розенау, который считал, что турбулентные потоки могут оказаться «совокупностью устойчивых системных построений», либо же просто быть «переходным условием»[181]. Стоит также обратить внимание на мнение Неклессы, который предполагал, что «перманентность или преходящность турбулентности» - это, возможно, ложная дилемма, ведь «хронополитическая пауза» порой может занимать «продолжительное время, исчисляемое десятками, а то и сотнями лет. Иначе говоря, между «"историческими материками" порой зияют провалы темных веков»[182].

Непредопределенность будущего оставляет пространство для построения возможных сценариев развития международной системы. Розенау, к примеру, выделяет 4 сценария: глобальное общество, реставрированная государственная система, плюрализм и устойчивая бифуркация.

Сценарий «глобального общества» основан на предположении, что глобальные ценности возобладают над тенденциями как сохранения мощи государств, так и усиления субгруппизма. Права человека станут «мастер-дискурсом» международной повестки дня. Сценарий «реставрированной государственной системы» базируется на том предположении, что государства так и останутся самым эффективным и легитимным форматом решения общественных проблем. «Плюралистический» сценарий означает полную победу тенденции децентрализации с такими ее характеристиками как кризис власти, недоверие граждан к институту государства, возрастание значимости ценности автономии, рост насильственных и ненасильственных конфликтов и беспорядков. Наконец, сценарий «устойчивой бифуркации» предполагает, что напряженность и

---

[180] Неклесса А.И. Конец цивилизации или зигзаг истории? URL: http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/lyudi-vozduha-ili-kto-stroit-mir/12366-konec-civilizacii-ili-zigzag-istorii.html (дата обращения: 04.03.2016)

[181] Розенау Дж.Н. Турбулентность в мировой политике. URL: http://www.bellkinn.chat.ru/zip/tmo/tmo.zip (дата обращения: 05.10.2015)

[182] Неклесса А.И. Ordo quadro - четвертый порядок: пришествие постсовременного мира. С. 3

конфликт между государствоцентричным и мультицентричным миром так и не найдет разрешения. Столкновение тенденций централизации и децентрализации, питающее турбулентность, сохранится «навсегда». С точки зрения Розенау, четвертый сценарий сегодня видится наиболее вероятным[183].

По нашему мнению, турбулентность принципиально неопределенна, что проявляется как в невозможности делать сколько-нибудь значимые однозначные долгосрочные прогнозы развития мировой политики, так и в невозможности определить, чем же является нынешняя турбулентность: преходящим состоянием, или же новой перманентной характеристикой мировой политики.

Важной характеристикой турбулентности являются *изменения*. Больше всего на эту характеристику ориентирована концепция турбулентности Дж. Розенау, которая, по сути, носит подчиненный характер по отношению к его концепции изменений в мировой политике. Иными словами, кризисные явления и их последствия для жизней миллионов людей важны для ученого не сами по себе, а в качестве свидетельства наступления новой эпохи в международных отношениях. Турбулентность выступает одновременно и источником, и следствием изменений в мировой политике[184]. Она репрезентует изменчивость и может сама способствовать дальнейшим изменениям.

С какими же изменениями связана турбулентность? Розенау характеризует новое состояние мировой политики как «постмеждународная политика», так как понятие «международные отношения» устаревает под влиянием процессов децентрализации и рассредоточения «сфер компетенции» (spheres of authority).

Многие ученые верно указывают на возрастание количества релевантных акторов в мировой политике. Кроме государств, их союзов и межправительственных организаций (МПО) такими акторами становятся неправительственные организации (НПО), транснациональные корпорации (ТНК), внутригосударственные регионы, города и даже отдельные индивиды. Некоторые из таких влиятельных акторов могут требовать включить себя в

[183] Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. P. 446-453
[184] Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. P. 61

процесс принятия важных решений, что предполагает необходимость координировать все большее число акторов поперек национальных границ[185].

Идею о возрастающем многообразии акторов Розенау выразил в известном эвристическом образе «двух миров» мировой политики: государствоцентричный мир, где доминирующими и сильнейшими акторами являются национальные государства, и мультицетричный, где государства – не единственные и, зачастую, не самые сильные акторы мировой политики. Комплексные взаимодействия между этими мирами, лежащие в основе современной глобальной системы, постепенно меняют Вестфальскую международную систему и формируют турбулентное бифуркационное состояние мировой политики.

Турбулентность отражает и формирует также другие важные изменения в мировой политике: подъем и упадок гегемонов, великих держав, цивилизаций, возникновение глобальных проблем, изменение экономических и технологических укладов и т.д.

С изменениями связана еще одна важная черта – *амбивалентность* (двойственность, противоречивость) турбулентности. Как пишет Дж. Розенау, эпоха турбулентности – это эпоха множества противоречий; современную мировую политику нельзя непротиворечиво описать: «Международная система менее доминантна, но по-прежнему сильна. Государства меняются, но не исчезают. Государственный суверенитет размывается, но все еще решительно утверждается. Правительства ослабевают, но их вес все еще значим. Иногда гражданское общество становится требовательным, но в другие времена оно становится более сговорчивым. Границы все еще сдерживают нарушителей, но становятся все более пористыми. Ландшафты уступают место этношафтам, медиашафтам, идеошафтам, техношафтам и финансшафтам, но территориальность все еще центральная забота для многих людей»[186]. Таким образом, для Розенау двойственность современной мировой политики питается

---

[185] Maull H.W. World Politics in Turbulence. P. 16 URL: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_maull.pdf (accessed 10.03.2016)

[186] Rosenau J.N. Many Damn Things Simultaneously: Complexity Theory and World Affairs. P. 33. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf (accessed 17.03.2016)

противоречиями между государствоцентричным и мультицентричным мирами. По-другому противоречивость мировой политики Розенау сформулировал, введя термин «фрагмеграция», показыающий взаимопереплетение противоположных динамик – фрагментарной и интегративной. Таблица 1 демонстрирует авторские примеры этого процесса.

Также для описания этих процессов в науке используются такие понятия как «глокализация» (совмещение понятий «глобализация» и «локализация»), метафоры вроде «Джихад против Единого мира (Jihad vs. McWorld)», художественно-философские образы столкновения духов постсовременности и неоархаизации и т.п.[187].

Для Е.М. Примакова сама турбулентность является лишь одной из сторон противоречивого мира: «Экономическая турбулентность, террористическая активность, угроза распространения оружия массового поражения, выступления против авторитарных режимов, приводящие подчас к смуте, хаосу, применение силы со стороны НАТО в стремлении навязать угодные Западу порядки в той или иной стране, тлеющие региональные конфликты, готовые вспыхнуть пожарами, - все это сегодняшний мир. Переплетение экономик различных стран, интеграционные процессы, мировой научно-технический прогресс - все это тоже сегодняшний мир»[188].

Однако турбулентность – это не только нестабильность, но и неопределенность и противоречивость, вызванные бифуркационными трениями между сталкивающимися трендами, и способные сами продуцировать нестабильность.

Сценарий устойчивой бифуркации международной системы подразумевает сохранение амбивалентности и в будущем. Будет иметь место неравновесное, но устойчивое сосуществование взаимоотталкивающих тенденций. Два «мира» мировой политики будут пытаться доминировать друг над другом в разные

---

[187] Kiamie W. Turkish protests an instance of the "turbulence" of global politics today. URL: http://www.examiner.com/article/turkish-protests-an-instance-of-the-turbulence-of-global-politics-today (accessed 10.09.2015); Неклесса А. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации.

[188] Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. – М.: Издательство Московского университета, 2014. С. 177-178

промежутки времени, но ни один из них не сможет добиться устранения другого. В случае реализации других сценариев амбивалентность, а значит и турбулентность в мировой политике, прекратит существование (по крайней мере, на какое-то время).

Амбивалентность турбулентности оборачивается невозможностью спрогнозировать даже приблизительный вектор тех или иных процессов. У. Киеми приводит в пример гражданские протесты, которые в Турции возглавили светские силы, в то время как в арабском мире – исламисты[189]. Турбулентность означает напряженное, но закономерное противостояние между старым, современным и новым, между тенденциями локализации, национализации и глобализации. Амбивалентность турбулентности проявляется и в геополитическом поле: доминирование одних игроков ослабевает, но они все еще достаточно влиятельны, чтобы определять значительную часть процессов в мировой политике.

Важнейшая черта современной турбулентности, на наш взгляд – *управляемость*. На первый взгляд парадоксальная, эта черта в последнее время привлекает особенное внимание не только теоретиков, но и крупных политиков по всему миру. Популярность нынешних дискуссий об «управлении хаосом» доказывает, что дискурс сегодня во многом формируют теории нелинейности, сложности, синергетики и турбулентности. Владение новыми теориями по праву становится одним из требований к современным экспертам и ученым. А.И. Агеев вообще заявляет, что в сферах политики, бизнеса, информации «пренебрежение категориями синергетики означает профнепригодность современных управленцев и экспертов»[190].

Идея о возможности управлять турбулентностью и хаосом являлась важным пунктом в нелинейной парадигме, где она реализовалась в концепции самоорганизующейся критичности (self-organized criticality). Иногда истоки этой

---

[189] Kiamie W. Turkish protests an instance of the "turbulence" of global politics today. URL: http://www.examiner.com/article/turkish-protests-an-instance-of-the-turbulence-of-global-politics-today (accessed 10.09.2015)

[190] Агеев А.И. Нюансы турбулентности. URL: http://www.maib.ru/bookspublication/pis/pis2009-1/slovo/ (дата обращения: 05.03.2016)

идеи усматривают в античном взгляде на хаос не как деструктивное начало, а как животворную силу, источник порядка[191].

Управление турбулентностью - это логичный ответ на «тиски турбулентности», из которых практически невозможно выбраться. Турбулентность начинает восприниматься как многообещающая возможность для политической стратегии.

Для А.И. Неклессы именно такая возможность должна составлять основу «нового сознания» в эпоху нелинейных процессов: «те новые формулы управления, которые возникают в современном обществе, связаны с этим новым качеством мира, с его гибкими организованностями, тяготея к типологии управления турбулентными процессами, к системам и методам управления динамическим хаосом»[192].

К примеру, такой аспект турбулентности как расширение способностей индивидов[193] может ставиться под контроль определенными геополитическими силами, что приводит к возникновению феномена управляемых революций.

Управляемые («цветные») революции понимаются как государственный переворот, осуществляемый протестной массой при поддержке иностранных неправительственных организаций и в интересах зарубежных стран[194]. «Цветные революции» отличаются от «классических» следующими основными признаками:

1) Они не основаны на какой-либо идеологической доктрине.

2) Они происходят в отсутствии «революционной ситуации», включающей в себя кризис элит, обострение бедствий угнетенных слоев и повышение активности масс.

3) Они не ставят целью изменение политического строя и социальной системы.

---

[191] Федотова В. Управляемый хаос. С. 5. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 01.02.2016)

[192] Неклесса А.И. Конец цивилизации или зигзаг истории? URL: http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/lyudi-vozduha-ili-kto-stroit-mir/12366-konec-civilizacii-ili-zigzag-istorii.html (дата обращения: 04.03.2016)

[193] Подробнее об этом источнике турбулентности – ниже.

[194] Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций».

4) Действия «цветных революционеров» отличаются экспрессивностью и молниеносностью.

5) «Создание с использованием технологий сетевого маркетинга, безлидерских движений и рекламного менеджмента гигантских партий-големов, охватывающих значительное число протестного электората всех спектров, привлеченных различными, зачастую полностью противоречащими друг другу обещаниями, а также простым любопытством.»

6) Они связаны с выборами или требованиями досрочного проведения выборов, так как именно это может вывести максимальное количество людей на улицу.

7) Новая роль внешних сил: они не только тайно финансируют революцию, но и открыто используют «мягкую силу» и берут на себя роль арбитра, оценивающего легитимность режима и переворота. Руководящая роль крупных внешних игроков проявляется в том факте, что «цветные революции» осуществляются лишь в тех регионах, чьи ресурсы и геополитическое положение критически важно для ведущих акторов мировой политики.

8) «Цветные революции» отличает шаблонность сценария: после проведения такой революции в одной стране, сценарий корректируется и в измененном виде запускается в другой стране[195].

«Турбулентность» – это не единственное понятие, использующееся для описания неустойчивой динамики развития мира. После разбора основных черт турбулентности мы можем приступить к проведению различий между понятием турбулентности и схожими понятиями.

Мы уже упоминали о схожести понятий *кризиса* и турбулентности[196]. И турбулентность, и кризис, с некоторыми оговорками, сходятся в таких характеристиках как нестабильность, непредсказуемость, изменения и

[195] Там же; Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса. С. 49

[196] Применительно к мировой политике понятие кризиса также встречается в дискурсе в виде выражения «системный кризис».

управляемость[197]. Однако для кризиса, в отличие от турбулентности и хаоса, не характерна амбивалентность. Кризис, напротив, скорее однозначен, не подразумевая столкновение и продолжительную конкуренцию двух и более противоположных трендов мирового развития (динамик «старого» и «нового»), продуцирующих состояние неопределенности. Кризис единичен и конкретен, «перезагружая» ту или иную сферу жизни и на исходе предоставляя инновацию. Турбулентность – явление сложносоставное и рутинное, и не завершается инновацией. Не менее важно подчеркнуть, что понятие кризиса относится к совсем иному временному диапазону – кайрологическому (диапазону момента), в то время как «турбулентность» относится к повседневному и историческому диапазону.

В этом отношении близким к «турбулентности» понятием оказывается *хаос*. Однако хаос и турбулентность вовсе не тождественны, о чем писали еще И. Пригожин и И. Стенгерс. Они называли турбулентное движение «сложным», но «сложность движения еще не достаточна для того, чтобы его можно было считать хаотическим»[198]. Сложность процессов турбулентности не доводит систему до состояния полной неразличимости логики в стратегиях акторов мировой политики. Таким образом, турбулентность не тождественна хаосу, хотя постоянно рискует перерасти в него. В том же духе говорил В. Бурлачков: хаос – это «наиболее сильное проявление турбулентности, сопровождающееся наибольшими рисками и максимальной степенью неопределенности»[199]. Важно также обратить внимание на то, что турбулентность не тождественна обычной хаотизации мировой политики. Турбулентность отражает, прежде всего, изменившиеся

---

[197] Важно отметить, что не для всех исследователей кризис непременно ассоциируется с таким признаком как нестабильность (хаотичность). Для русского философа Б.П. Вышеславцева, например, кризис заключался как раз в противоположном. Именно тоталитаризм и индустриализация XX в., вдохновленные технократической идеологией марксизма, для него были символом цивилизационного кризиса, когда все силы общества сосредотачиваются ради единственной общей цели – максимизации производства материальных благ. Однако такой взгляд на кризис является скорее исключением, чем правилом, и для большинства исследователей кризис и турбулентность действительно отождествлялись и противопоставлялись определенности, контролю и управлению.

[198] Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. URL: http://www.psyoffice.ru/3097-8-filosofy-book_o025_7.html (дата обращения: 14.04.2016)

[199] Цит. по Евдоченко Е.А. Турбулентность глобальной экономической среды: теоретические аспекты и практическое проявление. URL: http://www.irbis.kneu.kiev.ua:8080/bitstream/2010/5535/1/112-119.pdf (дата обращения: 05.04.2016)

условия существования мировой политики, в то время как хаотизация может быть вызвана и случайными факторами.

Другое схожее понятие – *беспорядок*, означающее просто отсутствие порядка, либо его нарушение. Понятие в целом используется как синоним «хаоса», но само по себе употребляется гораздо реже. Гораздо чаще его можно увидеть в рамках выражения «*новый мировой беспорядок*», получившее распространение с 2014 г., но в тех или иных контекстах употреблявшееся и намного раньше. Это выражение, использующееся в журналистском, а иногда и научном дискурсах, отсылает к известной концепции «нового мирового порядка»: «Два десятилетия назад Джордж Буш-старший говорил о Новом Мировом Порядке, последовавшем за окончанием "холодной войны". Сегодня, с ситуацией на Украине, угрозой со стороны Исламского государства, недавнего конфликта в Газе, исламскими экстремистами в Африке южнее Сахары и напряженностью в Южно-Китайском море, некоторые люди говорят о новом Мировом Беспорядке»[200]. В отличие от «турбулентности», понятие «нового мирового беспорядка» употребляется в четком геополитическом контексте рухнувших надежд на установление «нового мирового порядка» и «глобального управления», кризиса либеральной идеи, активизации международных конфликтов на современном этапе, ослабления мирового гегемона, вызовов со стороны стран-челленджеров и т.п.

В теориях международных отношений неупорядоченность на мировой арене ассоциируется с реалистской школой и понятием «*анархии*». Поэтому важным представляется провести различие понятий «турбулентность» и «хаос», с одной стороны, и «анархии» – с другой. Часто эти понятия используются как синонимы[201]. Но, например, Дж. Арриги показывает, что анархией называется не любая неупорядоченность в международных делах: «"Анархия" означает "отсутствие центрального правления". В этом смысле система суверенных

[200] Is there a new World Disorder? [Electronic resource] // BBC. – 5 September 2014. URL: http://www.bbc.com/news/world-29088680 (accessed 20.04.2016)

[201] См. напр. Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. С. 248

государств Нового времени, как и система правления средневековой Европы, из которой возникла последняя, может быть названа анархической. Тем не менее обе эти системы имели или имеют свои собственные явные и неявные законы, нормы, правила и процедуры, которые оправдывают наше определение их как "упорядоченных анархий" или "анархических порядков"»[202]. В научной литературе довольно часто используется словосочетание «анархический порядок»[203], в то время как выражение «хаотический порядок» остается бессмысленным: «хаос сам по себе порядком никак быть не может»[204]. О. Хеффе разделял полную неупорядоченность хаоса и частичную неупорядоченность анархии[205]. Турбулентность в отличие от анархии/анархического порядка подразумевает именно слом правил и норм, в т.ч. тех, на которых зиждился анархический порядок. В то же время турбулентность не приводит к полной хаотизации отношений между акторами.

Для описания социальных, политических и экономических отношений также используются понятия «*опасность*», «*угроза*» и «*риск*», в некоторых аспектах схожих с «турбулентностью». Опасность понимается как возможность наступления ситуации, чреватой ущербом. Понятие «угроза» добавляет к этому значению обращенность к какому-либо объекту. «Риск» же выражает меру, степень опасности[206]. Как и названные явления, турбулентность несет в себе потенциал ущерба для акторов. О.Н. Яницкий, к примеру, изучал феномен «времен турбулентности» в своей концепции «общества всеобщего риска»[207]. «Общество риска», как и «эпоха турбулентности», признаются новыми для современного этапа истории феноменами, неразрывно связанными со становлением постиндустриального мира и опасностями технологической революции. В то же время, понятие турбулентности шире по содержанию. Оно

[202] Арриги Дж. Долгий двадцатый век. С. 71-72
[203] См. напр. Федотова В. Управляемый хаос. С. 8. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 01.02.2016)
[204] Там же. С. 5.
[205] Там же.
[206] Пугачева Н.Б., Писарь О.В., Ребрик Э.Ю. Формирование мировоззренческих основ безопасности жизнедеятельности [Электронный ресурс] // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – №1. – 2012. – С. 56-63. URL: http://cegr.ru/downloads/journal_1_2012.pdf (дата обращения: 29.04.2016)
[207] Яницкий О.Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=508 (дата обращения: 08.03.2016)

включает в себя феномены рисков, опасностей, угроз, «черных лебедей»[208] и «диких карт»[209], но не сводится к ним. Оно рассматривает дестабилизацию в более ценностно нейтральном свете, сосредотачиваясь, прежде всего, на динамике и изменениях.

Разобрав основные подходы к турбулентности в мировой политике, предложим собственное определение. Под турбулентностью мы будем понимать *динамику изменений миропорядка, характеризующуюся перманентной или периодически повторяющейся нестабильностью, амбивалентностью и неопределенностью процессов, частично контролируемую действиями отдельных акторов мировой политики*.

По нашим представлениям, турбулентность движима не одним, а целым рядом источников, исходящих из различных областей, важных для понимания мировой политики. Основными источниками турбулентности являются следующие:

- Технологическая революция. Прежде всего – революция информационных технологий, сократившая расстояние между людьми и интенсифицировавшая взаимодействие между ними.

- Транснациональные проблемы. Проблемы, порожденные глобализацией и взаимозависимостью. Это такие проблемы как транснациональный терроризм, экологические проблемы, проблемы бедности и экономической отсталости стран «третьего мира», транснациональная организованная преступность и т.п.

- Расширение способностей индивидов. Этот источник является следствием революции в информационных технологиях, которая расширила возможности индивидов в построении коалиций и организации различных политических акций.

- Глобальная экономика. Внедрение новых технологий и переход к новой парадигме экономической политики в ведущих государствах сформировали в мире сложную взаимозависимую финансово-экономическую реальность, отличающуюся турбулентностью и фундаментальной нестабильностью.

---

[208] Талеб Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости.

[209] Mendonca S., Cunha M.P., Kaivo-oja J., Ruff F. Wild Cards, Weak Signals and Organisational Improvisation // Futures. The Journal of Forecasting, Planning and Policy. – Vol. 36. – Issue 2. – 2004. P. 201–218.

- Естественные источники. Сюда относятся источники, так или иначе связанные с природной средой и естественными условиями существования человечества (землетрясения, цунами, засухи, наводнения, климатические скачки, демографические проблемы). Одни из них обусловлены усиливающимся антропогенным воздействием на природу, другие же активируются вне зависимости от деятельности человека, однако в условиях прогресса технологий и современной цивилизации диагностируются чаще и чреваты серьезными последствиями.

- Гетерогенность состава акторов мировой политики. Турбулентность обусловлена отчасти количеством вовлеченных во взаимодействия акторов, а главное – гетерогенностью их характеристик, интересов, исповедуемых ценностей, верований и т.п. Современную мировую политику характеризует именно такая гетерогенность, приводящая к неудачам при попытках достигнуть согласия по различным вопросам.

- Ослабление мировой гегемонии США. Кризис американского лидерства приводит к ослаблению глобального управления и активизации различных внесистемных сил. Он является частью процесса турбулентной миграции власти и влияния с Запада на Восток.

- Деструктивная политика по удержанию гегемонии. Немалая доля турбулентности обусловлена противоположным – наличием единственной сверхдержавы, которая, не стесненная четкими правилами, системой сдержек и противовесов, проводит зачастую безответственную политику, порождая конфликты и хаос.

Первые пять названных источников турбулентности мы относим к *средовым* источникам (внесистемные факторы мировой политики), а последние три – к *конъюнктурным* (современное соотношение сил между акторами).

1.2. Методологические основы изучения турбулентности в мировой политике

Изучение мирополитической турбулентности подразумевает использование многих традиционных методов, распространенных в науке о международных отношениях и мировой политике. Однако, будучи обязанным своим появлением в теоретическом дискурсе прежде всего новым течениям в науке, турбулентность чаще всего анализируется при помощи методов постмодернизма и нелинейной парадигмы.

Постмодернизм являлся интеллектуальной средой, в которой формировались представления о турбулентном развитии современной цивилизации, включая сферу мировой политики. Сам термин «постмодернизм» распространился в научном дискурсе благодаря философу Ж.-Ф. Лиотару. Он понимал постмодернизм как скептицизм в отношении «больших» идей, теорий и идеологий (так называемых «метанарративов»), которые опираются на рационализм и претендуют на универсальность во всех пространственно-временных контекстах[210]. Отрицая универсальность и аисторичность, постмодернизм продвигал идеи релятивизма, иррационализма и нигилизма. Постмодернизм стремится подорвать любые отношения доминирования, скрытые в «метанарративах», которые закрепляют власть одних групп и маргинализируют положение других[211].

Постмодернистская методология существенно повлияла на политическую мысль и прочно закрепила свое положение в некоторых сферах политического анализа. Так, концепция «симулякров»[212] Ж. Бодрийяра нашла применение в сфере политического PR, информационной политики, анализе электоральных процессов и т.п. Радикальная концепция дискурса постмодернистского теоретика Ж. Деррида легла в основу современных взглядов на политический дискурс.

---

[210] Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 115

[211] Алексеева Т.А. Современные политические теории. С. 295.

[212] Симулякром называют знак, который не имеет означаемого объекта в реальности.

Кроме того, постмодернистская методология нашла применение в изучении процессов мировой политики. В частности, сформировалось «постмодернистское направление» изучения мировой политики и международных отношений, куда относят творчество таких авторов как Дж. Дер Дериан, Р. Эшли, М. Шапиро, П. Вирилио и др.

Анализ феномена мирополитической турбулентности в современной научной литературе испытал сильное влияние постмодернизма. В частности, постмодернистские установки можно увидеть в концепции «постмеждународной политики» Дж. Розенау. Этот исследователь, разработавший собственную концепцию турбулентности, ссылается в том числе на постмодернистские работы, когда анализирует переломный характер эпохи 1940-1950-х гг. для международной системы[213]. Переход от международной политики к «постмеждународной политике», начавшийся в это время, может рассматривать как проявление более общего процесса перехода от мира «модерна» к миру «постмодерна» под влиянием технологических, экономических, политических процессов, изменений в области восприятия и познания мира.

Новую эпоху характеризовали, прежде всего, увеличение скорости процессов, нарастание тенденций децентрализации, хаотизации, неопределенности, неоднозначности, эклектизма и т.п. В постмодернизме подобные тенденции схватываются в понятии «*ризома*». Данное понятие означает чрезвычайно изменчивую структуру, противоположную любым неизменным линейным структурам бытия или мышления, которые были типичны для европейской культуры эпохи «модерна». Особенность «ризомы» - в отсутствии какого-либо центрирующего принципа, единого кода, четко выделенного центра, границ, начала или конца. Ризома, однако, не является синонимом полного хаоса, обладая творческим потенциалом самоорганизации. Постмодернисты Ж. Делез и Ф. Гваттари, разработав концепцию ризомы, предложили еще одну, похожую концепцию «хаосмоса» как сочетания «хаоса» и «космоса» (т.е. «порядка»). С одной стороны, в мире «хаосмоса» нет общего центра и централизованной власти,

[213] Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. P. 107

с другой – существует порядок, но это порядок не «социальных нормативов или политэкономических закономерностей», а порядок «жизненного мира». Концепции «ризомы» и «хаосмоса» дали важные методологические инструменты для осмысления турбулентных процессов в мировой политике, подчеркивая сложность, нелинейность и динамичность современных процессов и обращая внимание на диалектику хаоса и порядка, неконтролируемости и управляемости.

Влиятельной постмодернистской идеей тех же авторов стала концепция «*детерриториализации*», которая так же используется для анализа процессов турбулентности. Делез и Гваттари понимали под детерриториализацией снятие в пространственных средах оппозиций внешнего и внутреннего, центра и периферии, глубины и поверхности. Применительно к мировой политике детерриториализация означает способность акторов, процессов и потоков к преодолению реалистской логики суверенитета, четких границ, устойчивой идентичности и унифицированности. Агентами детерриториализации можно назвать беженцев, мигрантов, неправительственные организации и движения, различные транснациональные потоки и феномены. Причем они «не просто преодолевают территориальные границы государства, они ставят под сомнение саму территориальную организацию современной политической жизни»[214]. Процесс вторжения логики детерриториализации в территориализированный мир является одним из важнейших проявлений турбулентности в мировой политике, о чем писали многие теоретики турбулентности.

Среди школ международных отношений именно постмодернистское направление уделяет существенное внимание анализу влияния новых технологий на мировые процессы, в частности, их ускорение и хаотизацию. Тема скорости политики, и ее возрастания в современных условиях, стала ключевым объектом анализа постмодернистского теоретика П. Вирилио[215]. Он обращает внимание на быстроту передачи информации, возросшую скорость развертывания вооружений и развитие систем контроля в режиме реального времени. Особенное внимание он

[214] Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры. С. 116-117
[215] Там же. С. 118

обращает на изменения в сфере военной стратегии, где произошел переход от геополитики, основанной на политическом контроле над территориями, к *хронополитике*, основанной на игре на опережение в военных действиях. Современные общества Вирилио называет «дромологическими», т.е. обществами скорости. В них ценность места постепенно стремится к нулю, в то время как ценности скорости и ускорения становятся все более значимыми: «Географические пространства и расстояния, которые еще вчера обуславливали политику отдельных наций и их коалиций, и чье значение ярко продемонстрировала "холодная война" в эпоху противостояния блоков Восток/Запад, исчезают и обесцениваются в мире ускорения и мгновенных интеракций… Континенты теряют географические очертания и предоставляют возможность заявить о себе теле-континенту мировой, практически мгновенной коммуникации»[216].

Революция в технологиях логистики и информации привела к ускорению процесса принятия политических решений, причем вне демократического контроля. Для Вирилио, поэтому, возрастание скорости социально-политических процессов означает уменьшение свободы и демократии[217]. Вестфальский порядок, основанный на доминировании государств-наций, уходит в прошлое под влиянием масс-медиа и сетевых технологий, создающих новые политические образования, существующие в мире ускоренного времени, «реального времени» коммуникаций[218]. СМИ искажают реальное пространство и время. К примеру, террористический акт, благодаря освещению в медиа, длится намного дольше, чем он длится в действительности и происходит как бы во всех местах сразу. Любое локальное происшествие, благодаря глобальным СМИ, вызывает сочувствие во всем мире, но при этом развивает бездействие[219].

Человечество стоит на пороге еще одного рубежа «дромократии» - появления «сетевой демократии», которая должна заменить традиционные,

---

[216] Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. С. 14.
[217] Virilio P. Speed and Politics. P. 158.
[218] Ibid. P. 92
[219] Virilio P. Open Sky. P. 11

«медленные» демократические институты (выборы, партии и т.п.). Благодаря сетевым технологиям, она позволит выиграть время и передать власть каждому гражданину непосредственно. Однако Вирилио далек от идеализации технолого-политических новшеств. Он предполагает, что «виртуальная демократия» таит в себе множество опасностей, начиная от уязвимости сетевых технологий для манипуляции, и заканчивая нехваткой физического движения и действия.

Пришествие информационных технологий, с точки зрения Вирилио и других постмодернистов, обозначило новую эпоху, в которой технологический приоритет перешел от атомной индустрии к электронике. Изменился и облик войны, которая стала во многом «информационной». В информационной войне даже есть свой аналог атомной бомбы – «информационная бомба», которая может принимать облик всеобщего компьютерного сбоя, биржевого кризиса и т.п. «Взрыв» этой «бомбы», станет «катастрофой катастроф» и отразится во всех уголках земного шара.

Методология Вирилио и других постмодернистов сыграла важную роль в объяснении той роли, которая сыграла технологическая революция в формировании нынешней ситуации турбулентности.

Постмодернисты обращают внимание и на изменения в сфере мировой экономики. Так, экономические тенденции постсовременного мира анализировал А.И. Неклесса. Он обращает внимание на формирование геоэкономического пространства «квази-Севера», основанного на «энергичной и призрачной неоэкономике финансов». Технологические достижения, компьютеризация и либерализация валютно-финансовых операций позволили сформироваться новой финансовой реальности. Современная «финансовая цивилизация» создала всемирную виртуальную среду, функционирующую в режиме реального времени. Она не только создала новые формы и механизмы контроля и координации, но и породила новые риски и опасности, а сами валютно-финансовые операции зачастую не соответствуют интересам человечества, нуждами, возможностям и

объему «реальной» экономики[220]. Геоэкономическая реальность, с точки зрения Неклессы, находится в состоянии перехода к фазе Нового мира. Смена эпох сопровождается хаотизацией общества и периодами смуты. Но и грядущий Новый мир «носит устойчивый, но не равновесный характер, его устойчивость во многом базируется на колоссальном количестве накопленных цивилизацией ресурсов, их перманентном перераспределении, и потому данный строй достаточно уязвим, содержа в себе фермент тотальной деструкции»[221].

Постмодернистский анализ мировой экономики обращает внимание на возросшую динамичность экономических отношений, формирование массовых дисбалансов в новой финансовой реальности, что формирует ситуацию турбулентности, рискующей перерасти в хаос и распространиться на политическую сферу и другие сферы общества.

Таким образом, постмодернисты предоставили свой набор методов, применяемых для анализа современных турбулентных процессов в политике, экономике, военной сфере.

Другим важным источником методов анализа турбулентности в мировой политике стали нелинейные подходы к науке, опирающиеся на постнеклассический тип рациональности.

Переход от линейной к нелинейной парадигме в науке затронул восприятие реальности ученых, политиков и обычных людей[222]. Чтобы понять особенности нелинейного восприятия реальности, сначала кратко разберем особенности линейной парадигмы.

Любая парадигма, стремясь дать полное и непротиворечивое описание действительности, неизбежно прибегает к использованию метафор[223]. Для классической, линейной парадигмы источником метафор стала «заводная вселенная» (clockwork universe) физики Исаака Ньютона. Ее отличала

---

[220] Неклесса А.И. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство.

[221] Неклесса А.И. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе.

[222] Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml (дата обращения: 03.11.2015)

[223] Арзуманян Р. Нелинейная природа войны. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=2606 (дата обращения: 04.03.2016)

однозначность, детерминизм, последовательность и теоретическая предсказуемость. Она воплощала позитивистскую мечту о возможности анализировать социальные феномены так же полно и всеобъемлюще, как и физические феномены[224]. Такое механицистское видение, предложенное классической физикой, стало воплощать идеал научности для других наук: психологии, социологии, экономики, политологии и т.п.[225] Важной особенностью линейной парадигмы был оптимистический и обнадеживающий взгляд на изменения, которые представлялись поочередными и предсказуемыми при условии открытия основополагающих принципов[226]. К примеру, линейным можно назвать дискурс либеральной демократии с ее системой сдержек и противовесов во внутренней политике и «машинерией международного права» - во внешней[227].

Однако постепенно стало происходить то, что Т. Кун назвал «парадигмальным сдвигом». По мере накопления новых фактов доминирующая линейная парадигма стала переполняться аномалиями, которые существующие аксиомы не позволяли инкорпорировать. Появился запрос на новые теории, которые позволяли бы объяснить новые явления[228]. Нелинейная парадигма предоставила механизмы для объяснения расширявшегося массива ранее необъяснимых явлений. В мировой политике носителем принципов новой парадигмы стали, в частности, концепции турбулентности. К примеру, описанное

противоречие между фактами и теорией в мировой политике наблюдал Дж. Розенау, который предложил два пути разрешения этого противоречия: отбросить «турбулентные» события как простые аномалии или же сконцентрировать внимание на аномалиях, которые могут оказаться (и оказываются) более всеобъемлющи, чем повторяющиеся модели. Ученый выбрал второй путь[229].

---

[224] O'Kane R. Co-opting Chaos: The Role of Complexity Discourse in the War on Terror. P. 1-2. URL: https://fortyninthparalleljournal.files.wordpress.com/2014/07/7-okane-coopting-chaos.pdf (accessed 12.03.2016)

[225] Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml (дата обращения: 03.11.2015)

[226] Там же

[227] O'Kane R. Co-opting Chaos: The Role of Complexity Discourse in the War on Terror. P. 2. URL: https://fortyninthparalleljournal.files.wordpress.com/2014/07/7-okane-coopting-chaos.pdf (accessed 12.03.2016)

[228] Арзуманян Р. Нелинейная природа войны. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=2606 (дата обращения: 04.03.2016)

[229] Розенау Дж.Н. Турбулентность в мировой политике. URL: http://www.bellkinn.chat.ru/zip/tmo/tmo.zip (дата обращения: 05.10.2015)

Изменение парадигмы сопровождается мировоззренческими изменениями. Так, П. Штомпка замечает, что «социальные изменения в XIX в. рассматривались в рамках парадигмы *прогресса*, в XX в. происходит рост влияния постэволюционистской и постпрогрессистской парадигмы *кризиса*, а с конца столетия для характеристики процессов социальных изменений все чаще стало использоваться слово *травма* [курсив в оригинале. – Д.П.]»[230]. В частности, «посткоммунистическую травму», по мнению А.Н. Нысанбаева и В.Ю. Дунаева, испытывают общества стран СНГ. Хаос, возникающий в результате травмы, рискует вылиться в катастрофические события, которые сегодня начинают восприниматься уже как нормальные явления. Многие современные концепции турбулентности принимают именно такое мировоззрение, где хаос и кризис оказываются более вероятными, чем прогресс.

В 1950-е и 1960-е гг., на ранних порах «парадигмального сдвига», начинает возникать интерес к новой модели «социальной физики», которая опирается на теорию систем и кибернетику. Исследователи стали смотреть на политические, социальные и экономические системы уже не как машины, а как живые организмы, которым, в частности, присущ элемент непредсказуемости.

Новый подход приобрел популярность в истеблишменте США, где благодаря работе с учеными и исследовательскими центрами (в особенности RAND), была выведена новая стратегическая концепция, предусматривавшая проведение контролируемых интервенций – идею, которая шла вразрез с линейными представлениями классического либерализма. Метафорика системного подхода хоть и подразумевала возможность смены режимов, но границы государства все еще рассматривались как неизменные и неприкосновенные. Именно поэтому развал Советского Союза был воспринят, в том числе в США, как шок[231].

---

[230] Нысанбаев А.Н., Дунаев В.Ю. Мировоззренческие основания и общенаучные парадигмы социально-политического риск-менеджмента // Полис. Политические исследования. – 2013. – №2. С. 155

[231] O'Kane R. Co-opting Chaos: The Role of Complexity Discourse in the War on Terror. P. 4. URL: https://fortyninthparalleljournal.files.wordpress.com/2014/07/7-okane-coopting-chaos.pdf (accessed 12.03.2016)

Формирование постбиполярного мира способствовало популяризации ряда молодых направлений, объединенных термином «постнеклассические науки». В парадигмальном воображении образы порядка, систематизированности и стабильности окончательно вытеснились образами течения, неопределенности и хаоса, а научное знание переориентировалось с изучения эволюционных процессов на изучение переломно-кризисных процессов[232]. Появление концепций турбулентности (в том числе управляемой) стало одним из проявлений такого сдвига.

В дискурсе политиков, тем не менее, классическая метафорика продолжала активно использоваться при объяснении турбулентных процессов. С. Манн приводит в пример инструкцию Пентагона по национальной безопасности. Там, в частности, фигурировала такая фраза: «Окончание Холодной войны может быть описано как монументальный сдвиг тектонических плит, высвобождающий основные силы, которые безвозвратно перестраивают стратегический ландшафт». С точки зрения Манна, такое сравнение лишь сбивает с толку: «Метафора "тектонических плит", базирующаяся на классическом подходе, неверна. Она заявляет о первоначальной стабильности, разрушенной из-за перестройки некоторых основных сил. Вся сложность ситуации в воображении читателя улетучивается… Механицистские рамки выглядят так, будто говорится, что плиты в данный момент сдвинулись и мы пребываем в неопределенном периоде стабильности, в котором мы можем однозначно перестроить новый мировой порядок. [Новая же, нелинейная парадигма] описывает динамический процесс, сомнительно стабильный, который даже сейчас связан со строительством, которое относится к следующему периоду катастрофического переустройства»[233].

Как уже говорилось, с 1960-х гг. в естественнонаучном мире начали зарождаться нелинейные подходы, которые через несколько десятилетий распространились и в социальных науках. Появилось представление, что

---

[232] Нысанбаев А.Н., Дунаев В.Ю. Мировоззренческие основания и общенаучные парадигмы социально-политического риск-менеджмента. С. 155

[233] Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml (дата обращения: 03.11.2015)

социальный мир переживает переход, схожий с тем пересмотром картины мира, который имел место в мире физическом в начале XX в., когда появилась теория относительности и были сформулированы постулаты квантовой механики[234]. Общество в эпоху глобализации стало рассматриваться как типичная сложная и сверхсложная система наподобие погоды или финансов, в которой существует риск обвальных последствий[235]. Одну из реконструкций глобального общества как общества хаоса предложил американский финансист Ди Хок. В этом обществе отсутствует централизованная система управления, а решения принимаются на уровне индивидов, объединенных в сети. Хаос и порядок в такой системе не противопоставляются друг другу, а сосуществуют в системе, которую Хок назвал «хаорд» (от совмещения «chaos» и «ordo» - «хаос» и «порядок»)[236]. Дискурс нелинейных подходов, повествующий о рождении и смерти систем, переходе хаоса в порядок и обратно, стал особенно востребован в области внешней политике и обороны США с 1990-х гг.[237]

Современному человеку трудно понять логику постсовременного социального мира, поэтому появляется необходимость перехода к иному типу ментальности, «но это не влечет отказ от рациональности: квантовая теория плохо воспринимается сознанием, однако выстроена она вполне рациональным образом»[238].

Ключевой вызов, который бросает нелинейная парадигма современной науке, касается интерпретации понятия хаоса. Классическая интерпретация видит в хаосе всеобъемлющее доминирование деструктивного элемента. Неклассические же подходы говорят о существенной роли конструктивного начала в хаосе, который является условием формирования порядка[239]. Как пишет Е.Н. Князева, хаос «конструктивен через разрушительность (порядок возникает

---

[234] Неклесса А.И. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации. С. 120

[235] Дугин А.Г. Геополитика. Учебное пособие. URL: http://www.4pt.su.k0.gfns.net/fa/node/169 (дата обращения: 10.02.2016); Неклесса А. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации. С. 120

[236] Дугин А.Г. Геополитика. Учебное пособие. URL: http://www.4pt.su.k0.gfns.net/fa/node/169 (дата обращения: 10.02.2016)

[237] O'Kane R. Co-opting Chaos: The Role of Complexity Discourse in the War on Terror. P. 4. URL: https://fortyninthparalleljournal.files.wordpress.com/2014/07/7-okane-coopting-chaos.pdf (accessed 12.03.2016)

[238] Неклесса А. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации. С. 120

[239] Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе: Научное издание. С. 120

благодаря хаосу и из него; хаос лежит в основе выхода на одну из тенденций самоструктурирования сложной системы) и разрушителен через конструктивность (возникшие сложные упорядоченные структуры метастабильны, вблизи момента обострения становятся неустойчивыми)»[240].

Известный американский исследователь рисков Н.Н. Талеб подчеркивает еще один аспект позитивной роли хаоса. Он обращает внимание на свойство всех естественных и сложных систем под названием «антихрупкость». Оно позволяет системам развиваться и эволюционировать под воздействием переменчивости, случайности и стресса. Соответственно, искусственно лишая эти системы воздействия «естественного хаоса», мы им вредим[241]. Чрезмерная зарегулированность экономических и политических систем делает их чрезвычайно хрупкими, а также лишает нас информации о действительном «здоровье» системы. «Системы, которые выглядят неколебимыми и почти не меняются, на деле аккумулируют невидимый риск… Чем дольше в системе копится риск, тем ужаснее катастрофа – и тем больше в итоге ущерб, нанесенный экономике и политике»[242].

На графиках, которые приводит Талеб, сравнивается система с большим количеством мелких колебаний и система с малым количеством колебаний, но при этом все они глобальны. Рисунок 2 иллюстрирует то, «как вредно лишать антихрупкие системы естественной переменчивости (в основном путем наивного вмешательства)»[243].

Важнейший постулат нелинейных подходов – «*самоорганизованная критичность*». Он говорит о том, что сложные и открытые системы закономерно и постоянно доходят до критического состояния, характеризующегося *флуктуациями* – колебаниями, изменениями состояний. В такие периоды внутри системы взаимодействуют процессы разрушения и созидания, которые ввергают

---

[240] Цит. по Темников Д.М. Синергетический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий. URL: http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm (дата обращения: 23.04.2016)
[241] Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. URL: http://readme.club/books/43_antihrupkost-.pdf (дата обращения: 10.04.2016)
[242] Там же
[243] Там же

систему не только в состояния порядка или хаоса, но и промежуточные состояния «неравновесного порядка» (когда любое воздействие может вогнать систему в хаос) и «детерминированного хаоса» (когда хаос может организоваться в более или менее устойчивый порядок)[244]. В динамическом измерении система достигает *точки бифуркации*, которая делит единое линейное направление развития на множество альтернативных сценариев эволюции. По какому из возможных путей будет развиваться система – предсказать невозможно[245]. «Вытягивают» систему на определенный путь развития особые структуры – *аттракторы*, представляющие собой тенденцию самоструктурирования, «зародыши» порядка в системе[246]. Во всем этом процессе решить судьбу системы может даже незначительное событие («*эффект бабочки*»), способное привести как к обвалу системы, так и к установлению нового порядка. И то и другое происходит крайне стремительно. Возникновение порядка из состояния детерминированного хаоса и описывает понятие самоорганизации в синергетическом подходе. Концепции турбулентности полностью принимают понятийный аппарат синергетики и теории хаоса, говоря о «бифуркации международной системы», «эффекте бабочки» и «эффекте домино» при описании бурных проявлений общественного недовольства и т.д.

А.И. Неклесса подчеркивает важную деталь, отличающую нелинейную парадигму от традиционного подхода: предмет исследований нелинейной парадигмы – «не статика, не частица, то есть материальный объект, а элемент движения. Точнее, непрерывности – волна, тренд. Динамика рассматривается как состояние системы, способной абсорбировать и рассеивать энергию, поступающую извне, генерируя и хаос, и новые формы организации»[247]. Концепции турбулентности среди многих других концепций и теорий мировой

---

[244] Бялый Ю. Управляемый хаос. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 10.01.2016); Пономарева Е.Г. Балканы как зона турбулентности капитализма. URL: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_03_2008/07.pdf (дата обращения: 02.02.2016)

[245] Нысанбаев А.Н., Дунаев В.Ю. Мировоззренческие основания и общенаучные парадигмы социально-политического риск-менеджмента. С. 155

[246] Чеснавская М.Н. Нелинейные подходы к мировой политике. URL: http://goo.gl/lrg4uE (дата обращения: 10.03.2016); Бялый Ю. Управляемый хаос. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 10.01.2016)

[247] Неклесса А.И. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации. С. 127

политики отличает именно такая ориентированность на познание динамики и трендов в противоположность знанию о статичных частицах и системах. Концепции турбулентности даже рассматриваются как характерный пример концепций мировой политической *динамики*[248].

Еще одно важное отличие выделил З. Бауман: это принципиальная неспособность нелинейных подходов «давать рецепты безошибочной философии и социологии, единую и неделимую правду или ценность». Они «в состоянии предложить лишь некоторые эвристические советы, которыми следует руководствоваться обречённым жить на перепутье»[249]. В том же духе говорил Дж. Розенау, видя стремление людей найти панацею от хаоса в науках о сложности: они «не в состоянии в настоящее время (и вряд ли когда-либо будут в состоянии) обеспечить метод предсказания определенных событий и определения точной формы и характера событий будущего»[250]. И действительно, неопределенность, присущая, с точки зрения нелинейных подходов, современным социальным системам, не позволяет давать точных прогнозов и разрабатывать универсальные рецепты поведения в условиях турбулентности.

Нелинейная парадигма разработала методологию, которая является ключевой для понимания аспектов турбулентности, касающихся динамики, поведения, направления, скорости, структурирования процессов в условиях усложнения мировой политики.

В то же время концепции созидательного хаоса и саморегулируемости систем имеют сегодня довольно противоречивую репутацию. Причем это связано скорее не с внутренне присущими теориям нелинейности недостатками, а с излишней смелостью последовавших за ними интерпретаций выводов теорий и их экстраполяций на область социальных систем. Социальный хаос, без сомнения, также может быть созидательным, однако игнорирование возможных деструктивных последствий может привести к катастрофическим результатам.

---

[248] См. Чихарев И.А. Мировая политическая динамика: Концептуальные основания и движущие силы.

[249] Чеснавская М.Н. Нелинейные подходы к мировой политике. URL: http://goo.gl/lrg4uE (дата обращения: 10.03.2016)

[250] Rosenau J.N. Many Damn Things Simultaneously: Complexity Theory and World Affairs. P. 39. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf (accessed 17.03.2016)

Такие представления несостоятельны и с теоретической точки зрения. Увлекшись квазиприродностью концепций самоструктурирующегося хаоса, теоретики потеряли «человекоразмерность» социальных систем. М.Н. Чеснавская пишет: «При попытках экстраполяции естественнонаучных теорий (в данном случае методологических следствий теории квантовой механики) на область социальной практики необходимо помнить о своеобразии и качественной автономности общества, в котором, в отличии от молекул в физике, действуют люди, обладающие сознанием»[251]. Кроме того, у Пригожина и Стенгерс идея рождения порядка их хаоса основывалась на законе сохранения энергии в природе: «убывание энергии в одном месте и вызванная этим неустойчивость вызовет прибавление энергии в другом месте и повышение устойчивости, т.е. новый порядок». В обществе же, как пишет В.Г. Федотова, закон сохранения энергии не действует[252].

Необходимо заметить, что оба источника методологии неразрывно связаны друг с другом. Такую связь выразил еще постмодернистский философ Ж.-Ф. Лиотар в сочинении «Состояние постмодерна», где он именно в связке постнеклассической науки и постмодернизма видел новую научную призму, которая должна прийти на смену классическому типу научной рациональности[253]. И действительно, существует масса параллелей между постмодернизмом и «науками о хаосе». Все они критикуют универсальность, детерминизм и определенность и строят свои концепции на принципах нелинейности, вариативности, самоорганизации.

Концепции турбулентности опираются как на методологические постулаты постмодернизма, так и на принципы теорий нелинейности, комплексности и хаоса, ведь феномен турбулентности связан с бифуркацией развития мировой политики и существует в условиях нелинейности и неопределенности. Это не означает, однако, неприменимость традиционных методов анализа хаоса и

---

[251] Чеснавская М.Н. Нелинейные подходы к мировой политике. URL: http://goo.gl/lrg4uE (дата обращения: 10.03.2016)

[252] Федотова В. Управляемый хаос. С. 6. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 01.02.2016)

[253] Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна.

кризисных явлений: инструменты, выработанные классическими направлениями анализа мировой политики, могут с успехом применяться для изучения определенных аспектов современной турбулентности в мировой политике.

Существующие теоретико-методологические подходы к турбулентности позволяют анализировать ее не просто как кризис, хаос или совокупность опасностей/рисков в современной мировой политике, а как сложное и противоречивое явление современного мира, характеризующее бурно изменяющийся миропорядок. Турбулентность фундаментально неопределенна, составляя суть динамики бифуркации миропорядка. В связи с этим изучение турбулентности – удел, прежде всего, новейших теоретических подходов в социальных науках, сосредоточенных на изучении меняющегося социального, политического, экономического и технологического мира. Такими подходами являются, прежде всего, постмодернизм и нелинейная парадигма, которые обращают внимание на такие характеристики современных процессов и систем как амбивалентность, самоорганизация, вариативность.

Представив теоретико-методологические основания нашего исследования, мы можем перейти к разбору турбулентности как дискурса в современной мировой политике.

2. Дискурс турбулентности в современной мировой политике

2.1. Генезис дискурса турбулентности в мировой политике

Представляется необходимым проследить эволюцию и развитие дискурса турбулентности.

Сегодня практически общепризнанным в науке стало представление о стабильности, т.е. «нетурбулентности» эпохи «холодной войны». При всех опасностях перерастания соперничества СССР и США в ядерную катастрофу, оно делало ход событий стабильным и понятным. Эпохе «холодной войны» была присуща определенность в том смысле, что источники опасностей и угроз были известны, и просчитать ответ на эти угрозы не составляло труда[254]. Особую роль в поддержке стабильности миропорядка сыграло ядерное оружие, а именно способность стран НАТО и стран – участниц Варшавского договора к взаимному гарантированному уничтожению. В таких условиях единственной рациональной политикой было избегание прямого столкновения между двумя военно-политическими коалициями[255]. «Стратегический паритет» находился в центре всей международной политики, в то время как остальные проблемы рассматривались как второстепенные.

Стабильность описанной эпохи особенно стала заметна уже после окончания «холодной войны», на фоне активизировавшихся динамизма и турбулентности. Как стало ясно даже западным экспертам, «борьба Запада с Востоком удерживала крышку на котле. Коммунизм подавлял национализм и преступность. По окончании "холодной войны", мы сталкиваемся с неприятными издержками свободы – в Чечне ли, на Балканах, в Карабахе, или в

---

[254] Rosenau J.N. Many Damn Things Simultaneously: Complexity Theory and World Affairs. P. 32. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf (accessed 17.03.2016)

[255] Федоров Ю. «Ядерный фактор» в мировой политике XXI века [Электронный ресурс] // Pro et Contra. – Том 7. – № 4. – Осень 2002. С. 57-71. URL: http://uisrussia.srcc.msu.ru/docs/nov/pec/2002/4/ProEtContra_2002_4_04.pdf (дата обращения: 21.03.2016); Закария Ф. Новый мировой беспорядок. URL: http://inosmi.ru/world/20030910/192974.html (дата обращения: 02.02.2016)

распространении русской мафии»[256]. Исчезла определенность в понимании врагов, вызовов и ответов на них. Ситуация неопределенности стала восприниматься как норма, а доминирующим настроением стало опасение. Интеллектуально и эмоционально люди принимают мир, в котором постоянно происходят неожиданные события, аномалии, где небольшие события имеют серьезные последствия, а фундаментальные процессы пробуждают противоборствующие силы[257].

Однако 1990-е гг. не были годами расцвета дискурса турбулентности, так как в это время господствовали совсем другие дискурсы, а именно дискурсы демократизации, позитивной роли глобализации и неолиберализма. Зарождение дискурса турбулентности напрямую связано с кризисом подобных «глобалистских» дискурсов, а поэтому имеет смысл более подробно разобрать их эволюцию во времени[258].

В это время начали появляться и становиться популярными концепции «Общеевропейского дома» М.С. Горбачева, «Открытого общества» Дж. Сороса и, наиболее значимая, концепция «Конца истории». Автор последней из них, Ф. Фукуяма постулировал конец истории как противостояния различных идеологий и наступление однополярного мира с окончательной формой человеческого правления в виде западной либеральной демократии. Не принимая пока во внимание дальнейшую судьбу концепции, можно утверждать, что в начале 1990-х гг. ей удалось оказать существенное влияние на умы общественности и политиков по всему миру.

Несмотря на «глобалистский оптимизм», присущий подобным концепциям, они не могли не отражать реально проявлявшуюся турбулентность и опасности. В результате глобалистские концепции кооптировали идеи кризиса цивилизации, турбулентности и рисков, сформировав дискурс, акцентировавший

---

[256] Бялый Ю. Управляемый хаос. Часть 2. URL: http://gazeta.eot.su/article/upravlyaemyy-haos-chast-ii (дата обращения: 11.01.2016)

[257] Rosenau J.N. Many Damn Things Simultaneously: Complexity Theory and World Affairs. P. 32-33. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf (accessed 17.03.2016)

[258] Подробней о зарождении, эволюции и кризисе дискурса глобального управления см. Полулях Д.С. Кризис дискурса глобального управления и его последствия // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / Под ред. А.И. Костина. – М.: Издательство Московского университета, 2016. С. 258-271

необходимость усиления управляемости перед лицом глобальных угроз. Глобализм и алармизм не противоречили друг другу в *дискурсе глобального управления*. Напротив, идеологи подчеркивали, что глобальные проблемы станут, говоря в терминах К. Шмитта, общим врагом для объединенного человечества. Ради борьбы с ним народы начнут делегировать власть в глобальные органы управления[259].

Появился термин «*глобальное управление*», заимствованный из теорий неолиберальных ученых (в первую очередь, того же Дж. Розенау). Дискурс глобального управления был принят на уровне ООН, где была создана Комиссия по глобальному управлению (Commission on Global Governance). Комиссия определяла глобальное управление как «сумму способов, которыми индивиды и институты, публичные и частные, управляют общими делами. Это непрерывный процесс, с помощью которого конфликтующие и несхожие интересы могут быть примирены и предприняты кооперативные меры. Оно включает в себя как формальные институты и режимы, уполномоченные на принуждающие действия, так и неформальные договоренности, которые индивиды и институты одобрили, либо воспринимают в своих интересах»[260]. Цель комиссии – обсуждение возможных решений проблем экологии, бедности, болезней и т.п. совместными усилиями.

Дискурс глобального управления, как уже говорилось, не исключал наличие турбулентности в современном мире. Напротив, его алармистская составляющая призывала укрепить глобальные институты перед лицом усиливающихся проблем в разных сферах. Однако дискурс турбулентности противоречит дискурсу управляемости в другом аспекте. Если дискурс глобального управления утверждал, что турбулентность *может быть укрощена* и поставлена под общий контроль мирового сообщества, то дискурс турбулентности утверждал, что *человечество не в состоянии сегодня (а возможно, никогда не будет в состоянии)*

[259] Барабанов О.Н. Проблематика глобального управления в мировой политике // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / Под ред. А.Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 9: Перспективы надгосударственного управления в глобальном и региональном масштабе / под ред. О. Н. Барабанова. С. 17.
[260] The Commission on Global Governance. Our Global Neighbourhood. – Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 4.

обуздать турбулентность в мировой политике при помощи институтов глобального управления. По мысли Э. Лакло и Ш. Муфф, у любого дискурса есть своя противоположность. В случае с дискурсом турбулентности противоположностью ему можно назвать дискурс глобального управления (управляемости)[261].

Сразу после окончания «холодной войны» дискурс управляемости был доминирующим и «гегемонистским», входя в более общий «узловой дискурс» глобализма[262]. Выступая за ограничение и регулирование глобализации, он в то же время стремился сохранить статус-кво и его основные характеристики: неолиберальную глобализацию, доминирование западных держав, их контроль за глобальными институтами и т.д.[263]

Во времена расцвета концепций глобализма и управляемости, дискурс турбулентности выступал как маргинализованный дискурс, дискурс-челленджер. Как пишет Р. Каплан, вопросы опасных неуправляемых тенденций в те годы были «очень неприятными для обсуждения»[264]. Такой констелляции в дискурсивном поле способствовало множество факторов. Развал Советского Союза породил представления о качественно новой эпохе отношений, «новом мировом порядке» и мире свободном от вооруженных и каких-либо других конфликтов[265]. США стали единственной сверхдержавой, не чувствующей серьезной геополитической, экономической и идеологической конкуренции со стороны других игроков. Подавляющее господство США во всех значимых сферах способствовало гомогенизации мира и создало иллюзию о состоянии текущего миропорядка как общего консенсуса цивилизованного человечества.

---

[261] В работах ученых у понятия глобального управления куда более скромное назначение. Для Розенау оно означало *попытки* построения международных режимов и *потенциал* самоуправляемости в мировой политике. Но, завоевав более широкую популярность, термин превратился в «пустое означающее», которому политические силы придают собственное значение.

[262] Очень часто дискурс глобального управления рассматривается как противоречащий дискурсу глобализма и глобализации, однако для таких критических теоретиков как У. Бранд оба дискурса преследуют одни и те же цели. Мы также будем рассматривать эти дискурсы как «родственные» в контексте разбираемой эпохи.

[263] Brand U. Order and regulation: Global Governance as a hegemonic discourse of inter-national politics?

[264] Kaplan R.D. The Coming Anarchy. URL: http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1994/02/the-coming-anarchy/304670/ (accessed 23.03.2016)

[265] Лебедева М. Мировая политика: Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. С. 205

Некоторые события после «холодной войны», тем не менее, не совсем вписывались в глобалистский нарратив о «новом мировом порядке». Провал американских военных в Сомали в 1993 г. воспринимался дискурсом как «досадный сбой на пути созидания прекрасного нового мира»[266]. Спустя год произошел еще один сбой в виде геноцида в Руанде, унесшего миллион жизней за несколько дней. В 1999 г. заявил о себе косовский кризис, который осложнил отношения России и Запада, ранее казавшиеся безоблачными. На фоне этих и других событий дискурс глобализации и глобального управления стал подвергаться сомнению, а дискурс турбулентности наоборот – стал приобретать популярность.

Обычно в качестве антипода концепции «конца истории» приводится концепция С. Хантингтона о столкновении цивилизаций. В своей статье 1993 г. Хантингтон утверждает, что в эпоху «после холодной войны» основными акторами в мировой политике становятся не государства, а цивилизации как более крупные культурно-религиозные и геополитические образования. На тот момент Хантингтон не видел серьезных противников у западной цивилизации, но потенциальным врагом считал возможный союз конфуцианских и исламских стран. Задача западных стран сквозь призму этой концепции видится как защита собственных ценностей и идей. Она должна иметь приоритет перед распространением либерализма и демократии во всем мире, которые не смогут существенно изменить режимы стран, принадлежащих к другим цивилизациям.

Мрачные прогнозы Хантингтона, несмотря на широкую цитируемость статьи и ее влияние в долгосрочном плане, прозвучали диссонансом в контексте господствовавшего дискурса и многими комментаторами были отвергнуты[267].

Своими пугающими пророчествами отметился также Р. Каплан, который в статье с характерным названием «Грядущая анархия» изобразил будущее человечества в окружении проблем перенаселенности, истощения ресурсов,

---

[266] Лукьянов Ф.А. Фильм ужасов по-арабски. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6632989.shtml (дата обращения: 12.03.2016)

[267] Лукьянов Ф.А. Торжество Средневековья [Электронный ресурс] // Газета.ru. – 05 февраля 2015. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6401149.shtml (дата обращения: 04.04.2016)

конфликта цивилизаций и т.п. Считая, в противоположность Фукуяме, что демократия и капитализм не универсальны, он напрямую бросал вызов либеральному дискурсу начала 1990-х гг.: «Большинство людей верит, что политический ландшафт с 1989 г. претерпел огромные изменения. Но это ничто по сравнению с тем, что нас ожидает впереди»[268].

Такой же вызов глобализму эпохи президентства Б. Клинтона бросил С. Манн, постулируя хаотичность современного мира[269]. М. Весес еще в 1990-е гг. предупреждал о хрупкости современной глобальной экономики, построенной на финансовом капитализме: «Мне поначалу было сложно заставить людей принимать мою позицию всерьез, ведь в годы бума конца 1990-х гг. это просто не соответствовало тому, как людей заставляли видеть глобализацию. Как я мог заставить людей принять идею о хрупкости глобализации всерьез, когда истории, которые им рассказывали, заставляли их видеть ее как универсальную неостановимую силу?»[270].

Сегодня, тем не менее, озвученные скептические позиции оказались во многом пророческими или, по крайней мере, они смотрятся более здраво, чем популярные в те годы глобалистские концепции[271]. Ф. Фукуяма, к примеру, смягчил впоследствии некоторые положения своей концепции. Новый мировой порядок, как подчеркивают многие исследователи, так и не наступил[272]. Дискурс в тот период был под сильным влиянием завышенных надежд от мира после крушения социалистического блока: «Эпоха после "холодной войны" останется в памяти как иллюстрация вопиющего контраста между намерениями и ожиданиями, с одной стороны, и итогом усилий по их воплощению в жизнь – с другой»[273].

---

[268] Kaplan R.D. The Coming Anarchy. URL: http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1994/02/the-coming-anarchy/304670/ (accessed 23.03.2016)
[269] Бялый Ю. Управляемый хаос. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 10.01.2016)
[270] Veseth M. Globaloney 2.0: The Crash of 2008 and the Future of Globalization. P. 4-5
[271] Лукьянов Ф.А. Торжество Средневековья. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6401149.shtml (дата обращения: 04.04.2016)
[272] Лукьянов Ф.А. Фильм ужасов по-арабски. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6632989.shtml (дата обращения: 12.03.2016)
[273] Лукьянов Ф.А. Торжество Средневековья. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6401149.shtml (дата обращения: 04.04.2016)

О «столкновении цивилизаций» вспомнили в новом тысячелетии, когда произошли теракты 11 сентября 2001 г. Эти события также заставили говорить о непредсказуемости мира в условиях демократизации насилия. Возникло представление о двух основных источниках турбулентности современного мира – международном терроризме и радикальном исламе[274]. Существующие институты стали казаться неспособными предвидеть глобальные угрозы и защитить от них мировое сообщество. Масштабы распространения терроризма были беспрецедентными, что усиливало ощущения беззащитности и неопределенности. События 11 сентября стали символом нового, менее стабильного мира и «оказали немаловажное влияние на содержание системной бифуркации, выразившейся в увеличении степени хаотичности системы международных отношений...»[275].

Политическая, экономическая и военная реакция США на теракты не стала попыткой восстановить стабильность и определенность. Напротив, Соединенные Штаты нацелились на хаотизацию международных отношений[276]. Они взяли на вооружение т.н. «доктрину Буша», предлагавшую агрессивную стратегию односторонних и превентивных, упреждающих действий. Данная стратегия не подразумевала учет мнения союзников США, международных правительственных и неправительственных организаций. В рамках «доктрины Буша» была разработана концепция «смены режимов», которая предполагала вмешательство во внутренние дела стран-изгоев, несостоявшихся государств и т.п.[277]

Как пишет А.Д. Богатуров, с 1995 по 2003 г. Соединенными Штатами было начато четыре крупных военных конфликта. Он делает вывод, что «тенденция к произвольному применению силы в международной политике не ослабевала. Война становилась не чрезвычайным событием, а "обычным" инструментом

---

[274] Закария Ф. Новый мировой беспорядок. URL: http://inosmi.ru/world/20030910/192974.html (дата обращения: 02.02.2016)

[275] Темников Д.М. Синергетический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий. URL: http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm (дата обращения: 23.04.2016)

[276] Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. С. 175

[277] Темников Д.М. Синергетический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий. URL: http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm (дата обращения: 23.04.2016); Пахалюк К.А. Основания политики национальной безопасности США при Дж. У. Буше-младшем (идеология, концепция, приоритеты) // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. – № 7. – 2012. С. 64.

регулирования международной политики не только для великих держав, но и для малых и средних стран… Молодые политики в Америке и России не знают страха перед войной в той мере, которая была характерна для Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева»[278]. Данное утверждение еще раз подчеркивает отсутствие сдерживающих факторов для односторонней агрессии и преднамеренной хаотизации международных отношений в постбиполярном миропорядке.

Дискурс борьбы с терроризмом начал занимать лидирующие позиции в международной повестке дня. Представление о перманентной террористической опасности в мире играло легитимирующую роль для жестких действий США, а также самого их лидерства в мире[279].

Однако дискурс глобального управления в начале XXI в. также был широко представлен в мировой повестке дня и даже был подстегнут новыми тенденциями мировой политики. Прежде всего стоит отметить успехи проекта европейской интеграции: «Этот проект представлялся в начале века настолько эффективным, что сработавшие там подходы захотелось применить повсеместно»[280]. Евросоюз стал своеобразной лабораторией по формированию системы глобального управления, основанной на многоуровневом принципе, в частности, передаче полномочий наднациональным институтам. Политологи заговорили о возможности применения опыта ЕС в других регионах и даже на уровне глобальной системы[281].

Кроме того, нападение террористов на США привело к формированию международной антитеррористической коалиции, которая объединяла в себе страны с совершенно различным устройством и целями. Казалось,

---

[278] Современная мировая политика: Прикладной анализ. С. 246-247

[279] Темников Д.М. Синергетический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий. URL: http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm (дата обращения: 23.04.2016)

[280] Лукьянов Ф.А. Торжество Средневековья. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6401149.shtml (дата обращения: 04.04.2016)

[281] ЗИМО-2012. Спонтанность и управляемость в мировой системе [Электронный ресурс] // Международные процессы. – Том 10. – № 2(29). – Май-август 2012. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/12.htm (дата обращения: 04.04.2016)

террористическая угроза – это тот общий враг, который объединит человечество и приведет к формированию нового качества международной системы[282].

Также стоит отметить, что это был один из наиболее плодотворных периодов военного сотрудничества между Россией и странами Запада.

Расширение сотрудничества между Россией и Западом заставило разработать новые концепции миропорядка, в которых обе стороны входили в коалицию, объединенную против турбулентностей третьего мира[283]. Заговорили о «новом уровне» отношений между сторонами и «общности интересов». Однако развивавшееся на этом этапе сотрудничество так и не вывело отношения между Россией и Западом на новый уровень, ведь «общность интересов может основываться только на обоюдно соотносимой оценке развития преобладающих тенденций в мире»[284].

Таким образом, в начале-середине 2000-х гг. дискурс управляемости был по-прежнему значим, однако множившиеся «исключения из правил» способствовали постепенному укреплению дискурса турбулентности.

К концу 2000-х гг. тенденции, которые поддерживали дискурс глобального управления, начали ослабевать, а те, которые формировали дискурс турбулентности, – усиливаться. Так, отмечается провал попыток Дж. Буша-младшего сконструировать международный терроризм как общую угрозу, которую можно победить лишь объединившись под эгидой США[285].

Что касается проекта интеграции ЕС, то он тоже во многом растерял свою «мягкую» и «модельную» силу. Это связано деструктивными процессами и кризисами в этой политии: финансовым кризисом в Греции, долговыми проблемами в странах Южной Европы, миграционным кризисом, выходом Великобритании из ЕС. Стала обсуждаться возможность исключения Греции из

---

[282] Закария Ф. Новый мировой беспорядок. URL: http://inosmi.ru/world/20030910/192974.html (дата обращения: 02.02.2016)

[283] См. напр. Иноземцев В.Л. Несколько гипотез о мировом порядке XXI века. Тезисы для обсуждения на заседании Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс] // Совет по внешней и оборонной политике. Сайт. – 2003. URL: http://www.svop.ru/files/meetings/m020713369814821.pdf (дата обращения: 20.01.2016)

[284] Темников Д.М. Синергетический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий. URL: http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm (дата обращения: 23.04.2016)

[285] Лукьянов Ф.А. Консерватизм сближает [Электронный ресурс] // Газета.ru. – 02 октября 2014. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6244657.shtml (дата обращения: 10.11.2015)

еврозоны и радикального сокращения количества стран, использующих евро. Пессимистические прогнозы предсказывали распад ЕС.

Кризис Евросоюза имел последствия, выходящие далеко за пределы европейской политии. Прежде всего, был нанесен удар по дискурсу глобального управления: «Кризис "европейского проекта" означает, что модель наднационального управления оказалась несостоятельной… Идея "безальтернативности глобализации", казавшаяся реальностью пять-семь [лет] назад, начинает вызывать серьезные сомнения»[286].

Отношения Запада с Россией также изменились. Речь В.В. Путина в Мюнхене в 2007 г. стала выражением несогласия РФ с курсом США. Уже в практическом поле это несогласие проявилось в августе 2008 г., когда Россия дала отпор агрессии Грузии против Южной Осетии. Активные действия России по «принуждению к миру» вылились в один из серьезнейших конфликтов России с Западом со времен окончания «холодной войны». Место России в структурах глобального управления стало ставиться западными государствами под сомнение[287]. Еще более разрушительным для отношений Россия – Запад стал «украинский кризис», разразившийся в 2014 г. Разорвались и без того некрепкие отношения между Россией и НАТО, против России были введены международные санкции, а сама Россия в речах американских политиков, включая президента Б. Обаму, стала «объективизироваться» как одна из мировых угроз.

Противоречия с Россией были одним из примеров возникающей «самоизоляции» Запада в условиях «восхождения» развивающихся стран, таких как Китай и Индия. В дискурсе активизировались представления о «закате» исторического Запада и американской гегемонии в частности.

Одним из самых существенных событий, повлиявшим на усиление дискурса турбулентности, стал глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся

---

[286] ЗИМО-2012. Спонтанность и управляемость в мировой системе. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/12.htm (дата обращения: 04.04.2016)

[287] Темников Д.М. Синергетический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий. URL: http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm (дата обращения: 23.04.2016)

в 2008 г. Как пишут исследователи, «глобальный кризис пошатнул все общепринятые представления, включая веру в окончательную победу демократии и рыночной экономики. В противоположность ранним девяностым, когда доминирующей парадигмой был "конец истории" (с демократией и рыночной экономикой в гармонии), конец 2000-х не положил конец истории, но положил конец наивной концепции в связи с глобальным кризисом»[288].

Мировой кризис стал серьезным ударом по дискурсу глобального управления: «Реальность глобального управления в 2010 г. такова, что едва ли какая-нибудь важная международная организация – будь то ООН, НАТО, ЕС, ОБСЕ, ВТО или МВФ – и едва ли какой-нибудь международный режим (к примеру, режим нераспространения, международная валютная система или Европейский валютный союз) оказались в стороне от кризиса, в большей или меньшей степени»[289]. Несмотря на обещания правительств на волне азиатского кризиса 1997-1998 гг., системы эффективного регулирования финансовых рынков так и не было создано, а предупреждениям о надвигающейся катастрофе не было уделено внимания[290].

Глобальный кризис изменил дискурсивное пространство и само восприятие глобальной экономики. Это проявилось в активизации использования понятия «турбулентность» для описания экономических процессов во время самого кризиса[291]. Впоследствии понятие стало активно использоваться для описания мощных экономических флуктуаций и общей ситуации неопределенности в глобальной экономике последующих лет[292].

Оно, кроме того, нашло применение в сферах международных отношений и глобальной безопасности. Так, в Концепции внешней политики РФ,

---

[288] Agh A. The renewal of the EU democracy: from multilevel governance to global governance // Journal of comparative politics. – 2010. – Vol. 3. – №. 1. P. 4.

[289] Maull H.W. World Politics in Turbulence. P. 17-18. URL: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_maull.pdf (accessed 10.03.2016)

[290] Ibid. P. 13-14

[291] Понятие периодически упоминалось, конечно же, и ранее. В течение 1990-х и 2000-х гг. (и ранее) оно использовалось, например, для описания экономических кризисов и потрясений. См. напр. Ivakhiv A. Weathering Global Futures: Ecology, Economy, and the Unruly Tropics of the "Global"; White M. Turbulence and turmoil in the market or the language of a financial crisis. URL: http://www.aelfe.org/documents/text7-White.pdf (accessed 03.03.2016)

[292] См. напр. Принятые на саммите БРИКС документы помогут преодолеть турбулентность на мировых рынках, рассчитывает президент России [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство. – 27/03/2013. URL: http://tass.ru/arhiv/593087 (дата обращения: 16.03.2016)

утвержденной 12 февраля 2013 г., неоднократно подчеркивается нестабильность и непредсказуемость современной мировой политики, а также присутствует само понятие «турбулентность»: «Международные отношения переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы. Этот процесс проходит непросто, сопровождается повышением турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях. Международные отношения продолжают усложняться, их развитие становится все более труднопредсказуемым… В условиях глобальной турбулентности и растущей взаимозависимости государств и народов уже не имеют перспектив попытки строить отдельные "оазисы спокойствия и безопасности"…»[293]. Годом ранее на широко освещаемой пресс-конференции министр иностранных дел РФ С.В. Лавров также постулировал, что «мир вступил в полосу глубоких преобразований, геополитический ландшафт меняется радикально. Эти перемены сопровождаются возросшей турбулентностью на глобальном и региональном уровнях»[294].

Понятие и тематика турбулентности стали вообще достаточно популярными в российском политическом пространстве, включая правительство, администрацию президента и крупнейших российских политиков. К понятию часто прибегает президент РФ В.В. Путин, используя его, наравне с выражениями вроде «глобальный хаос», для описания международных конфликтов, гражданских войн, интервенций, революций, потрясений в мировой экономике и в целом для описания современного «сложного мира»[295]. Кроме того, президент

---

[293] Концепция внешней политики Российской Федерации: [утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.]. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6d84ddededbf7da644257b160051bf7f (дата обращения: 02.10.2016)

[294] Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2011 году, Москва, 18 января 2012 года. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/FBBD4D11AF502771442579890048D166 (дата обращения: 04.03.2016).

[295] См. напр. Владимир Путин: Россия и Иран продолжат сотрудничество, несмотря на турбулентности в международных отношениях. URL: https://russian.rt.com/article/32879 (дата обращения: 15.04.2016); Путин: турбулентность мировой экономики приобрела длительный характер. URL: http://news.mail.ru/politics/7986731/ (дата обращения: 04.04.2016); Путин В.В. Сирийская альтернатива. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/19205 (дата обращения: 04.03.2016); Путин: "цветные революции" привели к тому, что джин вырвался из бутылки. URL: http://tass.ru/politika/1530626 (дата обращения: 20.03.2016)

иногда обращается к тематике управляемого хаоса, управляемых конфликтов и революций[296].

Среди западных политиков также заметен тренд обращения к понятиям турбулентности, хаоса, нестационарности, неопределенности, хотя само слово «турбулентность» встречается несколько реже. Так, американский политик Пол Вулфовиц, занимая пост заместителя министра обороны, видел одной из ключевых задач исследование проблемы неопределенности в стратегических вопросах. А американский экономист Алан Гринспен, будучи председателем Федеральной резервной системы, ставил под сомнение возможность точного прогнозирования развития мировой финансовой системы, видя в нем некую принципиальную неопределенность[297].

Современный дискурс политиков и экспертов в сферах безопасности, политических отношений и экономики в целом характеризуется настроениями кризиса и безысходности. Это можно увидеть, например, в названиях дискуссий 51-й Мюнхенской конференции по безопасности, проходившей в 2015 г., таких как «Мир-2015: разваливающийся порядок, бессильные хранители», «Конец Ближнего Востока?» и т.п.[298] Популярность дискурса видна в названиях экономических конференций и форумов. В ноябре 2014 г. в Финансовом университете прошел Международный финансово-экономический форум «Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности». А одна из сессий Всемирного экономического форума в Давосе в 2015 г. носила характерное название «Неустойчивость как новая нормальность». Военный, журналистский и даже повседневный дискурс идут в русле того же тренда. Так, председатель объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США М. Демпси в 2013 г. заявил, что мир сегодня «наиболее опасен, чем когда

[296] Путин: "цветные революции" привели к тому, что джин вырвался из бутылки. URL: http://tass.ru/politika/1530626 (дата обращения: 20.03.2016)
[297] Неклесса А.И. Конец цивилизации или зигзаг истории? URL: http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/lyudi-vozduha-ili-kto-stroit-mir/12366-konec-civilizacii-ili-zigzag-istorii.html (дата обращения: 04.03.2016)
[298] Лукьянов Ф.А. Торжество Средневековья. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6401149.shtml (дата обращения: 04.04.2016)

бы то ни было»[299]. Канадский публицист М. Игнатьев писал о «тектонических плитах мирового порядка, раздираемых на куски под возрастающим натиском насилия и ненависти», в то время как журналист «New York Times» Р. Коэн отмечал возросшую тревогу среди людей за состояние мира[300].

Как реакция на турбулентный мир и дискурс о нем, стала возрастать ценность чисто прагматических решений. Если в 1990-х гг. доминирующей проблематикой была демократизация, то в новом столетии одной из ключевых тем становится энергетика и энергетическая безопасность. Актуальность энергетических вопросов поддерживается благодаря нестабильным ценам на нефть, конфликтам на Ближнем Востоке, глобальному потеплению и т.д.[301]

Ощущая кризис управляемости в современном мире, лидеры стран несколько раз в конце 2000-х гг. предпринимали попытки возродить дискурс глобального управления. В 2009 г. Д.А. Медведев и Б. Обама начали политику «перезагрузки», основной целью которой была выработка взаимопонимания по вопросу контроля над стратегическими вооружениями (включая проблему ЕвроПРО). Крупнейшим достижением «перезагрузки» стало подписание Договора СНВ-3 в 2010 г. По проблеме ПРО, однако, взаимопонимания не было найдено, а в 2014 г. на волне «украинского кризиса» сотрудничество по ПРО было окончательно свернуто[302]. В мае 2014 г., когда российский президент В.В. Путин отказался приехать на саммит НАТО в Чикаго, начали говорить о конце политики «перезагрузки»[303].

Решения «группы двадцати» в 2008-2009 г. по борьбе с мировым кризисом также имели шанс стать фундаментом новой системы глобального управления. Несмотря на некоторые успехи по решению сиюминутных проблем, G20 так и не смогла стать институтом стратегического управления мировой экономикой[304].

---

[299] Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016)
[300] Там же.
[301] Современная мировая политика: Прикладной анализ. С. 317
[302] Горовой В. Диалог России и США по ПРО отложен [Электронный ресурс] // Известия. – 30 мая 2014. URL: http://izvestia.ru/news/571738 (дата обращения: 20.03.2016)
[303] ЗИМО-2012. Спонтанность и управляемость в мировой системе. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/12.htm (дата обращения: 04.04.2016)
[304] Там же

На фоне обозначенных событий неудивительно, что эксперты все чаще признают некогда «модный» концепт глобального управления проблематичным: мировая политика, безусловно, экстренно нуждается в глобальном управлении, но на фоне мощных турбулентных процессов редко его получает[305]. Иногда проект «global governance» и вовсе признается несостоятельным: «национальное государство под предлогом борьбы с транснациональным терроризмом и международным финансовым кризисом постепенно возвращает себе утраченные в конце XX века позиции»[306]. Интересно, что те же самые проблемы в 1990-х гг. рассматривались, наоборот, как повод начать процесс массовой делегации власти на глобальный уровень. Причина такого несовпадения в дискурсивном контексте: в конце 2000-х гг. глобальные институты пережили период делегитимации в дискурсе вследствие неэффективности попыток решить ключевые проблемы глобального управления.

Дискурс турбулентности говорит о своеобразии эпохи после «холодной войны», возросшем динамизме, гетерогенности и неопределенности. Он также говорит о проблемах XXI в., таких как активизация международного терроризма, усиление разрушительности экономических кризисов. Кроме того, в центре его внимания оказывается осложнение геополитических отношений между крупными странами. Важно заметить, что дискурс турбулентности находится в неразрывной связке с дискурсом глобального управления, постоянно подчеркивая кризис этого дискурса и самой системы глобального управления.

Дискурс турбулентности развивался на протяжении конца XX в., но как один из крупнейших дискурсов предстал только с конца 2000-х гг. Дискурс турбулентности развился как переосмысление проблемы управляемости в мировой политике. Он представил более реалистический взгляд на последствия глобализации и более скептический взгляд на возможность скорого решения глобальных проблем человечества.

---

[305] Maull H.W. World Politics in Turbulence. P. 17-18. URL: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_maull.pdf (accessed 10.03.2016)

[306] ЗИМО-2012. Спонтанность и управляемость в мировой системе. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/12.htm (дата обращения: 04.04.2016)

Признаки турбулентности возникали на протяжении всей второй половины XX века, во всю силу проявившись после окончания «холодной войны». Тем не менее, в дискурсе на проблему турбулентности и неуправляемости стали обращать внимание лишь недавно, и прежде всего, в результате разочарования в надеждах на наступление благого «нового мирового порядка» и учреждения эффективного наднационального глобального управления. Это подчеркивает важность изучения дискурсивного аспекта турбулентности в современной мировой политике.

Дискурс глобального управления также обращал значительное внимание на хаотизирующее влияние глобализации и глобальных проблем. Однако он, в отличие от дискурса турбулентности, считал возможным учреждение эффективного коллективного контроля над этими динамиками («глобалистский оптимизм»). Дискурс турбулентности же более скептичен в этих вопросах, считая, что объективные противоречия современной эпохи слишком сильны, и попытки их многостороннего регулирования – возможно, не самый лучший способ ослабить их влияние. Дискурс турбулентности, таким образом, предстает как более реалистический и «реалистский» взгляд на современные мирополитические феномены, такие как взаимозависимость (которая после кризиса 2008 г. показала свою «темную сторону») и глобальное управление (в котором Запад продемонстрировал свое нежелание отбросить геополитические соображения), как критика либеральных надежд на более мирный миропорядок после развала Советского Союза. Дискурс турбулентности обращает внимание не только на «темные стороны глобализации», но и на тенденции изменения геополитической конъюнктуры. Дискурс турбулентности рисует миропорядок как постглобальный, поступравленческий и постзападный.

Если раньше доминирующая дискурсивная констелляция утверждала, что у человечества нет больше вариантов, кроме как объединиться в борьбе с глобальными проблемами, то сегодня не такой уж фантастической стала казаться идея «отмены» глобализации или ее «замены» на модели регионализма или замкнутого «государства безопасности».

Дискурс турбулентности, таким образом, начинает играть все более существенную роль в мировой политике. Он во многом отражает реально изменившуюся ситуацию в мировой политике и парадигмальных основах восприятия социально-политических процессов. Важную роль в активизации дискурса турбулентности также сыграл кризис глобалистских дискурсов (в т.ч. дискурса глобального управления), оптимизм которых вошел в резкое противоречие с реалиями мировой политики в XXI в. Несмотря на то, что реальность всегда неоднозначна и противоречива, дискурс (в данном случае дискурс турбулентности) стремится вычленить из многообразия эмпирических фактов и тенденций лишь определенные, соответствующие ему факты и тенденции.

Использование дискурса турбулентности сегодня детерминируется во многом субъективными и политическими факторами. Им будет посвящен следующий раздел главы.

2.2. Дискурсы турбулентности и дискурсивные стратегии

Сколько-нибудь целостное понимание турбулентности невозможно без обращения к ее дискурсивной стороне. Одна из причин – наличие множества субъективных факторов восприятия турбулентности. Как и кризисы, угрозы и риски, турбулентность описывает не только определенное состояние мировых дел, но и восприятие лицами, принимающими решения, событий как турбулентных. П.А. Цыганков подчеркивает, что субъективная сторона кризисов и потрясений может даже возобладать над объективной[307].

Риски и кризисы конструируются индивидами (включая политиков) на основе их целей, интересов, ценностей, культурных установок и усвоенной

[307] Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. Пособие. – М.: Гардарики, 2003. С. 411

информации[308]. Так, проблема беженцев и мигрантов в Европейском Союзе может восприниматься различными политическими силами по-разному: консервативные и религиозные круги описывают ситуацию как «миграционный кризис», в то время как лево-либеральные и происламские силы придерживаются идеи мультикультурализма и не склонны к демографическому алармизму.

Процессы могут субъективно восприниматься как турбулентные также в случае неоправдавшихся надежд на будущее, что имело место в первые десятилетия после окончания «холодной войны», когда возникли ожидания по поводу начала эры бесконфликтного существования на основе общих либерально-демократических ценностей и под эгидой единственной сверхдержавы.

Одна из основных субъективных причин популярности дискурса турбулентности в современном мире – это *особенности работы средств массовой информации и восприятия людьми информации из СМИ*. Особенно это касается коротких новостных заметок в противоположность длинным статьям. Новости преувеличивают новизну событий и процессов, а главное – преувеличивают опасность некоторых угроз, в первую очередь таких как терроризм[309]. В результате у реципиентов информации в голове складывается искаженная карта рисков, а также создается иллюзия нестабильности в тех местах и сферах, которые находятся вне опасности[310]. Увлеченность СМИ «происшествиями» сказывается на том, что часто получают освещение случайные события, претендующие на сенсационность, и, как правило, подразумевающие наличие жестокости и конфликта. В то же время не менее важные процессы и события, в которых отсутствует подобные характеристики, освещения не

---

[308] Матюх Е.Т. Теории «общества риска» в современной гуманитарной науке [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. – №7. – 2012. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/7/fil%D0%BEs%D0%BEfiy%D0%B0/matyukh.pdf (дата обращения: 15.04.2016)

[309] По сравнению с событиями и процессами, в результате которых гибнет гораздо большее количество людей (по крайней мере, в долгосрочной перспективе) или которые наносят гораздо больше ущерба стране или миру.

[310] Dobelli, R. News is bad for you – and giving up reading it will make you happier [Electronic resource] // The Guardian. – 12 April 2013. URL: http://www.theguardian.com/media/2013/apr/12/news-is-bad-rolf-dobelli (accessed 10.03.2016); Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016); Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. URL: http://readme.club/books/43_antihrupkost-.pdf (дата обращения: 10.04.2016); Шперлик К. «Реальная проблема России – утечка мозгов, а не ИГИЛ»: краткие тезисы лекции Нассима Талеба [Электронный ресурс] // Теории и практики. – 14 сентября 2015. URL: http://theoryandpractice.ru/posts/11353-taleb (дата обращения: 21.04.2016)

получают[311]. Ситуация усугубляется благодаря современным информационным технологиям, позволяющим фактически любому человеку стать источником информации по какому-либо происшествию. Подобную аргументацию приводит, в частности, президент США Б. Обама, называя глобальный хаос поверхностным и продуктом глобальных социальных сетей[312].

Искаженное представление о турбулентности складывается не в последнюю очередь из-за материальной заинтересованности репортеров, экспертов и других работников СМИ, которые стараются привлечь внимание людей с помощью сенсаций, формирования иллюзии беспорядка и т.п., не обращая внимания на то, насколько эти события релевантны текущей ситуации[313]. Кроме того, сегодня, под влиянием прогресса в технологиях, все большее распространение получает непроверенная или ложная информация, а также различные формы фальсификации в СМИ. Подобные «фейки» часто конструируются с целью создать политический скандал или негативную сенсацию.

Перечисленные особенности заставляют людей, среди которых есть политики, эксперты, банкиры и т.д., воспринимать события искаженно, формируя представление о современном мире как беспрецедентно турбулентном и опасном[314].

Другой влиятельный фактор восприятия современной мировой политики как турбулентной – это *кластеризация кризисов*. Кластеры кризисов в дискурсе выражаются перечислениями. В пример приведем обращение В.В. Путина: «Множатся очаги насилия и гражданского противостояния, расшатывается система международного права. Планету сотрясают перепады экономической

---

[311] Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016); Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. URL: http://readme.club/books/43_antihrupkost-.pdf (дата обращения: 10.04.2016)

[312] Hanson V.D. The New World Disorder [Electronic resource] // National Review. – September 2, 2014. URL: http://www.nationalreview.com/article/386779/new-world-disorder-victor-davis-hanson (accessed 18.03.2016)

[313] Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016); Шперлик К. «Реальная проблема России – утечка мозгов, а не ИГИЛ»: краткие тезисы лекции Нассима Талеба. URL: http://theoryandpractice.ru/posts/11353-taleb (дата обращения: 21.04.2016)

[314] Pinker S., Mack A. The World Is Not Falling Apart [Electronic resource] // Slate. – 22.12.2014. URL: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/foreigners/2014/12/the_world_is_not_falling_apart_the_trend_lines_reveal_an_increasingly_peaceful.single.html (accessed 23.04.2016); Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016)

конъюнктуры, стихийные бедствия и экологические катастрофы»[315]. Как правило, кластеры разнородных кризисов интерпретируются не как совокупность случайных событий, а как взаимосвязанные проблемы, вместе образующие феномен турбулентности в мировой политике. Это ведет к появлению «ощущения неопределенности и тревоги за национальную и международную безопасность, за будущее человеческой цивилизации в целом»[316].

Политические, научные и журналистские дискурсы склонны связывать друг с другом кризисы, происходящие в одном временном промежутке. Между тем, такое совпадение может оказаться лишь случайным стечением обстоятельств, ведь «бедствия не происходят с равными интервалами во времени – напротив, они как правило накладываются друг на друга»[317].

Связанность кризисов в дискурсе часто выражается в том, что их корни предлагается искать в едином источнике. Так, консультант директора Российского института стратегических исследований, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в отставке Д.И. Рюриков использует выражение «парад кризисов», объединяя в кластер финансово-экономический, социальный, экологический, продовольственный кризис, кризис безопасности и кризис нематериальных основ цивилизации. Отвергая идею о случайности совпадения во времени данных кризисов, Рюриков предлагает искать их глубинные причины в едином источнике – «новом мировом порядке»[318].

Составление кластеров подразумевает значительную роль субъективного фактора как при выборе корневой причины, так и во время отбора и включения

---

[315] Обращение Владимира Путина в связи с началом председательства Российской Федерации в «Группе восьми» // Президент России. Официальный сайт. – 1 января 2014 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/20023 (дата обращения: 23.04.2016)

[316] Цыганков П.А. Глобальная неопределенность и внешняя политика России // Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство «Русайнс», 2015. С. 4

[317] Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016)

[318] Рюриков Д.И. Кризис миропорядка и угрозы России и миру [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1. – С. 70-75. URL: http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=2BBD6AE8-414B-AE1C-96AC-2D0883ABD12E (дата обращения: 14.04.2016). Стремление выявлять закономерности и связи между событиями в целом характерно для науки. К примеру, неомарксист Й. Галтунг видел причины современных кризисов в эксплуатационном характере структуры международных отношений. Соответственно, «частные» и «технические» решения, по Галтунгу, не могут решить проблемы в корне.

кризисов в «цепь эквивалентности»[319]. Важно отметить в этой связи возможность стратегического использования кластеризации кризисов, когда какой-либо актор признается повинным в распространении мировой турбулентности и/или в контроле над ней.

Восприятие человеком мировой политики как турбулентной поддерживается множеством других факторов, среди которых психологические особенности восприятия человеком своей эпохи, политическая и стратегическая культура[320], а также научно-технический прогресс[321] и ошибки в прогнозировании[322].

С точки зрения некоторых исследователей и политических деятелей, данные факторы не просто «раздувают» тему турбулентности в дискурсе, но и в целом конструируют ее. Дискурс, который мы можем назвать *скептическим дискурсом турбулентности*, отвергает представление о распространении турбулентности и хаоса в мировой политике и, наоборот, подчеркивает достижения в области управления (или, по крайней мере, настаивает на относительной неизменности соотношения турбулентности и управляемости в последние десятилетия). В.Л. Иноземцев, один из трансляторов данного дискурса, пишет: «Трудно поверить, что мы сегодня находимся в большей опасности, чем были во время двух мировых войн, ядерных угроз "холодной войны", многочисленных конфликтов в

---

[319] Стратегией выстраивания цепи эквивалентности в дискурс-анализе называют выстраивание элементов дискурса в единую цепь на основании сходства их идентичностей. Данная процедура всегда упрощает реальность, затушевывая различия между элементами цепи. Подробнее см. Полулях Д.С. Дискурсы национальных стратегий развития в мировой политике: сравнительный анализ // Политическая наука. – 2015. – №4. – С. 170-179

[320] Так, с точки зрения В.Л. Иноземцева, то, что российские политики и эксперты называют хаосом в мировой политике, на самом деле является стратегиями и правилами (т.е. проявлениями порядка), которые находятся вне контроля России. Кроме того, исследователь отмечает стремление России необоснованно экстраполировать в дискурсе беспорядок, окружающий Россию, на весь остальной мир. См. Иноземцев В.Л. Теория большого хаоса. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5720#top-content (дата обращения: 04.03.2016)

[321] Новые научные открытия и развитие измерительной техники способны предоставить новые сведения об опасностях со стороны естественно-природных источников турбулентности и, таким образом, способствовать распространению опасений и фатализма.

[322] Зарождение новых опасностей часто способствует появлению чрезмерно негативных образов будущего. С. Пинкер и Э. Мак приводят в пример несколько несбывшихся «апокалиптических» прогнозов: «Нам рассказывали о надвигающейся гибели и раньше: о вторжении СССР в Западную Европу, об "эффекте домино" в Юго-Восточной Азии, о реваншизме в объединенной Германии, о военных амбициях Японии, о наступающей анархии, которая расколет крупные государства-нации, о еженедельных терактах масштаба "9/11", которые представляют угрозу существованию цивилизации». См. Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016)

Африке и Азии, каждый из которых унес миллионы жизней. Или во время восьмилетней войны между Ираном и Ираком, которая угрожала закупорить поток нефти через Персидский залив и подорвать мировую экономику»[323]. Среди политиков последовательным приверженцем скептического дискурса турбулентности является президент США Б. Обама, который считает, что «в мире всегда хватало хаоса», а также что «вызовы, стоящие сегодня перед Америкой, не могут сравниться по остроте с теми, которые стояли перед нами во времена холодной войны»[324].

Сомнение в стабильности эпохи «холодной войны» - важная составляющая такого дискурса. Действительно, трудно спорить с тем, что эпоха противостояния двух сверхдержав была полна опасностей и вооруженных конфликтов. П.А. Цыганков, в целом считая эпоху биполярного мира стабильной и мирной, пишет, что «мирный характер уходящего международного порядка… был относительным: во-первых, он не исключал многочисленных региональных вооруженных конфликтов и войн, а во-вторых, - постоянной напряженности в отношениях между двумя противостоящими блоками, напряженности в форме "холодной войны"»[325].

С точки зрения Иноземцева, история XX в. до разрушения Советского Союза предоставляет гораздо больше примеров разрушительной нестабильности в виде экономических кризисов, гражданских войн, громких террористических актов, высоких показателей преступности[326].

Другие исследователи избегают разговоров о «глобальной турбулентности» или «глобальной управляемости» и предпочитают региональный подход, в соответствии с которым в эпоху «холодной войны» «первый» и «второй» миры находились в состоянии относительной стабильности, в то время как «третий мир» был зоной постоянной турбулентности. С 1945 по 1983 г. более 9 млн.

---

[323] Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016)

[324] Хаас Р. Разваливающийся миропорядок. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Razvalivayuschiisya-miroporyadok-17194 (дата обращения: 10.03.2016)

[325] Цыганков П.А. Теория международных отношений: Учеб. Пособие. С. 491

[326] Иноземцев В.Л. Теория большого хаоса. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5720#top-content (дата обращения: 04.03.2016)

человек было убито в Восточной Азии, 3,5 млн. – в Африке, 2,5 млн. – в Южной Азии и 0,5 млн. – на Ближнем Востоке[327].

В противоположность распространенным представлениям, данный дискурс подчеркивает расширяющуюся эффективность механизмов глобального управления сегодня. В области экономики и борьбы с кризисами «созданы валютно-финансовые механизмы беспрецедентной гибкости», мировая торговля и финансовые операции благодаря информационным технологиям подвергаются жесткой регламентации. Тезис об «игре без правил» в современном экономическом порядке опровергается сомнению фактом постоянного совершенствования институтов экономического управления, появлением таких структур как Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Базельский комитет по банковскому надзору. Кроме того, политико-правовые институты мирового регулирования – относительно новый феномен, представленный трибуналами по Югославии и Руанде, а также Международным уголовным судом[328].

Как считают сторонники скептического дискурса турбулентности, лучший способ составить объективное представление о соотношении турбулентности и управляемости в мировой политике – ориентироваться не на заголовки газет, а на статистику и выстроенные в соответствии с ней трендами. Они приводят данные, в соответствии с которыми число жертв конфликтов постоянно уменьшается, непризнанные государства и сепаратисты контролируют сегодня гораздо меньше территории, чем в эпоху «холодной войны», число демократий в мире увеличивается, линия тренда массовых убийств и геноцида направлена резко вниз[329]. См. Рисунок 3 и Рисунок 4.

Таким образом, интерпретация трендов может серьезно отличаться в различных дискурсах, и далеко не все из них признают турбулентность современного миропорядка. В то же время, почти все из «скептиков» признают

---

[327] Slater D. Geopolitics and the Post-Colonial: Rethinking North-South Relations. Blackwell Publishing Ltd., 2006. P. 6

[328] Иноземцев В.Л. Теория большого хаоса. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5720#top-content (дата обращения: 04.03.2016)

[329] Там же; Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016)

турбулентность как доминирующий дискурс в современном мире, настаивая на том, что он определяет мышление людей сегодня.

Однако трудно согласиться с тем, что турбулентность есть лишь «особенность восприятия». Глобализация, тренды развития технологий, экономики, способностей людей, становление более конкурентной среды внешней политики делают современный этап развития мировой политики более турбулентным, чем предыдущие. Показательно, что один из сторонников «скептического» дискурса в одной из статей сам признает, что современный мир не может быть полностью безопасным, и «такая сложная и малопредсказуемая система, как современное глобальное общество, просто не может не порождать эксцессов»[330].

Одно из проявлений субъективного аспекта мирополитической турбулентности – оценка этой турбулентности. Исходя из этого критерия дискурсы турбулентности можно разделить на два основных типа: *негативное прочтение турбулентности* и *позитивное прочтение*. Также как и глобализация, турбулентность может восприниматься как сила, несущая либо новые угрозы, либо процветание человечества[331]. Однако негативная или позитивная оценка турбулентности может рассматриваться в двух аспектах: *диагностическом* и *прогностическом*. Данное разделение связано с двумя важнейшими выделенными нами аспектами турбулентности: нестабильностью (диагностическое прочтение) и изменением (прогностическое прочтение). Таким образом, можно выделить четыре типа оценочных дискурсов турбулентности: диагностически-негативный, диагностически-позитивный, прогностически-негативный и прогностически-позитивный дискурсы.

Диагностически-негативное прочтение турбулентности является одним из самых распространенных в дискурсе. Оно обращает внимание на «симптомы» мирополитических изменений, то есть хаотизацию, слом правил,

[330] Иноземцев В.Л. Никаких гарантий. URL: http://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/7771379.shtml (дата обращения: 05.03.2016)
[331] Лебедева М. Мировая политика: Учебник для вузов. С. 141

неопределенность, жертвы и другие потери. Данные «симптомы» в дискурсе рассматриваются как негативные проявления, несущие только проигрыш любой из сторон международных взаимодействий, так как частыми последствиями хаоса и нестабильности становятся разрушение и жертвы. В центре внимания данного дискурса находятся такие события как экономические кризисы, вооруженные конфликты и другие потрясения, которые могут быть преодолены посредством установления институтов, соблюдения правил и гарантии мира и ненасилия.

Диагностически-негативное рассмотрение турбулентности – это традиционный взгляд на проблему порядка и хаоса в международных отношениях и мировой политике. «Порядок» в мирополитическом контексте не рассматривается лишь как нейтральное взаиморасположение элементов в группе. «Порядок» является метафорой, означающей положение, несущее человечеству благо, а именно безопасность и сохранность[332]. Именно поэтому вполне естественным считается желание политиков контролировать любую ситуацию. Данное желание вызвано страхом перед иррегулярным, дискретным, необычным[333]. Оно отражает стремление «обычного» человека превратить неминуемую гетерогенность мира в гомогенность, его потребность в безопасности и желание уйти от ответственности и непредсказуемости свободы[334]. К примеру, несмотря на, казалось бы, заинтересованность США в поддержке деструктивных тенденций на последнем этапе существования Советского Союза, реакция президента Буша на августовский путч 1991 г. была в духе порядка, а не хаоса: «Мы ожидаем, что Советский Союз будет полностью выполнять свои международные обязательства»[335].

Влиятельность данного дискурса может укрепляться или ослабляться в зависимости от политической конъюнктуры. Так, В.Л. Иноземцев усматривает дискурсивное доминирование категорий «порядка» и «контроля» в современной

---

[332] Marks M.P. Metaphors in International Relations Theory. P. 135

[333] Манн С. Реакция на хаос // Новый мировой беспорядок: жизнь на грани хаоса. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» [Электронный ресурс]. – Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. С. 12. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 01.02.2016)

[334] Видоевич З. Глобализация, хаотизация и конфликты в современном мире. С. 25.

[335] Цит. по Бялый Ю. Управляемый хаос. Часть 2. URL: http://gazeta.eot.su/article/upravlyaemyy-haos-chast-ii (дата обращения: 11.01.2016)

России: «В России при Путине "порядок" и "контроль" "по определению" хороши, а "хаос" и "неорганизованность" символизируют зло»[336].

Более подробного изучения заслуживает *диагностически-позитивное прочтение* турбулентности. Турбулентность в нем изображается как некомфортное, но естественное и развивающее состояние мировой политики. Сторонниками такого оптимистического прочтения являются в основном представители либерального течения политической мысли, а также исследователи и политики, чувствительные к категориям постмодернизма и нелинейной парадигме.

Многие аргументы этого прочтения были заимствованы из экономического и менеджерского дискурсов, а именно традиции выделения позитивных функций кризиса[337]. По отношению к мировой политике диагностически-позитивный дискурс кризиса и турбулентности может формулироваться, к примеру, следующим образом: «Некорректно описывать происходящее как наступление "темных веков", эпохи анархии и глобальной регрессии. Целесообразнее пересмотреть само прочтение "кризисов", признав их естественным спутником ускоряющейся глобализации… В истории человечества кризисы всегда были не только "исходом" всего устаревшего, но и эпохой новых возможностей»[338].

Из нелинейной парадигмы сторонники данного прочтения заимствуют идею о «естественности» турбулентности в общественных системах. Утверждается, что общественные системы, так же как и органические, способны к саморегуляции. Соответственно, любые попытки внешнего сознательного управления воспринимаются как искусственная «интервенция», нарушающая естественные механизмы функционирования и саморегуляции системы.

---

[336] Иноземцев В.Л. Теория большого хаоса. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5720#top-content (дата обращения: 04.03.2016)

[337] К примеру, экономист и теоретик менеджмента П. Друкер писал, что кризисы или ситуации хаоса должны восприниматься как возможности, ведущие к переменам и росту. См. New Normality – Thriving in Business Crisis, Uncertainty and Turbulence: Survival & Growth in a Chaotic World [Electronic resource] // BizShifts. – August 11, 2011. URL: http://bizshifts-trends.com/2011/08/11/new-normality-thriving-in-business-crisis-uncertainty-turbulence-survival-growth-in-a-chaotic-world/ (accessed 20.04.2016)

[338] Костин А.И., Изотов В.С. Последствия мирового кризиса: политологический анализ взаимозависимых рисков // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 4. С. 17-18

Нестабильность и риск приобретают еще большее значение в эпоху глобализации. В связи с этим В.Л. Иноземцев пишет: «Остается удивляться, почему мы зациклились на безопасности в мире, который не может быть безопасным»[339]. По его мнению, риторика усиления мер безопасности относится к области демагогии, а системы и средства «повышения уровня безопасности» «оказываются либо притворными, либо совершенно неэффективными»[340].

С либеральной точки зрения турбулентность означает свободу и динамику, в то время как стабильность – ограничение и стагнацию[341]. Поэтому рецепты решения проблем в данном дискурсе связаны с выходом из зоны стабильности как своеобразной «зоны комфорта» и переходом в «зону риска». Либеральные ценности здесь вступают в противоречие с консервативными и левыми, для сторонников которых характерен «страх хаоса жизни»[342]. Для диагностически-позитивного дискурса характерно следующее высказывание: «Главное зло нашего времени – это борьба за безопасность, обещание которой заставляет цепенеть сознание и волю целых народов. Сегодня… следовало бы перестать скулить по поводу "конца правил", "текучей модернити" или отсутствия "устойчивого общества". Куда правильнее было бы открыть глаза на стремительно меняющийся мир и понять, что, хотя он, безусловно, опасен, в другом нам не жить. Вернуть прежнее уважение к стремлениям к новациям и риску, готовности к переменам и неопределенности; переориентироваться с "соблюдения" неких устоявшихся стереотипов и следования им на их разрушение и пересмотр. Потому что свобода важнее безопасности, а развитие – стабильности»[343].

Сторонники дискурса настаивают на сохранении странами открытости в экономике и политике несмотря на турбулентные условия. Министр иностранных дел Великобритании в 2007-2010 гг. Д. Милибэнд озвучил свой подход к

---

[339] Иноземцев В.Л. Никаких гарантий. URL: http://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/7771379.shtml (дата обращения: 05.03.2016)
[340] Там же. Сам автор считает, что ответом на возрастание рисков должно стать страхование, а не превенция.
[341] См. Леонтьев М. «Драть когти!» - лишь мечта? [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. Еженедельник. – №24. – 12/06/2013. URL: http://www.aif.ru/society/44161 (дата обращения: 02.03.2016)
[342] Furedi F. Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation. P. 103
[343] Иноземцев В.Л. Никаких гарантий. URL: http://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/7771379.shtml (дата обращения: 05.03.2016)

развитию Евросоюза в данном ключе: «Нам следует сохранять открытость в том, что касается торговли, идей и инвестиций. У производителей по всей Европе есть соблазн искать защиты в высоких импортных тарифах. Защитники окружающей среды мечтают о возвращении в мифический мир самодостаточности, а сообщества испытывают страх перед стихийной миграцией. Я понимаю озабоченности. Открытость, создавая возможности, порождает и риски, а также снижает безопасность. Наши государства национального благосостояния должны помочь людям приспособиться к быстрым экономическим и социальным переменам. Сделать это непросто. Миграция остается серьезной проблемой… Только если мы продолжим открывать свои рынки, у нас появится возможность решить корневую причину миграции – плохие экономические перспективы соседних государств. Именно поэтому, по экономическим и социальным причинам, так важно бороться против экономического протекционизма»[344].

Диагностический аспект турбулентности может оцениваться положительно также в случаях, когда тот или иной субъект обладает возможностью эффективно манипулировать турбулентными состояниями. Как утверждается, повлиять на мир в нестабильном состоянии намного легче, чем в стабильном[345].

Для сторонников диагностически-позитивного дискурса турбулентности, в отличие от диагностически-негативного, не существует прямой связи между возрастанием турбулентности и возрастанием жертв и потерь. «Управление» также часто сопряжено с преступлениями, смертями и ущербом: «Чем, например, беспорядочное насилие в нынешней, скажем, Сирии хуже методичного уничтожения курдов Саддамом Хусейном в 1988 году, когда погибло не меньше людей, нежели в сирийском конфликте? История учит нас, что максимальное зло и максимальное число смертей порождаются именно теми, кто на словах более всего ценит контроль и порядок»[346].

---

[344] Милибенд Д. Европа как образцовая держава [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 26 ноября 2007 г. URL: http://www.ng.ru/courier/2007-11-26/13_europe.html (дата обращения: 05.04.2016)

[345] Бялый Ю. Управляемый хаос. Часть 2. URL: http://gazeta.eot.su/article/upravlyaemyy-haos-chast-ii (дата обращения: 11.01.2016)

[346] Иноземцев В.Л. Теория большого хаоса. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5720#top-content (дата обращения: 04.03.2016)

Сторонники данного дискурса склонны оправдывать разжигание турбулентности стремлением предотвратить нарушение прав человека. Такую позицию представил, к примеру, президент США Б. Обама в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 г.: «Мы видим подрыв основ демократических принципов и прав человека [в некоторых странах]... Информация в этих державах строго контролируется, а пространство для гражданского общества сужается. Нам говорят, что это нужно для предотвращения хаоса, что это единственный путь для борьбы с терроризмом, для недопущения вмешательства иностранных сил. Согласно этой логике, мы должны поддерживать таких тиранов, как Башар Асад, который сбрасывает бочковые бомбы на невинных детей, потому что альтернатива – еще хуже»[347].

Диагностически-позитивный дискурс турбулентности указывает на необходимость воспитания особых качеств как у руководителей государств, так и у обычных граждан. По мнению сторонников этого дискурса, турбулентные времена требуют от людей быть более креативными, предприимчивыми, образованными, ориентированными на инновационно-прорывное развитие. Турбулентность в данном дискурсе описывается как тренд, который «с одной стороны очень неудобный и сложный, с другой – великолепный, потому что, если страна выращивает лидеров вне зависимости от имеющихся ресурсов, она в этой конкурентной борьбе победит»[348]. Многие страны и сообщества стран уже сегодня проводят реформы и создают базу для научного, технологического и экономического прорыва, который поможет им закрепиться в мире с неоднозначными трендами[349]. России, по мнению сторонников дискурса, следует идти именно этим путем, если она не хочет навсегда остаться за пределами передового мира.

---

[347] Выступление президента США Барака Обамы на Генеральной Ассамблее ООН [Электронный ресурс] // ИноСМИ.RU. Интернет-проект. – 30.09.2015. URL: http://inosmi.ru/world/20150930/230544021.html (дата обращения: 15.12.2015)

[348] Черепанов М. Из хаоса в турбулентность [Электронный ресурс] // Ирина Хакамада. Официальный сервер. – 04.02.2014. URL: http://www.hakamada.ru/1323/Internet/1004.html (дата обращения: 12.03.2016)

[349] Хакамада И.М. Политический аутизм в турбулентное время [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. Сайт. – 20 мая 2013. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/hakamada/1077960-echo/ (дата обращения: 11.04.2016)

Такая характеристика турбулентности как изменения позволяет выделить еще два оценочных дискурса турбулентности, доля представленности которых несколько меньше. *Прогностически-негативное прочтение* рассматривает миропорядок как движущийся к менее совершенному состоянию, поэтому турбулентность, ведущая к переменам, оценивается негативно. Сюда относятся дискурсы «нового средневековья», возвращения к «довестфальскому миру», основанному не на национально-государственной, а на племенной и религиозной идентичности. Признаками такой «деградации» миропорядка являются появление непризнанного квазигосударства ИГИЛ, отрицающего существующие границы, «феодальная раздробленность» Украины, распространение гибридных войн и др. проявления[350].

Прогностически-позитивное прочтение турбулентности также говорит о бурном процессе перехода к новому миропорядку, но оценивает перспективы человечества скорее позитивно. Примером позитивной турбулентности был процесс зарождения системы наций-государств, начавшийся в XVII в. Несмотря на происходившие волнения, процесс можно в целом охарактеризовать как позитивный, так как он в итоге привел к образованию более сложной и упорядоченной системы отношений. К новому типу отношений ведет и современная турбулентность, характеризующаяся революцией технологий, активизацией индивидов в мировой политике и т.п. О.Н. Яницкий считает, что ведущую роль в турбулентном переходе сыграют «зеленые» технологии: «Ведущие социологи и ученые-естественники говорят о необходимости иной, качественной экологизации, которая тоже может создать глобальную волну "турбулентности", но она необходима, так как если все человечество примет ценности и цели потребительского общества как норму, оно столкнется с жесточайшим дефицитом солнечной энергии и невозобновимых ресурсов Земли»[351].

---

[350] Лукьянов Ф.А. Торжество Средневековья. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6401149.shtml (дата обращения: 04.04.2016)

[351] Яницкий О.Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=508 (дата обращения: 08.03.2016)

Прогностически-позитивный дискурс подчеркивает противоречие между в целом негативными «симптомами» изменений в мировой политике и позитивным направлением этих изменений. Именно поэтому дискурс призывает стоически переносить турбулентную действительность ради грядущей стабилизации миропорядка вокруг новых, более прогрессивных правил. Естественным следствием становится требование ослабить регулирование как «искусственное вмешательство» в процесс самоорганизации и самоэволюции. Для Н. Талеба это может касаться даже самых, казалось бы, негативных проявлений турбулентности: «Нас ужасает количество жертв войны, но мы не берем в расчет следующий шаг, то, что происходит потом, – в отличие от садовников, которые понимают, что дерево с обрезанными ветками становится сильнее»[352].

Как мы видим, единого дискурса турбулентности не существует. Вместо этого можно сказать, что дискурс турбулентности – это «узловой дискурс», вокруг которого группируются другие дискурсы (субдискурсы)[353]. Выделенные нами разновидности нормативного прочтения турбулентности лежат в основе различных смысловых субдискурсов турбулентности. Всего можно выделить три субдискурса турбулентности. На прогностических прочтениях турбулентности базируется *субдискурс «турбулентных времен»,* на диагностически-позитивном прочтении – *субдискурс самоорганизации*, на диагностически-негативном прочтении – *субдискурс глобальных угроз*. Данные субдискурсы по-своему интерпретируют понятие турбулентности, обращают внимание на различные ее аспекты и подразумевают использование различных дискурсивных стратегий.

Субдискурс «турбулентных времен» - один из самых распространенных в узловом дискурсе. Он подчеркивает качественную новизну современного миропорядка, который можно охарактеризовать как «турбулентный»[354]. Наступление турбулентности объясняется объективными, структурными

[352] Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. URL: http://readme.club/books/43_antihrupkost-.pdf (дата обращения: 10.04.2016)
[353] Fairclough N. Language and Globalization. P. 18
[354] Черепанов М. Из хаоса в турбулентность. URL: http://www.hakamada.ru/1323/Internet/1004.html (дата обращения: 12.03.2016)

причинами, а поэтому существование турбулентности и ее усиление описывается как «объективные» и «закономерные». Через эту призму кризисность и неуправляемость мировой политики воспринимается как «нормальное» состояние на данном этапе; конфликты и катастрофы конструируются уже не как исключения, а как правила.

Из вышесказанного можно вывести отличительную функцию данного субдискурса – нормализацию кризиса. Сторонники субдискурса описывают турбулентность как «новую реальность»[355] и «новую нормальность»[356]. Кризисность, беспорядочность и скачкообразность определяют сущность современного мира, а значит субъектам остается смириться с этими реалиями и попытаться к ним приспособиться[357].

В этом субдискурсе турбулентность выступает как *политическая метафора*. Как уже говорилось, понятие «турбулентность» уходит корнями в естественные науки, где оно ассоциируется с вихревыми процессами в потоках жидкости или газа. Для ряда ученых, политиков и журналистов, знакомых с гидродинамикой, это понятие связано с таким пониманием.

Другое, более популярное метафорическое понимание турбулентности связано не со сложными проблемами физики, а с более приземленными проблемами воздушного транспорта и погодных катаклизмов[358]. Используясь метафорически для описания общественных процессов, оно применяется в рамках сравнения, например, организации, страны или всего мира с самолетом, испытывающим воздействие метеорологической турбулентности.

Таким образом, основное сообщение, которое транслирует метафора турбулентности – это «*потрясения в мировой политике есть метеорологический*

---

[355] Каслионе Дж.А. Chaotics: искусство управления в эпоху турбулентности. URL: http://performance.ey.com/wp-content/uploads/downloads/2011/10/Chaotics.pdf (дата обращения: 23.01.2016); Немова Л. Экономика Канады в условиях глобальной турбулентности. URL: http://www.rusus.ru/?act=read&id=431 (дата обращения: 10.03.2016)

[356] Евдоченко Е.А. Турбулентность глобальной экономической среды: теоретические аспекты и практическое проявление. URL: http://www.irbis.kneu.kiev.ua:8080/bitstream/2010/5535/1/112-119.pdf (дата обращения: 05.04.2016); Kavalski E. Introduction: Inside/Outside and Around: Observing the Complexity of Global Life. P. 12

[357] Евдоченко Е.А. Турбулентность глобальной экономической среды: теоретические аспекты и практическое проявление. URL: http://www.irbis.kneu.kiev.ua:8080/bitstream/2010/5535/1/112-119.pdf (дата обращения: 05.04.2016); Kavalski E. Introduction: Inside/Outside and Around: Observing the Complexity of Global Life. P. 11

[358] White M. Turbulence and turmoil in the market or the language of a financial crisis. P. 74. URL: http://www.aelfe.org/documents/text7-White.pdf (accessed 03.03.2016)

феномен». То есть мирополитическая нестабильность вызвана к жизни мощными и первобытными силами[359]. Мировая политика, таким образом, начинает восприниматься как своего рода окружающая среда, т.е. как что-то непредсказуемое и неподконтрольное, как факт, с которым приходится иметь дело, подобно погоде. Такое представление часто используется в дискурсах глобализации, которая, являясь неуправляемой и крайне конкурентной, в то же время начинает восприниматься как что-то естественное и неизбежное[360].

М. Уайт усматривает в такой метафорике апологию свободного рынка, которую могут использовать в своих дискурсах ультра-либералы: «Если экономические кризисы рассматриваются в терминах стихийных бедствий, то вырабатывается представление об экономике как производной слепых первобытных сил, независимых от человеческих действий, и, следовательно, с этой точки зрения на первый план выходит тщетность вмешательства в дела рынка»[361]. С другой стороны, нередко образ стихии используется для обоснования ограниченной интервенции. Вмешательство регулирующих органов здесь сравнивается с действиями спасателей, задача которых – не остановить стихию и, тем более, не устранить причины возникновения катаклизма (это не представляется возможным), а минимизировать трагические последствия и потери[362]. Подобную роль метафора турбулентности играет и в описании политических процессов.

Образ мировой политики как естественных процессов в метафоре дополняется другим образом – образом *путешествия*. Дж. Розенау, к примеру, использовал такое сравнение: «Это как если бы космический корабль под названием Земля ежедневно сталкивался со шквальными ветрами, кренясь под их ударами в сторону изменяющейся и не отмеченной на карте территории познания»[363]. В центре подобных образов стоит путешественник, столкнувшийся

---

[359] Ibid. P. 76-77

[360] Ivakhiv A. Weathering Global Futures: Ecology, Economy, and the Unruly Tropics of the "Global". P. 12

[361] White M. Turbulence and turmoil in the market or the language of a financial crisis. P. 82. URL: http://www.aelfe.org/documents/text7-White.pdf (accessed 03.03.2016)

[362] Ibid.

[363] Розенау Дж.Н. Турбулентность в мировой политике. URL: http://www.bellkinn.chat.ru/zip/tmo/tmo.zip (дата обращения: 05.10.2015)

с неблагоприятными погодными условиями. Популярной разновидностью этого образа является уже описанный образ авиалайнера, попавшего в «зону турбулентности».

Образы погодного явления и путешествия дополняют друг друга в метафоре: первый обращает внимание на «объективную» ситуацию, масштабы кризиса и условия, с которыми приходится иметь дело «путешественнику», а второй подчеркивает роль мастерства этого «путешественника» в борьбе с описанными выше условиями[364].

Важно обратить внимание на то, что «турбулентность в мировой политике» - это научная (не художественная) метафора. По мнению Ч. Месьяша, отличие и сила научных метафор (позаимствованных из рационалистических дисциплин, таких как математика, физика, химия, биология) заключается в том, что они воспринимаются более «серьезно»: «научный» источник этих метафор придает им легитимность и сводит на нет саму «метафоричность»[365]. Таким образом, «научность» метафоры турбулентности добавляет ей привлекательности и убедительности.

Как и другие метафоры кризиса, метафора турбулентности обретает свое влияние во многом за счет существования в антагонистической паре с другими понятиями и метафорами, обозначающими те или иные феномены и состояния в мировой политике. Определенную проблему представляет собой вопрос о том, какое именно понятие образует с «турбулентностью» антагонистическую пару.

Чаще всего противоположностью понятию турбулентности признаются понятия «порядка», «стабильности», «спокойствия», «покоя», «устойчивости». Синонимами же «турбулентности» в дискурсах выступают понятия «хаоса», «неконтролируемости», «незащищенности» и т.п.[366]

---

[364] White M. Turbulence and turmoil in the market or the language of a financial crisis. P. 80. URL: http://www.aelfe.org/documents/text7-White.pdf (accessed 03.03.2016)

[365] Mesjasz C. Stability, Turbulence, Chaos?: Systems Analogies and Metaphors, and Change in Contemporary World Politics.

[366] Marks M.P. Metaphors in International Relations Theory. P. 134-135; White M. Turbulence and turmoil in the market or the language of a financial crisis. P. 76-77. URL: http://www.aelfe.org/documents/text7-White.pdf (accessed 03.03.2016); Mesjasz C. Stability, Turbulence, Chaos?: Systems Analogies and Metaphors, and Change in Contemporary World Politics.

Стоит добавить, что если турбулентность в дискурсе не понимается как метафора кризиса, антагонистические понятия для данного дискурсивного контекста могут быть иными. Более того, для сторонников позитивной интерпретации процессов турбулентности характерно стремление деконструировать традиционное представление о стабильности, которое они называют «псевдостабильностью», являющуюся на практике «бомбой замедленного действия»[367].

Турбулентности и хаосу часто противопоставлено также «управление» (а в контексте мировой политики – «глобальное управление»), так как порядок является результатом эффективного управления. Глобализация в мирополитическом дискурсе несет хаос и турбулентность, а глобальное управление способно поставить транснациональные потоки под контроль. Так, для А.И. Уткина тенденция «ввержения в хаос» ведет в потере *управляемости* мирового развития[368].

Несмотря на существование примеров того, что понятия турбулентности и управления не всегда противоречат друг другу[369], все же доминирующим является представление о том, что в эпоху турбулентности управляемость, понимаемая как более или менее эффективный контроль над движущими силами и

---

[367] Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. URL: http://readme.club/books/43_antihrupkost-.pdf (дата обращения: 10.04.2016)

[368] Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М.: ЭКСМО, 2002. С. 75

[369] Например, для Дж. Розенау, который в своем анализе парадоксально сочетал изучение обоих феноменов, глобальное управление не противоречило глобальной турбулентности. Как уже упоминалось нами, концепция турбулентности у Розенау анализировала не степень упорядоченности/хаотичности мира, а движущие силы изменений. В свою очередь, глобальное управление изучает не то, насколько успешно поддерживается контроль над движущими силами, а лишь те «усилия», благодаря которым устанавливаются и поддерживаются различные международные режимы и «сферы компетенции». В этом смысле управление может осуществляться и во время крупных конфликтов. Таким образом, у Розенау турбулентность и управляемость являются аналитическими, а не нормативными концепциями, и в этом смысле не противоречат друг другу. См. Rosenau J.N. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World. P. 55-56. Для некоторых авторов турбулентность и управляемость не только не противоречат друг другу, но и являются взаимодополняющими. Так, в дискурсе государственного менеджмента понятие «governance» (управление) означает особый механизм управления, соответствующий сетевому принципу организации общества. В эпоху турбулентности «необходим переход к синергетическому принципу взаимодействия государственной и публичной политики, при котором линия водораздела между компетенциями субъектов управления каждый раз прочерчивается заново в ходе переговоров. При этом новую систему управления характеризует как высокая степень неопределенности и риска, так и развитая способность адаптации к вызовам и угрозам, возникающим вследствие кризиса традиционной институциональной системы общества в эпоху постмодерна». См. Нысанбаев А.Н., Дунаев В.Ю. Мировоззренческие основания и общенаучные парадигмы социально-политического риск-менеджмента. С. 163-164. Ну и, наконец, сама концепция турбулентности, как мы убедились, в нелинейном прочтении подразумевает наличие механизмов самоорганизации, управления и эксплуатации хаоса. В этих случаях турбулентность и управляемость также не противоречат друг другу.

противоречиями, переживает серьезный кризис[370]. В этом смысле в дискурсивном поле понятие управления противопоставлено турбулентности.

В мирополитическом контексте турбулентности иногда противопоставляются и более сложносоставные метафоры. Это касается метафор «островка стабильности» и «тихой гавани». В последнем случае антагонизм понятий был представлен, например, в дискурсе о «второй волне мирового кризиса» Е.Т. Гурвича: «Вторая волна кризиса, возможность появления которой не раз обсуждалась, стала реальностью. Мировая экономика вновь вошла в "*зону турбулентности*" и источником проблем вновь стали наиболее развитые страны. В 2008 году, несмотря на это, капиталы укрывались в США, но сейчас у них нет даже видимости "*тихой гавани*" (курсив мой. – Д.П.)»[371].

Для субдискурса «турбулентных времен» крайне важна метафора турбулентности и связанные с ней сравнения мировой политики с природными процессами. Фактически отождествляя турбулентность с глобализацией, немецкий политолог Х. Маулль пишет, что «сопротивление волнам глобализации – это такой же безнадежный процесс, как и попытки легендарного короля Кнуда приказать приливной волне вернуться назад. Сёрфинг на этих волнах, однако, вполне возможен, если обладать необходимыми навыками»[372].

Из вышеназванной особенности вытекает другой пункт пересечения дискурсов турбулентности и глобализации – бессубъектность процессов. Глобализация и турбулентность в дискурсах представлены как процессы без распространяющих ее агентов[373]. Субъекты изгоняются из дискурса с помощью лингвистических средств, номинализирующих действие как событие[374]. Само использование слов «турбулентность», «хаос», «кризис» позволяет перевести внимание с субъективных на объективные факторы.

---

[370] См. напр. ЗИМО-2012. Спонтанность и управляемость в мировой системе. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/12.htm (дата обращения: 04.04.2016)

[371] Принятые на саммите БРИКС документы помогут преодолеть турбулентность на мировых рынках, рассчитывает президент России [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство. – 27/03/2013. URL: http://tass.ru/arhiv/593087 (дата обращения: 16.03.2016)

[372] Maull H.W. World Politics in Turbulence. P. 25. URL: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_maull.pdf (accessed 10.03.2016)

[373] Fairclough N. Language and Globalization. P. 9

[374] Ibid. P. 37-38

Исходя из характеристик субдискурса, можно вывести несколько стратегий, активно использующихся в мировой политике.

1) Дискурс «турбулентных времен» может использоваться для легитимации социальных потрясений. Турбулентные явления, часто являющиеся разрушительными, артикулируются как естественные для данного политического пространственно-временного контекста, а следовательно, в значительной мере оправдываются. Особенно часто такая дискурсивная стратегия применяется для оправдания и нормализации массовых акций протеста, переворотов и революций как естественных проявлений турбулентных времен с их технологической, информационной революцией и революцией способностей индивидов к политической мобилизации и созданию коалиций. К примеру, российский государственный деятель В.Ю. Сурков следующим образом описал протесты конца 2011 г. в Москве: «Тектонические структуры общества пришли в движение, социальная ткань приобрела новое качество. Мы уже в будущем. И будущее это неспокойно. Но не стоит пугаться. Турбулентность, даже сильная, - все-таки не катастрофа, а разновидность стабильности. Все будет хорошо»[375]. Беспорядки в данном примере связаны с рисками, но при помощи многочисленных естественно-природных метафор легитимируются. Фраза «турбулентность как разновидность стабильности» отражает мысль о том, что беспорядки не просто не противопоставляются статус-кво, но даже являются его органической частью. Они призваны укрепить существующую политическую систему, сделав ее более гибкой и устойчивой. Турбулентность «сама по себе вещь и неприятная, но отнюдь не катастрофичная. И которая даже способствует устойчивости, если речь идет об открытой политической системе»[376].

---

[375] См. Владислав Сурков: «Система уже изменилась» [Электронный ресурс] // Известия. – 22 декабря 2011. URL: http://izvestia.ru/news/510564 (дата обращения: 24.03.2016)

[376] Однако протесты в данном примере легитимируются не просто так, а с целью противопоставить их попыткам превратить законные требования общества в (управляемую извне) «оранжевую революцию». Таким образом, субдискурс «турбулентных времен» может использоваться для отделения «нелегитимного хаоса» от «легитимного хаоса». См. Зверев А. Владислав Сурков: турбулентность – это разновидность стабильности [Электронный ресурс] // Национальный экономический портал. – 23.12.2011. URL: http://neprussia.ru/news/actual/867 (дата обращения: 02.11.2015); Сурков: лучшая часть общества требует уважения к себе [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. – 23 декабря 2011 г. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/12/111223_surkov_rallies_protests.shtml (дата обращения: 10.01.2016)

Данная стратегия также может использоваться для сокрытия практик управления турбулентностью. Несмотря на то, что управляемость, как уже было показано, не противоречит феномену турбулентности, дискурс «турбулентных времен», акцентируя внимание на бессубъектности и «неуправляемости» процессов, уводит внимание от этих возможностей. Опять обратимся к примеру массовых акций протеста. Действия протестующих в рамках дискурса «турбулентных времен» объясняются через «объективные» факторы: требования демократических перемен, развитие информационных технологий и электронных средств связи, «эффект бабочки»[377]. В то же время игнорируется фактор возможности стратегического управления со стороны внешних акторов. Игнорируется вопрос о предварительной подготовке, которая требуется для успешного восстания, об организационных аспектах выступлений, об источниках распространения информации, формирующей восприятие режима населением, а также его представлений о правильной стратегии действия[378].

2) Бессубъектность турбулентности, внушаемая субдискурсом, может использоваться для размывания ответственности за те или иные проблемы или неудачи: основными виновниками признаются абстрактные объективные процессы, а не конкретные акторы мировой политики. Примером может послужить освещение западными СМИ противостояния сторонников Майдана и антимайдановских сил 2 мая 2014 г. в Одессе и пожара в Доме профсоюзов. СМИ старались замолчать вопрос виновных в пожаре, в результате которого сгорели около 40 сторонников пророссийского движения: «В западных СМИ умалчивают о причинах трагедии: Дом профсоюзов подожгли воинствующие радикалы… Поддерживая Майдан, западные политики и СМИ не обращают внимания на бесчинства националистов»[379]. СМИ предпочитали освещать конфликт на

---

[377] Kiamie W. Turkish protests an instance of the "turbulence" of global politics today. URL: http://www.examiner.com/article/turkish-protests-an-instance-of-the-turbulence-of-global-politics-today (accessed 10.09.2015)

[378] Манойло А.В. Революция на Ближнем Востоке и в Северной Африке: политический прагматизм и технологии управляемого хаоса. URL: http://mir-politika.ru/170-revolyuciya-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-politicheskiy-pragmatizm-i-tehnologii-upravlyaemogo-haosa.html (дата обращения: 04.04.2016); Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». С. 94. Подробней об управляемых революциях см. следующий параграф.

[379] Мировые СМИ говорят о трагедии в Одессе, но не называют её причин [Электронный ресурс] // RT на русском. – 04.05.2014. URL: http://russian.rt.com/article/30478 (дата обращения: 17.04.2016)

абстрактном уровне, используя такие заголовки как «Хаос захлестнул Одессу»[380]. Стратегия перекладывания ответственности также широко применялась во время череды экономических кризисов и потрясений в мире с конца 2000-х гг., когда неудачи экономической политики страны оправдывались «объективными» кризисными тенденциями, общими для всего мира[381].

3) Прогностически-позитивная версия разбираемого субдискурса лежит в основании дискурсивной стратегии оправдания некоторых деструктивных симптомов турбулентности движением к более совершенному миропорядку. П.А. Цыганков заметил, что концепция турбулентности Дж. Розенау играет именно такую легитимирующую роль по отношению к жестоким проявлениям активности «гражданского общества»: «По мнению Розенау, наличие условий турбулентности может рассматриваться как желательное, ибо в долговременной перспективе массовая политическая активизация индивидов, являясь проявлением возрастающей роли субъективного фактора, способствует демократизации мирового развития. Означает ли это, что должны быть оправданы и даже признаны желательными такие потрясения в современной мировой политике, как непрекращающаяся бойня в Сирии, хаотизация всего Ближнего Востока, активизация индивидов, пополняющих ряды головорезов ИГИЛ, наконец, современная ситуация на Украине, где "активисты" с энтузиазмом рушат памятники и преследуют инакомыслящих? Политика США и их союзников создает устойчивое впечатление, что руководство стран "коллективного Запада" склонно к утвердительному ответу на данный вопрос»[382].

Эта же стратегия может использоваться и другими политическими силами, оправдывающими, к примеру, разрушение западноцентричной системы глобального управления и последующую хаотизацию движением к более

---

[380] Tharoor I. Chaos grips Odessa, Ukraine's third-largest city [Electronic resource] // The Washington Post. – May 2, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/05/02/chaos-grips-odessa-ukraines-third-largest-city/ (accessed 30.04.2016)

[381] См. напр., Леонтьев М. «Драть когти!» - лишь мечта? URL: http://www.aif.ru/society/44161 (дата обращения: 02.03.2016)

[382] Цыганков П.А. Глобальная неопределенность и внешняя политика России // Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство «Русайнс», 2015. С. 5

справедливому многополярному миру. Так, для С.В. Лаврова турбулентность в мировой политике ведет к созданию «новой полицентричной международной системы, отвечающей реалиям XXI века и опирающейся на общие для всех "правила игры"»[383]. Дискурс подчеркивает необратимость заката «мира по-американски» и призывает приветствовать процесс дальнейшего расшатывания миропорядка, несмотря на присущие ему разрушительные флуктуации. Так, политический журналист П. Акопов прогнозирует кризисное и «жестокое» будущее миропорядка, но призывает его приветствовать, так как в результате «еще больше ослабнут те силы, что пытаются сохранить существующий миропорядок, давно уже ставший главной причиной мирового хаоса. А значит, станет ближе момент формирования новых правил глобальной игры – через выстраивание баланса сил и интересов основных мировых цивилизаций, без единого центра, железной рукой загоняющего человечество в "дивный новый мир"»[384].

Стратегии субдискурса «турбулентных времен» выдвигают на передний план характеристики турбулентности, подчеркивающие «объективность» происходящих изменений, и фактически вытесняют из рассмотрения крайне важный субъективный фактор. Первые две стратегии основываются на игнорировании активного конструирующего влияния акторов на турбулентность, в то время как третья стратегия уводит внимание от потенциального разрушительного влияния «благой» турбулентности.

Субдискурс самоорганизации имеет много общего с субдискурсом «турбулентных времен». Однако он делает меньше акцента на особенностях нынешнего этапа развития мировой политики, и больше – на необходимости нового взгляда на феномен хаоса и нестабильности в целом. Субдискурс подчеркивает прогрессивность постнеклассического и нелинейного подходов в науке и в практике, проводя сравнение между переходом от линейных к

---

[383] Лавров С.В. Международные отношения в зоне турбулентности – где точки опоры? URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/263A1015041B1BBA4425797500416F7A (дата обращения: 02.04.2016)

[384] Акопов П. Развал атлантического проекта усиливает глобальную турбулентность [Электронный ресурс] // Взгляд.ру. Сетевое издание. – 31 декабря 2015. URL: http://vz.ru//world/2015/12/31/786669.html (дата обращения: 14.04.2016)

нелинейным подходам в социальных науках и переходом от ньютоновской физики к квантовой механике. Субдискурс распространен преимущественно в среде исследователей и экспертов, владеющими знаниями, методологией и языком из области нелинейных дисциплин. Растущая популярность нелинейных дисциплин, тем не менее, способствует более широкому распространению субдискурса, что, однако, сказывается на научной строгости соответствующих интерпретаций[385]. Популяризация теории хаоса и синергетики приводит к появлению излишне упрощенных, смелых и радикальных концепций «позитивного хаоса». Причем, как подчеркивают исследователи, самыми влиятельными дискурсами как правило оказываются самые радикальные дискурсы[386].

«Новый» взгляд рассматривает хаос не в нормативном, а в аналитическом ключе, как бурные нестабильные состояния, которые, однако, в своей основе тяготеют к организованности, порядку. Турбулентность в мировой политике рассматривается в рамках данного субдискурса именно как хаос, существование которого отражает естественную эволюцию сложных самоорганизующихся систем. Подобная мысль встречалась еще в работах Пригожина и Стенгерс, которые предусматривали применение теории организованного хаоса не только в естественных, но и в социальных науках. Существование естественных механизмов самоорганизации в мировой политике подразумевает ненужность и губительность искусственных механизмов глобального управления в виде международных институтов и контролирующих инстанций.

Парадоксальным образом нелинейная парадигма отводит значительную роль вмешательству человека в процессы самоорганизации, но не в виде накладывания на турбулентные процессы традиционной системы ограничений (что будет препятствовать естественной эволюции систем), а в виде искусных

[385] Ivakhiv A. Weathering Global Futures: Ecology, Economy, and the Unruly Tropics of the "Global".
[386] Fairclough N. Language and Globalization. P. 17

манипуляций турбулентностью, незначительных воздействий, вызывающих изменения по всей толще системы[387].

Субдискурс самоорганизации лежит в основе следующих дискурсивных стратегий:

1) Представление о саморегулируемости социальных систем может использоваться для обоснования политики невмешательства в функционирование этих систем, даже если они вошли в «турбулентную» стадию своего развития. Многие исследователи (особенно российские) доводили выводы наук о хаосе до крайности, фактически постулируя созидательность, а значит позитивность любого хаоса. Так, российский и международный порядок 1990-х гг. воспринимался ими как «животворный хаос»[388].

Чаще всего данная стратегия используется в дискуссиях о мировой экономике. Система свободного рынка предстает в субдискурсе как открытая самоэволюционирующая система, которая в истории показала свое превосходство над центрально регулируемыми системами. Современная глобальная капиталистическая экономика описывается в субдискурсе как крупнейшая живая система (vivisystem) на планете – «круглосуточное электронное казино»[389]. Для субдискурса самоорганизации в экономике характерна натурализация и биологизация рыночной экономики. Так, для экономиста М. Ротшильда капитализм – «это вообще не "изм", а естественно происходящее явление»[390]. Н. Талеб также считает, что «открытый рынок с множеством участников лучше регулируемого… Вмешательство в экономику повышает уровень риска. Чем больше вы пытаетесь регулировать систему и уменьшаете ее вариативность, тем более хрупкой она становится и тем меньше ее шансы на выживание»[391].

---

[387] Чеснавская М.Н. Нелинейные подходы к мировой политике. URL: http://goo.gl/lrg4uE (дата обращения: 10.03.2016)

[388] Федотова В. Управляемый хаос. С. 5. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 01.02.2016)

[389] Ivakhiv A. Weathering Global Futures: Ecology, Economy, and the Unruly Tropics of the "Global". P. 17

[390] Cit. ex ibid.

[391] Шперлик К. «Реальная проблема России – утечка мозгов, а не ИГИЛ»: краткие тезисы лекции Нассима Талеба. URL: http://theoryandpractice.ru/posts/11353-taleb (дата обращения: 21.04.2016)

2) Вторая стратегия вытекает из представления о роли сознательной активности человека в процессах поддержания и разрушения порядка. Субдискурс самоорганизации может стать инструментом обоснования агрессивного курса в мировой политике. По мнению некоторых исследователей, подобное и происходило в эпоху «войны против террора» при администрации Дж. Буша-младшего. Тюрьмы Гуантанамо и Абу-Грейб, агрессия США против Ирака рассматривались благодаря дискурсу как попытки привести международную систему в состояние неравновесного хаоса для того, чтобы создать условия для зарождения новых, прогрессивных форм порядка. По этой логике «машинерия» международного права представляла собой форму «псевдо-стабильности», мешавшей бороться с террористами и тем самым консервировавшую отжившие формы порядка. Дискурс самоорганизации также поощряет разрушение суверенитета в условиях, когда силы транснационализации делают его все более хрупким. В Ираке, к примеру, разрушение государства рассматривалось как создание необходимого хаоса, из которого родится новая форма стабильности: «После того как ситуация в Ираке вступила в фазу "самоорганизующейся критичности", догматы дискурса сложности стали советовать поощрять этот процесс для завершения болезненного пути в новое состояние стабильности»[392].

3) Еще одна дискурсивная стратегия, также отталкивающаяся от идеи о возможности сознательного направления хаоса, приписывает тайное управление определенными турбулентными процессами какому-либо из акторов (как правило, могущественному). Селекция кризисов, «тайно управляющихся» некой политической силой, происходит на основе механизма кластеризации кризисов, разобранного нами ранее. Так, исследователь и философ Ю. Бялый включает в механизмы властвования США через управляемый хаос такие проявления турбулентности как появление частных военных компаний, активизация эмитентов валют и деривативов в современной финансовой системе, конструирование и «сшибка» культур и идеологий, активизация радикальных

[392] O'Kane R. Co-opting Chaos: The Role of Complexity Discourse in the War on Terror. P. 8. URL: https://fortyninthparalleljournal.files.wordpress.com/2014/07/7-okane-coopting-chaos.pdf (accessed 12.03.2016)

«экологистов», конструирование повестки дня в средствах массовой информации, формирование информационного хаоса и насаждение плюрализма норм, изменение гендерных ролей, массовые вакцинации населения развивающихся стран и т.п.[393]

В целом судбискурс самоорганизации сегодня все чаще подвергается критике, причем не только за политизированность, но и за опасность стратегий, которые вытекают из него. Так, первые две стратегии субдискурса подводят к мысли о ненужности сознательного контроля со стороны институтов над «естественными» процессами. Как уже подчеркивалось, конфликты и хаос в мировой политике, безусловно, могут играть и позитивную роль, но в эпоху глобализации и современных военных технологий турбулентность, возникшая естественно или сознательно, может привести к серьезным разрушительным и катастрофическим последствиям для мирового сообщества в целом. Кроме того, стоит помнить об озвученных ранее ограничениях в применении естественнонаучных теорий к социальным системами. Третья стратегия, в противоположность стратегиям субдискурса «турбулентных» времен, полностью принимает идею о возможности управлять турбулентностью в современных условиях и, более того, старается объяснить все проблемы страны или мира ведущейся политикой глобального управления трендами, динамиками, изменениями со стороны каких-либо акторов, полностью (и ошибочно) игнорируя наличие объективных предпосылок турбулентности.

Несколько в стороне стоит *субдискурс глобальных угроз*. В центре его внимания находятся прежде всего конъюнктурные источники турбулентности, т.е. действия акторов и связанные с ними геополитические изменения. Одно из следствий этих установок – представление о возможности преодолеть турбулентность и вернуть международную систему в состояние управляемости, если способствовать изменению геополитической конъюнктуры[394]. В этом пункте

---

[393] Бялый Ю. Управляемый хаос. Часть 2. URL: http://gazeta.eot.su/article/upravlyaemyy-haos-chast-ii (дата обращения: 12.01.2016)

[394] См. напр. Hanson V.D. The New World Disorder. URL: http://www.nationalreview.com/article/386779/new-world-disorder-victor-davis-hanson (accessed 18.03.2016)

субдискурс глобальных угроз существенно отличается от двух предыдущих субдискурсов, настаивающих на турбулентности как перманентной характеристике современной мировой политики[395]. В то же время субдискурс глобальных угроз не становится разновидностью дискурса глобального управления, так как не предполагает подключения многосторонних публичных легитимных институтов к процессу урегулирования. Субдискурс глобальных угроз занимает промежуточное положение между нелинейными дискурсами турбулентности (субдискурсами «турбулентных времен» и самоорганизации) и обычными дискурсами глобальной (без)опасности. Он сосредоточен на угрозах безопасности, но при этом рассматривает их в контексте турбулентной трансформации миропорядка.

Стратегическое применение субдискурса может происходить следующими способами:

1) Он может использоваться для конструирования карты основных опасностей и угроз для страны, «цивилизационного сообщества» или мира. Турбулентность в мировой политике в рамках данной дискурсивной стратегии становится пустым означающим, которое различные политические силы пытаются наполнить нужным им содержанием. Основная борьба разворачивается по поводу определения основных геополитических источников угроз.

Степень «признанности» источников турбулентности со стороны международного сообщества может варьироваться. Если «Исламское государство» широко признается террористической организацией и виновником хаотизации мировой политики, то, к примеру, «кандидатура» России является довольно спорной. При этом те, кто пытается выставить Россию серьезной угрозой международной стабильности, применяют стратегию выстраивания цепи эквивалентностей, где Россия оказывается рядом с «Исламским государством» в списке глобальных угроз человечеству. Так, в сентябре 2014 г. президент США Б. Обама на заседании Генеральной Ассамблеи ООН назвал три основные мировые угрозы: вирус Эбола, «агрессию» России и конфликты в Ираке и Сирии. Через два

[395] В этом смысле третий субдискурс, в отличие от двух предыдущих, можно назвать традиционно линейным.

месяца на саммите G20 в Австралии Обама подкрепил выстроенную им цепь эквивалентностей: «Мы возглавляем усилия мирового сообщества в борьбе с болезнью, вызванной вирусом Эбола, и в противостоянии российской агрессии на Украине, которая угрожает миру, как мы видели в ужасающем случае с уничтожением малазийского Boeing»[396]. Такие примеры демонстрируют «объективизацию» России в дискурсе, попытку превратить ее из субъекта мировой политики в объект, к которому должны быть применены ограничивающие действия, или стихию (наравне с терроризмом и эпидемиями), которую необходимо усмирить.

Кроме того, западный дискурс нестабильности и угроз склонен уравнивать антизападные и антисистемные действия. Именно поэтому «турбулентное геополитическое возвышение России» и сопутствующее этому сокращение возможностей американской гегемонии воспринимаются Западом как удар по стабильности и благополучию. Так, в 2015 г. бывший президент Польши Б. Коморовский назвал парад 9 мая в Москве «образом нестабильного мира»[397]. Примечательно также, что сайт Bloomberg.com в конце 2015 г. назвал сценарий геополитического успеха России одним из «худших» сценариев развития ситуации в мире[398].

Для России дискурс угроз и турбулентности строится противоположным образом. Турбулентность, в соответствии с этим дискурсом, есть результат агрессивной политики США в мире.

2) Вторая стратегия является следствием из первой. Обилие геополитических угроз в современном мире требует ответа, причем также геополитического. Дискурс может транслировать идею о необходимости внешнеполитической активизации определенного актора. Так, если дискурс объясняет возникновение турбулентности действиями антиамериканских сил и

---

[396] Барак Обама вновь поставил в один ряд Россию и вирус Эбола [Электронный ресурс] // RT на русском. – 15.11.2014. URL: http://russian.rt.com/article/59619 (дата обращения: 02.02.2016)

[397] Президент Польши увидел в параде 9 мая «образ нестабильного мира» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 03.05.2015. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2720969 (дата обращения: 15.04.2016)

[398] Krause-Jackson F., Rojanasakul M., Fraher J. A Pessimist's Guide to the World in 2016 [Electronic resource] // Bloomberg. – December 15, 2015. URL: http://www.bloomberg.com/graphics/pessimists-guide-to-2016/ (accessed 23.03.2016)

внешнеполитическим отступлением США, то подразумеваемым решением проблемы могло бы стать восстановление гегемонии Соединенных Штатов. Такую позицию озвучил, в частности, кандидат в президенты США М. Рубио в 2015 г., раскритиковав слабую внешнюю политику президента Б. Обамы[399].

Подобная позиция подкрепляется представлениями о дуализме мира, где с одной стороны находятся цивилизованные, стабильные западные страны с либеральной демократией и рыночной экономикой, с другой – незападные страны, чей образ составлен из всего, что относится к недостатку, инертности и жестокости. Эти страны, которые отличает либо жесткий авторитарный режим, либо слабая и нестабильная государственная власть, порождают турбулентность в мировой политике, которая может быть преодолена «на пути экспорта (в том числе, при необходимости, и насильственного) тройственной модели передового Запада: рыночной экономики, либеральной демократии и институализации политических процессов»[400]. Образ врага – источника турбулентности часто намеренно конструируется в дискурсе для обоснования последующей внешнеполитической экспансии США. Такая «политика страха» использовалась Соединенными Штатами против СССР во время «холодной войны», в недавнем прошлом она применялись против Ирака, а в будущем при обострении отношений США с Россией, Китаем или другими странами, она может быть использована против них[401].

Противоположные политические силы в своих дискурсах связывают возрастание хаоса как раз с внешнеполитической экспансией Соединенных Штатов. Преодоление же турбулентности связывается с активизацией антиамериканских сил. Так, в российских экспертных дискурсах турбулентности часто встречается мнение, что «изменить существующее положение вещей может

[399] Кандидат в президенты США: Такого хаоса ещё не было (Электронный ресурс) // RT на русском. – 18.04.2015. URL: http://russian.rt.com/article/86430 (дата обращения: 12.03.2016)
[400] Внешняя политика: вопросы теории и практики: материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: КДУ, 2009. – 232 с.
[401] Lucas S. Mobilizing Fear: U.S. Politics Before and After 9-11.

лишь укрепление позиций России и ее авторитета в международных отношениях»[402].

3) Наконец, субдискурс глобальных угроз может стать инструментом обоснования политики надзора за гражданами и ограничения некоторых прав и свобод. Наиболее известное проявление этой стратегии – принятие законов о массовой слежке за гражданами в США как ответ на опасности международного терроризма. Под прикрытием «Патриотического акта» ФБР выпускало сотни тысяч писем с требованием раскрытия конфиденциальной информации в отношении лиц, многие из которых не имели никакой связи с терроризмом[403]. Подобные злоупотребления происходят и в других странах. В Турции антитеррористические законы позволяют отправлять оппозиционных журналистов и активистов в тюрьму, в том числе на пожизненное заключение[404]. Во Франции чрезвычайные законы, выпущенные после парижских терактов 13 ноября 2015 г., дали возможность посадить под домашний арест экологических активистов[405].

В дискурсах же, где основным источником турбулентности признаются Соединенные Штаты Америки и другие страны Запада, стратегия надзора может заключаться в обосновании принудительной «деамериканизации» различных сфер жизни. Многие ученые, философы, публицисты и политические деятели отстаивают идею о всеобъемлющем кризисе Запада – экономическом, политическом, культурном, ценностном, духовном, демографическом и т.д. Запад объявляется виновным в формировании модели «общества потребления», которое привело к ускорению истощения невосполнимых природных ресурсов и которое формирует неправильные установки для населения. Наиболее радикальные

---

[402] Пономарева Е.Г. В тисках турбулентности [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. Электронное издание. – 20.01.2012. URL: http://www.fondsk.ru/pview/2012/01/20/v-tiskah-turbulentnosti-12328.html (дата обращения: 16.04.2016). Истоки подобной точки зрения также можно искать в характерном для русских мыслителей представлении об особой роли России в преодолении общемирового кризиса. См. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. С. 429

[403] Top ten abuses of power since 9/11 [Electronic resource] // American Civil Liberties Union. URL: https://www.aclu.org/top-ten-abuses-power-911 (accessed 03.04.2016)

[404] Turkey [Electronic resource] // Freedom House. – 2015. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2015/turkey (accessed 09.04.2016)

[405] Ahead of climate summit, French use emergency laws to put activists under house arrest [Electronic resource] // Reuters. – November 28, 2015. URL: http://www.reuters.com/article/us-climatechange-summit-france-activists-idUSKBN0TH0DW20151128 (accessed 20.04.2016)

авторы предлагают в таких условиях разорвать всякие связи России с миром Запада.

Стратегии субдискурса «глобальных угроз» конструируют искаженную карту опасностей, ограничивая круг источников турбулентности небольшой группой акторов, которые, как правило, демонизируются и объявляются прямой угрозой обществу, сообществу стран, а также сохранности миропорядка.

Дискурс турбулентности выполняет различные функции в мировой политике. С одной стороны, он обращает внимание на основные проблемы и кризисы современности, помогает понять эволюцию мировой политики, рисует образ политического будущего мира и объясняет роль хаоса и управления в крупных социальных системах. С другой же стороны, он может вводить в заблуждение и преувеличивать опасности, использоваться как риторический инструмент, легитимируя или делегитимируя какие-то действия, использоваться для закрепления идеологического доминирования.

Существование нескольких пониманий и субдискурсов турбулентности отражает комплексность и многоаспектность явления турбулентности, а также неоднозначность его последствий для мировой политики. Но каждый из субдискурсов предполагает собственные дискурсивные стратегии. Стратегическое использование дискурса турбулентности во многом объясняет наличие противоречий среди политиков и экспертов в понимании угроз и самого феномена турбулентности в мировой политике.

Важность дискурсивного аспекта турбулентности подчеркивает наличие скептического дискурса, который хоть и менее влиятелен, но часто поддерживается авторитетными фигурами. Они, обращая внимание на сконструированность дискурса турбулентности, призывают к более взвешенному восприятию мировых трендов. Тем не менее, скептический дискурс также может быть использован стратегически, когда возникает необходимость доказать, что сегодня в мировой политике не происходит ничего необычного.

Другая попытка бросить вызов доминирующему представлению о деструктивной турбулентности – либеральный взгляд на турбулентность как позитивную и развивающую силу. Позитивные дискурсы верно обращают внимание на открывающиеся возможности для акторов, однако порой склонны недооценивать деструктивный потенциал турбулентности, а также переоценивать способность человечества легко и быстро перестроиться на «новую парадигму» восприятия хаоса и кризисов. Также стоит подчеркнуть, что данная адаптация к «новым временам» возможна для отдельного человека, но весьма ограниченно возможна для такого института как государство, которое по своей природе консервативно и не склонно к риску, так как несет ответственность за подчиненное ему население.

3. Турбулентность в современной мирополитической практике

3.1. Управление турбулентностью в современной мировой политике

Отмеченная нами ранее амбивалентность современных турбулентных процессов проявляется, в частности, в том, что, несмотря на присущую им хаотичность и непредсказуемость, им вовсе не чужда управляемость. Как предполагает И.А. Чихарев, современная мирополитическая динамика развивается скорее по законам «организованного» или «управляемого» хаоса[406]. Политические силы вовсе не пассивно принимают удары турбулентной политической динамики. Они прилагают усилия к осознанию и обузданию этих процессов. Однако делается это сегодня «не "в интересах всего человечества", а в рамках стратегий субъектов, которые наилучшим образом приспособились к этим обстоятельствам и способны сами генерировать драйверы мировой политической динамики»[407]. Сильнейшие государственные и негосударственные участники мировой политики сегодня имеют возможность серьезно влиять на протекание политической турбулентности.

Сама стратегия управления нестабильностью не является чем-то принципиально новым для политического мира. В истории человечества часто использовались технологии, которые целенаправленно создавали хаос для тех или иных целей. К таким технологиям можно отнести «революции, партизанские операции, интриги по-макиавеллиевски или в духе китайских стратагем»[408]. Но современные условия глобализации, турбулентности и взаимозависимости создают новые, более широкие возможности применения таких стратегий. Эти стратегии важно изучать, так как сегодня внешние направленные воздействия на

---

[406] Чихарев И.А. Мировая политическая динамика: Концептуальные основания и движущие силы. С. 12

[407] Там же.

[408] Агеев А.И. Нюансы турбулентности. URL: http://www.maib.ru/bookspublication/pis/pis2009-1/slovo/ (дата обращения: 05.03.2016)

турбулентность способны сильно изменять ее интенсивность, направленность и т.д.

Суть стратегий управления турбулентностью заключается в создании актором мировой политики драйверов турбулентности и/или воздействии на ее протекание в собственных целях. Воздействие на турбулентность может осуществляться с целью активизации существующей динамики или ее перенаправления. Акторы сегодня активно эксплуатируют существующие трансформационные динамики, а также прилагают усилия по конструированию этих динамик. Это не означает, что любая турбулентность является управляемой, но подразумевает, что там, где возникает турбулентность, велик шанс того, что она будет использована (или уже используется) в чьих-то целях.

Управление турбулентностью частично основываются на методиках управления хаосом. Обобщенный алгоритм стратегического воздействия «управляющего» в условиях нестабильности и неопределенности включает в себя по крайней мере три этапа:

1) система подводится к неравновесному состоянию;

2) вводится аттрактор хаоса, который приводит систему к обвалу;

3) вводится новый аттрактор, который в зависимости от стратегических целей может быть либо очередным аттрактором хаоса, либо аттрактором порядка, который структурирует ввергнутую в хаотическое состояние систему в нужном направлении.

Все эти шаги осуществляются при помощи слабых «точечных» воздействий[409]. Как показывает М.И. Чеснавская, в основе успешного управления турбулентностью и хаосом лежит не «интенсивность административного воздействия, а пространственно-временная "точность" попадания и адекватность прилагаемого сознательного усилия»[410]. Чтобы быть действенным, аттрактор должен быть эффективным именно в системе координат данного сообщества,

[409] Бялый Ю. Управляемый хаос. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 09.01.2016)

[410] Чеснавская М.Н. Нелинейные подходы к мировой политике. URL: http://goo.gl/lrg4uE (дата обращения: 10.03.2016)

быть «эффективным и/или эффектным», авторитетом/лидером в данном контексте[411].

Несмотря на то, что управление турбулентностью часто подразумевает использование этого алгоритма, оно не синонимично управлению хаосом. Управление турбулентностью означает скорее полный или частичный контроль над нестабильной динамикой, растянутой во времени, чем просто контроль над возникшей в том или ином контексте ситуацией беспорядка и хаоса.

Исходя из нашего представления, выделим три стратегии управления турбулентностью: *инициация турбулентности, разжигание турбулентности и перенаправление турбулентности*.

В целом, интересам акторов может удовлетворять простое *потворствование турбулентности*, то есть не препятствование ей, однако в данном случае сложно провести границу между ведением стратегии и пассивным состоянием. Также актор может существенно повлиять на протекание турбулентности ненамеренно. В таком случае он является субъектом распространения турбулентности, однако такое участие нельзя назвать стратегией. Вообще, во многих случаях намеренность управления турбулентностью является неочевидной. Однако с нашей точки зрения крупнейшие и влиятельнейшие акторы мировой политики придерживаются парадигмы, в соответствии с которой турбулентность, хаос и кризисы можно и нужно контролировать. Потенциально акторам доступна стратегия *тушения турбулентности*, но, по нашему мнению, международное сообщество пока не выработало эффективных механизмов гашения турбулентных динамик. В то же время акторы обладают механизмами защиты от турбулентности[412].

Рассмотрим выделенные нами стратегии управления турбулентностью.

1) *Стратегия инициации турбулентности* заключается в прямом конструировании актором нового источника турбулентности. Актор может не быть напрямую ответственным за физическое появление объектов мировой

[411] Неклесса А.И. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации. С. 128
[412] Более подробно эта тема раскрывается в следующем параграфе.

политики, делающих динамику развития турбулентной, однако именно он играет решающую роль в распространении и «сгущении» турбулентности.

Одним из примеров инициации турбулентности актором является переход к жесткому унилатералистскому внешнеполитическому курсу во время президентства Дж. Буша-младшего в США. Действия США по «смене режимов», не легитимированные ни в каком виде, выступали, на первый взгляд как разрушительные и безответственные, но на самом деле содержали в себе намерение инициировать турбулентную перестройку миропорядка, в котором отныне право государства на суверенитет будет определяться не международным правом, а соображениями морали, гуманности, а также требованием бороться против международного терроризма (критерии всего перечисленного определялись, фактически, Соединенными Штатами). Прикрытием данной стратегии управления турбулентностью часто становится разобранная нами дискурсивная стратегия обоснования агрессивного курса.

Одним из идеологов нового курса был американский неоконсервативный аналитик М. Ледин, который так сформулировал кредо Соединенных Штатов в мировой политике: «Творческое разрушение – наше второе имя, как внутри страны, так и за пределами. Мы разрушаем старые порядки каждый день… Наши враги всегда ненавидели этот вихрь энергии и креативности, который угрожает их традициям… [Мы] должны уничтожить их, чтобы обеспечить успех нашей исторической миссии»[413]. Ледин оправдывал «упреждающий удар» Соединенных Штатов по Ираку и выступал за жесткие методы демократизации на Северной Африке и Ближнем Востоке, которые он рассматривал как ядро «фашистского» исламского мира, из которого исходит угроза демократическому сообществу стран. Ледин ради благой цели предлагал использовать против противника «его же методы», т.е. жесткие и агрессивные действия, не совместимые с правами человека и прочими западными ценностями[414].

---

[413] Ledeen M.A. The War Against the Terror Masters: why it happened, where we are now, how we'll win. – New York: St. Martin's Press, 2002. – 312 p.

[414] Манойло А.В. Революция на Ближнем Востоке и в Северной Африке: политический прагматизм и технологии управляемого хаоса. URL: http://mir-politika.ru/170-revolyuciya-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-politicheskiy-pragmatizm-i-tehnologii-upravlyaemogo-haosa.html (дата обращения: 04.04.2016)

Хаос международных норм и реальный хаос в «неблагонадежных государствах» выступали следствием фактического принятия истеблишментом США концепции нелинейных процессов, в рамках которой стабильность больше не рассматривалась как безусловное благо, а хаос – как безусловное зло[415]. Стратегия была реализована в рамках военных операций США в Ираке и Афганистане.

В качестве второго примера инициации турбулентности можно назвать политику Соединенных Штатов по поддержке различных повстанческих/террористических групп. Исследователи замечают, что исламский терроризм, от которого США пострадали во время терактов 11 сентября 2001 г., был во многом результатом того, что в эпоху холодной войны США активно поддерживали в том числе религиозных террористов для противостояния Советскому Союзу в исламских странах. Соединенные Штаты создали целый ряд таких «големов», которые впоследствии «вышли из повиновения и напали на хозяина»[416]. Так, Центральное разведывательное управление США обвиняют в поддержке боевиков в Афганистане в 1980-х гг., многие из которых позже вошли в состав Аль-Каиды[417]. Похожая ситуация складывается в Сирии, где Соединенные Штаты вместе с Великобританией, Саудовской Аравией и Катаром открыто поддерживают повстанцев Свободной сирийской армии, поставляя им оружие. Однако появлялись свидетельства того, что оружие, предназначавшееся для «умеренной оппозиции», попадает террористическим и исламистским группировкам, включая Фронт ан-Нусра и Исламское государство[418].

Как видно из этих примеров, управляемая турбулентность, создаваемая в локальных масштабах, служила геополитическим целям крупных западных держав, однако впоследствии начинала расширяться и становиться все менее управляемой. Создание и усиление крупнейших международных

---

[415] O'Kane R. Co-opting Chaos: The Role of Complexity Discourse in the War on Terror. P. 9. URL: https://fortyninthparalleljournal.files.wordpress.com/2014/07/7-okane-coopting-chaos.pdf (accessed 12.03.2016)
[416] Батчиков С.А. Глобализация - управляемый хаос. С. 32
[417] Burke J. Frankenstein the CIA created [Electronic resource] // The Guardian. – 17 January 1999. URL: https://www.theguardian.com/world/1999/jan/17/yemen.islam (accessed 23.04.2016)
[418] Hersh S.M. Military to Military // London Review of Books. – Vol. 38. – No. 1. – 7 January 2016. P. 11-14.

террористических группировок мира – Аль-Каиды и Исламского государства – происходили не без участия со стороны США и их союзников. Но иногда Соединенным Штатам даже вменяют сознательное распространение и поддержку радикального суннитского исламизма, терроризма и других антисистемных сил с целью дестабилизировать Ближний Восток[419]. В частности, в арабском мире распространена теория о том, что за существованием, распространением и действиями Исламского государства стоят Соединенные Штаты. Официальные лица США отвергают такие мнения как выдумку[420].

2) Стратегия *разжигания турбулентности* заключается в таком воздействии на существующие динамики, которое повышает нестабильность ситуации, либо доводит ее до состояния слома/коллапса. В данном случае актор лишь использует уже существующую благоприятную для него ситуацию бурных изменений, подталкивая ее в том направлении, в котором она развивается.

Часто поддержка Соединенными Штатами и другими западными странами идей и практик либеральной демократии и рыночной экономики рассматривается как попытка «накалить» уже существующую «естественную» турбулентность в виде распространения западных ценностей и последующего столкновения универсалистской и партикуляристской идеологий до состояния хаотического, часто агрессивного и деструктивного воспроизводства «вируса» либерально-демократических ценностей в незападных странах. Вытеснение идеологий и традиций, замена ценностных ориентиров создают ситуацию хаоса, в которой образуется аттрактор для нового, нужного внешним игрокам порядка[421]. Именно в таких терминах размышлял наиболее известный теоретик управления хаосом в мировой политике С. Манн[422]. По его мнению, если государство, даже такое мощное как США, не может усмирить внутренне присущую международной

---

[419] Бялый Ю. Управляемый хаос. Часть 2. URL: http://gazeta.eot.su/article/upravlyaemyy-haos-chast-ii (дата обращения: 13.01.2016)

[420] The US, IS and the conspiracy theory sweeping Lebanon [Electronic resource] // BBC. – 12 August 2014. URL: http://www.bbc.com/news/world-middle-east-28745990 (accessed 29.04.2016)

[421] Федотова В. Управляемый хаос. С. 7. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 01.02.2016)

[422] Манойло А.В. Революция на Ближнем Востоке и в Северной Африке: политический прагматизм и технологии управляемого хаоса. URL: http://mir-politika.ru/170-revolyuciya-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-politicheskiy-pragmatizm-i-tehnologii-upravlyaemogo-haosa.html (дата обращения: 04.04.2016)

системе турбулентность, то оно должно использовать ее, а также ее атрибуты, такие как «вирусы», для влияния на мир: «США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека. С сильными американскими обязательствами, расширенными преимуществами в коммуникациях и увеличивающимися возможностями глобального перемещения, вирус будет самовоспроизводиться и распространяться хаотическим путем. Поэтому наша национальная безопасность будет иметь наилучшие гарантии, если мы посвятим наши усилия борьбе за умы стран и культур, отличающихся от нашей»[423]. Манн считал, что Соединенные Штаты «должны быть открыты перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, если это соответствует нашим национальным интересам. В действительности, сознаем мы это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем в новых странах демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор»[424].

Так как стратегия разжигания турбулентности по сравнению с другими требует гораздо меньше усилий со стороны акторов, ее проводниками может стать значительный круг действующих лиц. Регион Ближнего Востока сегодня становится местом пересечения разнородных турбулентных потоков, что приводит к дестабилизации региона. Такая ситуация может интерпретироваться как выгодная для самых различных акторов, и поэтому стоит ожидать того, что они так или иначе будут способствовать поддержанию и углублению существующего хаоса. Так, командующий Европейским командованием вооружённых сил США Филип Бридлав обвинял Россию в том, что она использует бомбардировки в Сирии для того, чтобы способствовать еще

---

[423] Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml (дата обращения: 03.11.2015)

[424] Цит. по Бялый Ю. Управляемый хаос. Часть 2. URL: http://gazeta.eot.su/article/upravlyaemyy-haos-chast-ii (дата обращения: 11.01.2016)

большему наводнению Европы беженцами, тем самым создавая в Евросоюзе ситуацию хаоса[425].

Множество примеров разжигания турбулентности можно найти в мировой экономике. Особенно это характерно для современной «спекулятивной» экономики финансов, «извлекающей прибыль из неравновесности мировой среды, но в ней же обретающей особую, турбулентную устойчивость»[426]. Сама кризисность, характерная для современного экономического развития, благодаря новейшим инструментам управления может становиться парадоксальным источником дохода и развития. Такие инструменты включают в себя экономику управления рисками, новые системы страхования, хеджирование, опционы, фьючерсы, изощренные схемы финансовых спекуляций, финансовую математику и даже стратегии прямого конструирования экономической турбулентности в виде, например, подрыва «пузыря» финансов[427]. Один из сценариев развития мировой экономики основывается на повсеместном распространении именно такой динамической системы управления экономическими процессами вместо традиционных статических схем[428].

В области мировой экономики акторы имеют возможность усугубить неустойчивость в том или ином секторе, породив обрушение, кризис, экономический хаос и т.п. с целью извлечения прибыли или завоевания геополитических и геоэкономических позиций. Особенность современной мировой экономики в том, что влиятельными акторами здесь могут являться не только крупные страны, банки и корпорации, но отдельные финансисты, спекулянты, трейдеры и инвесторы[429].

Самым известным примером такого актора-индивида является Джордж Сорос. Экономист и лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман

---

[425] Higgins A. E.U. Suspects Russian Agenda in Migrants' Shifting Arctic Route [Electronic resource] // The New York Times. – 2 April, 2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/04/03/world/europe/for-migrants-into-europe-a-road-less-traveled.html (accessed 20.04.2016)

[426] Неклесса А. И. Ordo quadro - четвертый порядок: пришествие постсовременного мира. С. 14

[427] Неклесса А.И. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство.

[428] Там же

[429] Данный факт согласуется с представлениями теоретиков управляемого хаоса о том, что хаотические процессы могут быть запущены даже незначительными воздействиями.

даже ввел термин «соросы» для обозначения спекулянтов, которые запускают экономические кризисы ради обогащения и развлечения. Дж. Сорос известен своей атакой на фунт стерлингов 16 сентября 1992 г. (т.н. «черная среда»), в результате которой британское правительство потеряло 3,3 млрд. фунтов, а фонд Сороса «Квантум» заработал более миллиарда долларов. Не стоит, однако, преувеличивать роль отдельного спекулянта в этом кризисе, ведь Сорос был далеко не единственным, кто спекулировал против фунта[430]. Другим примером является Джон Полсон, американский финансист, заработавший 15 миллиардов долларов на ипотечном кризисе в США в 2007 г., который впоследствии перерос в мировой экономический кризис. Он воспользовался неравновесной ситуацией на американском ипотечном рынке и, сделав ставку на падение цен, способствовал его обрушению[431]. Финансовых спекулянтов обвиняют в организации кризисов в Мексике (1994 г.), в Азии (1997-1998 гг.), Аргентине (1998-2002 гг.). Сообщается, что в результате них количество миллиардеров в этих странах резко увеличилось[432].

3) Стратегия *корректировки турбулентности* очень похожа на стратегию разжигания турбулентности, только в данном случае воздействие на сложившуюся турбулентную конъюнктуру осуществляется с целью изменить направления изменений, либо, в случае если это направление не было четко выраженным, придать изменениям четкое направление.

Один из характерных примеров стратегии «корректировки турбулентности» - проведение управляемых протестов и революций («цветных революций»). Современные народные выступления часто рассматриваются как проявление турбулентного мира, предоставившего людям мощные инструменты влияния на правительство. Но наличие объективных причин активизации протестов и революций не должно вводить в заблуждение: эти процессы подвержены корректирующему воздействию со стороны крупнейших акторов (прежде всего,

---

[430] Байер А. Джордж Сорос и Черная среда [Электронный ресурс] // Сноб.ru. – 16.09.11. URL: https://snob.ru/selected/entry/40816 (дата обращения: 04.05.2016)

[431] Там же

[432] Батчиков С.А. Путин и хаос глобализации [Электронный ресурс] // Изборский клуб – Институт динамического консерватизма. URL: http://izborsk-club.ru/content/articles/2803/ (дата обращения: 28.04.2016)

Соединенных Штатов), которые преследуют в данных стратегиях свои геополитические и геоэкономические интересы.

Самой «цветной революции» предшествует подготовительный этап, во время которого осуществляется такая деятельность как подготовка оппозиционных политиков, создание сети НПО, что делается «не только для раскачки общественного мнения, но и для трансфера денег из зарубежных фондов», информационные акции по делегитимации правящего режима, обучение активистов тактикам поведения во время протестных акций и, наконец, подготовка события-триггера, призванного вывести «цветную революцию» в активную фазу[433].

Основными каналами передачи средств для финансирования «цветных революций» называются такие структуры как Госдепартамент США, Министерство обороны США, Агентство США по международному развитию, Национальный фонд демократии, «Фридом Хаус», Международный совет по исследованиям и обменам, Национальный демократический институт по международным вопросам, Фонд Форда, Фонд Макартуров, Корпус мира и др.[434]

Объектами управляемых беспорядков, по мнению исследователей, в свое время становились СССР, восточноевропейские социалистические страны, Югославия, страны СНГ, Китай и др. страны[435]. Стремительный распад крупных социально-политических организмов, к которым иногда приводили беспорядки, как утверждается, не мог произойти естественно[436]. Разберем подробней некоторые примеры событий, часто рассматривающихся как «цветные революции».

Одним из первых и характерных примеров «цветной революции» является свержение С. Милошевича в Союзной Республике Югославии в 2000 г. Уже здесь

---

[433] Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса. С. 48-49

[434] Там же. С. 47; Андреева О.С. Неправительственные организации (НПО) как институт развития и переустройства мира. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nepravitelstvennye-organizatsii-npo-kak-institut-razvitiya-i-pereustroystva-mira (дата обращения: 04.04.2016).

[435] Федотова В. Управляемый хаос. С. 7. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 02.02.2016); Пономарева Е.Г. Балканы как зона турбулентности капитализма. URL: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_03_2008/07.pdf (дата обращения: 02.02.2016); Бялый Ю. Управляемый хаос. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 10.01.2016)

[436] Бялый Ю. Управляемый хаос. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 10.01.2016)

проявилось инструментальное использование американским правительством якобы независимых организаций и фондов. По данным журналистов, Национальный фонд демократии профинансировал создание в Югославии движения «Отпор», а организация «Фридом Хаус» приобрела для активистов книги Дж. Шарпа по ненасильственной борьбе с авторитарными режимами. В 2003 г. директор Агентства США по международному развитию Э. Натсиос заявил, что «люди, получающие помощь по каналам НПО, не знают, что за большинством гуманитарных проектов стоит американское правительство»[437].

Не так однозначно можно интерпретировать события «арабской весны» - государственные перевороты в Тунисе, Египте, Йемене, гражданские войны в Ливии, Сирии и беспорядки в других странах арабского мира.

В пользу гипотезы о том, что «администрация США вовлечена в события непосредственно и, опираясь на содействие информационных кампаний Кремниевой долины, неявно направляет события в выгодном для себя русле», говорит то, что, во-первых, они развивались по одному сценарию и шаблону, которые были схожи с теми, которые применялись в «цветных революциях» ранее. Во-вторых, революции в государствах Северной Африки произошли практически одновременно, что наталкивает на мысль об их скоординированности и наличии внешнего управляющего. В-третьих, в данных революциях наблюдалась некая искусственность, так как объективное состояние государств не создавало революционной ситуации[438]. В пользу этой гипотезы говорят некоторые данные с сайта «Викиликс», которые подтверждают периодические контакты американских дипломатов с оппозиционными персонами в данных странах[439].

---

[437] Цит. по Андреева О.С. Неправительственные организации (НПО) как институт развития и переустройства мира. С. 223. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nepravitelstvennye-organizatsii-npo-kak-institut-razvitiya-i-pereustroystva-mira (дата обращения: 04.04.2016).

[438] Манойло А.В. Революция на Ближнем Востоке и в Северной Африке: политический прагматизм и технологии управляемого хаоса. URL: http://mir-politika.ru/170-revolyuciya-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-politicheskiy-pragmatizm-i-tehnologii-upravlyaemogo-haosa.html (дата обращения: 04.04.2016); Сушенцов А. США и волнения на Арабском Востоке. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-fifth.htm (дата обращения: 03.04.2016)

[439] Сушенцов А. США и волнения на Арабском Востоке. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-fifth.htm (дата обращения: 03.04.2016)

С другой стороны, многие факты указывают на то, что если внешнее управление «арабской весной» и осуществлялось, то в рамках довольно ограниченных и противоречивых стратегий. Рассмотрим пример Египта. Нельзя не согласиться с мнением главного научного сотрудника Института мировой экономики и международных отношений РАН Г.И. Мирского, у которого вызывает сомнение целесообразность свержения полностью лояльного для США президента Египта Х. Мубарака[440]. По справедливому замечанию А.А. Сушенцова, революционные события в Египте продемонстрировали непоследовательность американской дипломатии, которая на ранних порах событий поддержала Мубарака, но уже через несколько дней сменила риторику, начав угрожать Каиру приостановить финансовую помощь. Таким образом, «США стремятся повлиять на ситуацию в выгодном для себя направлении, но до конца не уверены в том, каково оно»[441].

Часто в протестах 2011-2013 гг. в России также видится попытка США организовать «цветную революцию». Несмотря на наличие объективных причин недовольства, события в России развивались по сценарию и шаблону недавних революций в других странах. США заинтересованы в дестабилизации ситуации в России, и признаки этого видятся в финансировании США программ, «обучающих демократии», а также поддержке посольством и лично послом США в 2012-2014 гг. М. Макфолом лидеров протестного движения[442].

Существуют свидетельства того, что протесты во время Евромайдана на Украине в конце 2013 – начале 2014 гг. также происходили не без внешнего влияния со стороны США. 13 декабря 2013 года В. Нуланд, бывший официальный представитель Госдепа США, заявила, что всего на построение демократии на Украине и связанные цели с момента обретения независимости этой страны было выделено 5 млрд. долл. США, а также то, что США призывали украинских

---

[440] Мирский Г. Арабский мир: надоело, не верим, не боимся. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/012.htm (дата обращения: 09.04.2016)

[441] Сушенцов А. США и волнения на Арабском Востоке. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-fifth.htm (дата обращения: 03.04.2016)

[442] Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций».

властей прислушаться к голосу Евромайдана. Позже президент США Б. Обама заявил, что США «выступили посредником в переходе власти на Украине»[443].

Интересные данные дает анализ трендов изменения объема финансирования организациями и фондами США программ НПО на Украине. Так, в 2000-х гг. объем финансирования программ составлял в среднем 150 млн. долл. США в год. После избрания «пророссийского» В.Ф. Януковича на пост президента Украины в 2010 г. помощь увеличилась до 337 млн. долл. и в последующие годы оставался примерно на том же уровне (см. Рисунок 5). Эти данные могут свидетельствовать о проводившейся подготовке страны к дестабилизации.

Если насчет участия США в организации революций и переворотов последних лет у исследователей и политиков есть сомнения, то мало кто отрицает само существование стратегии материальной поддержки оппозиции с целью дестабилизации ситуации в геополитическом арсенале США. К примеру, бывший посол США в России М. Макфол признает, что США приложили руку к свержению С. Милошевича с поста президента Югославии в 2000 г., к свержению М. Мосаддыка в Иране в 1953 г., а также к борьбе «контрас» с Сандинистским фронтом национального освобождения в Никарагуа в 1980-е гг.[444]

Важно отметить, что «цветная революция» не может появиться на пустом месте. Методика контролируемых протестов и революций может не сработать «без внутреннего недовольства властью, без депривации населения, его игнорирования»[445].

Некоторые стратегии управления турбулентностью, безусловно, могут сочетаться. Более того, иногда не так просто провести границу между ними, поэтому представленное деление является исключительно аналитическим.

---

[443] Интервью президента Обамы ведущему телеканала CNN Фариду Закария [Электронный ресурс] // Посольство Соединенных Штатов в России. Сайт. – 1 февраля 2015 г. URL: http://russian.moscow.usembassy.gov/obama-cnn.html (дата обращения: 16.04.2016)

[444] Ремник Д. Наблюдая за затмением: Майкл Макфол находился в России, когда там появились перспективы демократии.... и когда эти перспективы начали тускнеть [Электронный ресурс] // Inopressa: Иностранная пресса о событиях в России и в мире. – 5 августа 2014 г. URL: http://www.inopressa.ru/article/05aug2014/newyorker/mcfaul (дата обращения: 05.04.2016)

[445] Федотова В. Управляемый хаос. С. 9. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 02.02.2016)

Основным субъектом стратегий управления турбулентностью являются Соединенные Штаты Америки как единственная сверхдержава в современном мире. Концепция управления нестабильными состояниями и динамиками не является официально оформленной в документах этой страны, «это, скорее всего, некий собирательный образ, вобравший в себя реально существующие принципы, которыми США руководствуются в своей внешней политике»[446]. США, как представляется, используют стратегии управления турбулентностью с целью «превентивного ослабления и разрушения… своих потенциальных глобальных конкурентов. Прежде всего, Китая, единой Европы и России»[447].

По мнению некоторых исследователей, есть основания сомневаться в заинтересованности Соединенных Штатов в «заигрывании» с турбулентными динамиками, так как, претендуя на лидерство в современной международной системе, США, как говорил Дж. Най, «bound to lead», то есть, вынуждены быть лидером и, таким образом, всеми силами противостоять распространению нестабильности. Отчасти с этим можно согласиться. Управление турбулентностью является механизмом, применение которого ограничено и останется таковым[448]. Но обращение США к управлению турбулентностью можно объяснить желанием сохранить первенство в условиях, когда силовая гегемония уже невозможна, а управление на основе справедливого «римского» закона недостижимо. Именно поэтому Соединенные Штаты прибегают к менее затратной стратегии разрушения порядка с целью ослабить потенциальных «челленджеров»[449].

Как уже было показано, субъектами стратегии управления турбулентностью может быть не только сверхдержава в лице США, а также их союзники. В ограниченном виде стратегии используют другие великие и региональные державы. Кроме того, инструментарием для влияния на турбулентность сегодня

---

[446] Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса. С. 41

[447] Бялый Ю. Управляемый хаос. Часть 2. URL: http://gazeta.eot.su/article/upravlyaemyy-haos-chast-ii (дата обращения: 11.01.2016)

[448] Федотова В. Управляемый хаос. С. 8. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 02.02.2016)

[449] Бялый Ю. Управляемый хаос. Часть 2. URL: http://gazeta.eot.su/article/upravlyaemyy-haos-chast-ii (дата обращения: 11.01.2016)

обладают даже негосударственные акторы в виде крупных корпораций, частных военных компаний, эпистемических сообществ, неправительственных и некоммерческих организаций и объединений и даже отдельных личностей, к примеру, финансовых спекулянтов[450].

Турбулентность, таким образом, нельзя назвать негативным явлением для всех акторов и в любых обстоятельствах. Нестабильность и динамичность мировой политики, при условии сохранения контроля над ними, открывают возможности для акторов (хоть и не всех) по достижению политических целей. Этот факт является гарантией того, что попытки «приручить» турбулентностью будут предприниматься и в будущем. Это также может выступить препятствием для попыток реформирования и углубления системы глобального управления.

В современном глобализированном и взаимозависимом мире стратегии управления бурными динамиками уже не могут восприниматься как относительно безобидные. В связи с высоким риском и малой предсказуемостью стратегий, любое, даже локальное ее применение может иметь крайне деструктивные последствия для всего мирового сообщества[451]. Сегодня все чаще критикуется сама философская позиция, в соответствии с которой хаос является естественным и неопасным состоянием, склонным самоструктурироваться в порядок. Подобные рассуждения, как подчеркивается, легитимируют бездействие международного сообщества при столкновении с турбулентными явлениями.

Многие стратегии западных стран по формированию «позитивной турбулентности» и «созидательного хаоса» ко второму десятилетию XXI в. были широко признаны неэффективными, а иногда и просто разрушительным. Существенную роль здесь сыграло развитие событий в Ираке. Спустя двенадцать лет после вторжения США и их союзников в Ирак бывший премьер-министр Великобритании Т. Блэр извинился за ошибки, допущенные из-за недооценки последствий операции, а также признал влияние вторжения на современное

[450] Бялый Ю. Управляемый хаос. URL: https://goo.gl/f81pkU (дата обращения: 09.01.2016)
[451] Федотова В. Управляемый хаос. С. 9. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf (дата обращения: 02.02.2016)

укрепление позиций «Исламского государства»[452]. Другой лидер западного мира, Б. Обама, также признал свои ошибки. Подводя итоги своего президентства, Обама назвал своей самой большой ошибкой недооценку возможных последствий интервенции в Ливию в 2011 г.[453] Противоречивыми были и результаты «арабской весны». Если вначале антирежимные выступления на Северной Африке и Ближнем Востоке пользовались поддержкой стран Запада как «демократические революции», в дальнейшем доминирующую роль в них стали играть исламистские силы, которые, в отличие от свергнутых светских режимов, не искали добрых отношений с США и напротив, проявляли агрессивность, например, против американских посольств[454]. Концепции смены режимов и управляемого хаоса, таким образом, показали свою несостоятельность[455]. Стремление провести турбулентную демократизацию исламского мира обернулось лишь его радикализацией. Представления о позитивной стороне хаоса, пропагандируемые сторонниками нелинейных подходов, были подвергнуты пересмотру в смысле признания существенного риска возникновения неуправляемой хаотизации в той или иной сфере международных отношений.

3.2. Стратегии ответа акторов на мирополитическую турбулентность

Турбулентность в мировой политике так или иначе затрагивает все государства, сообщества и других акторов. Но все же каждый из них выбирает собственную линию поведения в отношении стремительных и

---

[452] Тони Блэр связал появление ИГ со вторжением США и союзников в Ирак [Электронный ресурс] // Лента.Ру. – 25 октября 2015. URL: http://lenta.ru/news/2015/10/25/blair (дата обращения: 11.11.2015)

[453] Обама назвал интервенцию в Ливии своей худшей ошибкой [Электронный ресурс] // Газета.ru. – 10.04.2016. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2016/04/10/n_8486765.shtml (дата обращения: 15.04.2016)

[454] Путин: "цветные революции" привели к тому, что джин вырвался из бутылки [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство. – 24 октября 2014. URL: http://tass.ru/politika/1530626 (дата обращения: 20.03.2016)

[455] Темников Д.М. Синергетический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий. URL: http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm (дата обращения: 23.04.2016); Путин: "цветные революции" привели к тому, что джин вырвался из бутылки. URL: http://tass.ru/politika/1530626 (дата обращения: 20.03.2016)

малопредсказуемых событий, которая зависит от стиля поведения акторов, особенностей лиц, принимающих решения, доминирующих идейных установок и т.п. Исследователи чаще всего выделяют две различные стратегии действий акторов в условиях турбулентности: охранительная стратегия и адаптивная стратегия. Первая из них предполагает ужесточение контроля над событиями с целью упрощения ситуации, а вторая – «смену языка и прописей управления на те, которые позволяют соотноситься на равных с усложнением ситуации, используя потенциал кризиса как ресурс повышения адаптивности системы»[456]. Представляется необходимым дополнить данную классификацию третьей стратегией ответа на турбулентность – стратегией коллективного управления. Разберем эти стратегии поподробней.

1) *Охранительная, консервативная реакция на турбулентность* соответствует субдискурсам «турбулентных времен» и глобальных угроз. Первый из них постулирует наступление мира «заниженных требований» в связи с ограниченной способностью международного сообщества решить весь комплекс проблем. Тем самым он предлагает переориентировать общественные стратегии с ценностей развития, прогресса и достижения лучшего на ценности выживания, безопасности и избегания худшего[457]. Второй субдискурс, инициированный учеными, изначально был направлен на объединение человечества перед лицом кризиса цивилизации и общих глобальных проблем. Популяризация дискурса, однако, во многом привела к противоположным результатам, так как в мире, полном угроз и хаоса, которые устранить сегодня не представляется реалистичным, каждый субъект должен заботиться лишь о собственных интересах.

В этом заключается одна из важнейших особенностей охранительной реакции на турбулентность. Любой крупный кризис формирует атмосферу чрезвычайности, в которой кажутся извинительными эгоистические, резкие

[456] Неклесса А. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации. С. 133

[457] Нысанбаев А.Н., Дунаев В.Ю. Мировоззренческие основания и общенаучные парадигмы социально-политического риск-менеджмента. С. 153; Матвеева К.А. Особенности социологического изучения рисков [Электронный ресурс] // Вестник Удмуртского университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 131-137. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsiologicheskogo-izucheniya-riskov (дата обращения: 20.04.2016)

действия, идущие вразрез с общими интересами международного сообщества[458]. Турбулентность создает ситуацию перманентного кризиса, в которой государства могут полагаться только на себя. Так, в декабре 2014 г. глава МИД Италии П. Джентилони заявил, что нестабильность и неоднородность постбиполярного мира обуславливает переход к более прагматичному, ориентированному на национальные интересы внешнеполитическому курсу[459].

Прагматичность курса означает также возрастание внимания к экономическим проблемам в ущерб остальным. Сегодня все чаще говорится о «замене» геополитики геоэкономикой[460]. А.И. Костин указывает, что «геополитические интересы все чаще отождествляются с планами по спасению национальных экономик. Преимущество актуальности экономических вопросов над политическими будет особенно заметно по мере углубления мировой рецессии. Внешняя политика, договоры, коалиции станут более практичными, направленными во многом на решение экономических задач. Приоритетные сферы: энергетика, маршруты поставок природных ресурсов, протекционистские действия. Реализация долгосрочных и неосязаемых проектов будет перенесена на будущее»[461]. Эксперты уже зафиксировали рост протекционистских тенденций по итогам глобального финансово-экономического кризиса[462].

Многие исследователи подчеркивают возросшую конфликтность современного мира. Причем речь идет уже не только о вооруженных конфликтах. Ученые говорят об «информационных войнах», идеологических столкновениях, энергетических конфликтах и т.п. Особенность этих войн заключается в отсутствии четких границ между состоянием войны и мира. Все это делает информационные, культурные и другие «новые» виды войн фактически перманентными и открывает возможности для секьюритизации все новых

---

[458] Современная мировая политика: Прикладной анализ. С. 244

[459] МИД Италии: в отношениях с РФ Рим будет полагаться на свои интересы [Электронный ресурс] // РИА Новости. Сетевое издание. – 02.12.2014. URL: http://ria.ru/world/20141202/1036119519.html (дата обращения: 23.04.2016)

[460] Maull H.W. World Politics in Turbulence. P. 14-15. URL: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_maull.pdf (дата обращения: 10.03.2016)

[461] Костин А.И. Модели глобализации в условиях кризиса цивилизации: сравнительно-политологический анализ. С. 56.

[462] Немова Л. Экономика Канады в условиях глобальной турбулентности. URL: http://www.rusus.ru/?act=read&id=431 (дата обращения: 10.03.2016)

областей жизни общества[463]. Одним из эффектов такой секьюритизации становится сворачивание демократических процедур. Как писал правовед Х. Кельсен, «во время войны демократический принцип должен уступить место строгому диктату: от каждого требуется безоговорочное подчинение лидеру»[464]. Турбулентность, поэтому, либо в виде направленных стратегий геополитических соперников, либо в виде объективных тенденций, приводит к ужесточению политики по поддержанию внутренней стабильности в государствах[465]. Выживание в эпоху турбулентности, кроме того, как считают некоторые эксперты и политики, требует активизации внешней и военной политики, что, безусловно, приведет к сокращению других, менее значимых расходов[466].

Е.Г. Пономарева выделила пять характеристик, которые помогут государству выжить в условиях турбулентности и «пресса глобализации». Оно должно обладать большой территорией и населением (1), развитой промышленностью (2), серьезным военным (3) и цивилизационным (4) потенциалом, а также «иметь сильную национально-ориентированную элиту, способную максимально использовать четыре первых условия в *борьбе за место в миросистеме* (курсив мой. – Д.П.)» (5). По ее мнению, среди незападных стран лишь страны БРИК близки к удовлетворению этим требованиям[467].

Что касается западных стран, то с конца «холодной войны» здесь начинает предлагаться стратегия односторонних действий, легитимируемая теми соображениями, что проблемы глобализации не могут быть решены даже коллективными усилиями, поэтому целесообразным представляется «выплывать в одиночку», «создавая с помощью протекционистских мер и односторонних, часто силовых, решений некие "островки экономической и политической

---

[463] Под секьюритизацией понимается «придание международной или внутренней проблеме статуса "особой", относящейся к высокой категории безопасности, или легитимация применения для ее решения специальных мер, выходящих за границы обычного политического процесса». См. Современная мировая политика: Прикладной анализ. С. 191

[464] Цит. по Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Культурная революция, 2006. С. 31

[465] Яницкий О.Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=508 (дата обращения: 08.03.2016)

[466] Hanson V.D. The New World Disorder. URL: http://www.nationalreview.com/article/386779/new-world-disorder-victor-davis-hanson (accessed 18.03.2016)

[467] Пономарева Е.Г. Балканы как зона турбулентности капитализма. URL: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_03_2008/07.pdf (дата обращения: 02.02.2016)

стабильности"»[468]. Особую опасность западным странам представляют страны «третьего мира», проблемы которых в условиях глобализации рискуют перекинуться в «развитый мир». Р. Каплан в середине 1990-х гг. призывал западные страны в таких условиях уйти из глобальной политики и отказаться от бессмысленных попыток стабилизировать ситуацию в этих странах[469]. Для удержания хаоса за границами западных стран и поддержания стабильности в их пределах могут использоваться военные методы и жесткие политические решения из арсенала полуавторитарных «гибридных» режимов[470]. В.Л. Иноземцев в начале 2000-х гг. озвучивал схожую позицию, предлагая объединиться перед общими угрозами «третьего мира» западным странам и России, которая «активно вовлечена сегодня в объявленную Америкой "войну с терроризмом" и демонстрирует все большую приверженность западным ценностям». По его мысли, в результате такой самоизоляции центра нового мирового порядка «через несколько десятилетий "развивающиеся" страны сами возжелают глобализации, условия которой будут продиктованы им предельно жестко. И только тогда возникнут предпосылки преодоления современного цивилизационного раскола»[471]. Подобную логику поведения западных стран перед угрозами нестабильного и опасного мира прогнозировал Римский Клуб в докладе «Первая глобальная революция» (опубликован в 1991 г.): «Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имеющая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах? Такой сценарий, вытекающий из современных тенденций развития, не предвещает ничего хорошего… Совсем нетрудно представить себе бесчисленное количество голодных и отчаявшихся иммигрантов, высаживающихся из лодок на северном

---

[468] Иванов И. Международная безопасность в эпоху глобализации [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – №1. – 2003 г. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_447 (дата обращения: 04.04.2016)

[469] Kaplan R.D. The Coming Anarchy. URL: http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1994/02/the-coming-anarchy/304670/ (accessed 23.03.2016)

[470] Dalby S. Reading Robert Kaplan's "Coming Anarchy" // The Geopolitics Reader. 2nd Edition. – Ed. by Gearóid Ó Tuathail, Paul Routledge and Simon Dalby. – London: Routledge, 2006. P. 197-203

[471] Иноземцев В.Л. Несколько гипотез о мировом порядке XXI века. Тезисы для обсуждения на заседании Совета по внешней и оборонной политике. URL: http://www.svop.ru/files/meetings/m020713369814821.pdf (дата обращения: 20.01.2016)

побережье Средиземного моря… Приток мигрантов может вызвать резкое усиление “оборонительного” расизма в странах въезда и способствовать установлению в них на волне популизма диктаторских режимов»[472]. Развитие событий миграционного кризиса в Евросоюзе, начавшегося в 2015 г., делает подобный сценарий вполне правдоподобным. Развитию охранительного дискурса способствуют и другие кризисы, к примеру, экономическая стагнация, которая порождает рост популизма.

В качестве ответа на турбулентные угрозы XXI в. в последнее время распространяются практики массового надзора спецслужб. Всплеск прослушивания и электронной слежки наблюдался в США после терактов 11 сентября 2001 г. С целью не допустить повторения терактов на территории США, был принят Патриотический акт, расширяющий полномочия государства по надзору за гражданами. Достоянием общественности данные о массовой слежке Агентства национальной безопасности (АНБ) США за электронными коммуникациями граждан многих стран стали в 2013 г. после разоблачений бывшего сотрудника ЦРУ и АНБ Э. Сноудена. Информационные технологии, таким образом, являются не только драйвером турбулентности, но и механизмом полулегального контроля, практик «паноптикума» и «глобалитаризма».

Другой аспект популяризации дискурса безопасности и защищенности в современных западных обществах связан с распространением того, что социолог Ф. Фуреди называет «культурой плохого обращения» (culture of abuse). Речь идет о смеси «право-авторитарного» и «левого» представлений о человеке как потенциальной жертве какой-либо угрозы современного «общества риска». Такое представление, широко представленное в современных западных странах, способствует виктимизации общества, ограничению индивидуальных свобод, социальному и экономическому параличу как следствию боязни сталкиваться с риском[473]. Террористическая угроза, по его мнению, открыла новую главу в истории западного общества риска, одержимого ценностями защищенности.

---

[472] Цит. по Якунин В. Глобализация и капитализм. С. 18

[473] Furedi F. Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation. P. 103

Дискурс незападных государств также часто выдержан в духе охранительной стратегии. Распространяется, к примеру, представление о России как «осажденной крепости» во враждебном окружении[474]. Турбулентность в виде дефицита ресурсов, как прогнозируется, может заставить западные державы пойти на открытый захват территории России, богатой природными ресурсами. Все это способствует углублению секьюритизации сфер общественной жизни, потере доверия к западным странам и распространению скепсиса к коллективным попыткам бороться с турбулентностью на глобальном уровне.

Одно из достоинств стратегии охранительного ответа на турбулентность состоит в том, что вместе с исключительно защитной реакцией подчас предлагается вполне конструктивная альтернатива турбулентному миру[475]. С другой стороны, оборонительная реакция часто подвергается критике за нечувствительность к проблемам индивидуальных свобод и прав человека. Кроме того, стратегия критикуется за в целом малоэффективную рефлекторную стратегию, не предполагающую «движения вперед».

2) *Адаптивная стратегия* предлагает совершенно иной подход, основанный на приспособлении к турбулентным реалиям и опережающем развитии. Особенно большое внимание этому подходу уделяют в области бизнес-управления. В 2008 г., на волне глобального кризиса, маркетолог Ф. Котлер и эксперт в области бизнес-стратегий Дж. Каслионе предложили подход «CHAOTICS», позволяющий компаниям преуспевать во времена турбулентности[476]. «CHAOTICS»-стратегии позволяют «выявлять предпосылки возникновения турбулентности, предсказывать ситуации, в которых могут обнаружиться как слабые стороны, так и объективные возможности повышения эффективности деятельности компании, а также осуществлять выработку необходимых и целесообразных мер для обеспечения процветания бизнеса в долгосрочной перспективе»[477]. Подобные

---

[474] Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации. С. 33. URL: http://www.politstudies.ru/files/File/2011/3/3.pdf (дата обращения: 04.04.2016)
[475] Неклесса А. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации. С. 133
[476] Каслионе Дж.А. Chaotics: искусство управления в эпоху турбулентности. URL: http://performance.ey.com/wp-content/uploads/downloads/2011/10/Chaotics.pdf (дата обращения: 23.01.2016)
[477] Там же

стратегии поведения в турбулентной среде часто предлагаются и для других субъектов, в том числе государств. Отталкиваясь от субдискурсов «турбулентных времен» и самоорганизации, эта стратегия призывает рассматривать турбулентность как нормальное, а не чрезвычайное состояние. Это подразумевает отказ от бесперспективной оборонительной позиции, стремление приспособиться к новым реалиям и даже находить в них возможности для прорыва.

Адаптация стратегий требует также адаптации мышления лиц, принимающих решения. Новый тип мышления не должен ориентироваться на статичные координаты старого мира, а должен учитывать возможность скачкообразного развития и наступления неожиданных событий и внезапной хаотизации. По мысли авторов концепции «CHAOTICS», у тех субъектов, которые приняли новую реальность, появляется особый инстинкт выживания в нестабильном мире[478].

Если турбулентность является естественным и неустранимым элементом жизни государств и обществ, то стратегия защиты от турбулентности должна быть заменена на стратегию управления этой турбулентностью и эксплуатации ее последствий[479]. В связи с этим иногда сторонники адаптивной стратегии расширяют атмосферную метафору: турбулентность может не только мешать полету самолета, но и создать для него попутный ветер[480]. В области военной политики эксплуатация турбулентности проявляется в целенаправленных попытках «сеять зерна хаоса» во враждебном окружении[481].

Неправильно, однако, было бы рассматривать охранительную и адаптивную стратегии как несовместимые. Для успеха акторам нужно обращать внимание на все два аспекта турбулентности: опасности, угрожающие благополучию системы, и возможности, которыми нужно суметь воспользоваться[482]. Соответственно,

---

[478] Там же

[479] Хаас Р. Разваливающийся миропорядок. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Razvalivayuschiisya-miroporyadok-17194 (дата обращения: 10.03.2016)

[480] Каслионе Дж.А. Chaotics: искусство управления в эпоху турбулентности. URL: http://performance.ey.com/wp-content/uploads/downloads/2011/10/Chaotics.pdf (дата обращения: 23.01.2016)

[481] Костин А.И. Модели глобализации в условиях кризиса цивилизации: сравнительно-политологический анализ.

[482] Евдоченко Е.А. Турбулентность глобальной экономической среды: теоретические аспекты и практическое проявление. URL: http://www.irbis.kneu.kiev.ua:8080/bitstream/2010/5535/1/112-119.pdf (дата обращения: 05.04.2016)

успешная стратегия должна включать в себя обе составляющие: консервативную и адаптивную.

3) Закономерной реакцией на хаотизацию международных отношений является переход к *стратегии коллективного управления*[483]. Так, по мнению Ф. Эмери и Э. Триста, ни одна организация не в силах преодолеть турбулентную среду в одиночку. Именно поэтому важным шагом является создание коллективных механизмов управления[484].

Как было сказано выше, традиционные стратегии глобального управления, основанные на делегации полномочий в крупные международные и наднациональные организации, в современном мире становятся все менее привлекательными. Однако существование и обострение глобальных проблем создает объективную основу для расширения сотрудничества и совместного управления всемирным наследием человечества[485]. Но это сотрудничество будет осуществляться уже на иных основах. Оно будет принимать форму гибких, неблоковых форматов, сетевой дипломатии, придерживаться принципов деидеологизированного и равноправного поиска решений[486]. БРИКС является одним из примеров такого механизма, выступая как неформальное объединение пяти стран, взаимодействующих по различным вопросам экономической и политической повестки дня. Еще одна тенденция эволюции глобального управления связана с его регионализацией. Получают развитие региональные интеграционные стратегии, а фокус переносится с решения глобальных на решение более конкретных, региональных и локальных проблем[487].

Политический курс отдельных акторов, как правило, подразумевает смешение различных стратегий. В качестве примера разберем стратегию борьбы с турбулентностью Российской Федерации. Риторика нарастания нестабильности в

---

[483] Темников Д.М. Синергетический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий. URL: http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm (дата обращения: 23.04.2016)

[484] Emery F.E., Trist E.L. The causal texture of organizational environments.

[485] Костин А.И. Модели глобализации в условиях кризиса цивилизации: сравнительно-политологический анализ.

[486] Лавров С.В. Международные отношения в зоне турбулентности – где точки опоры? URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/263A1015041B1BBA4425797500416F7A (дата обращения: 02.04.2016)

[487] Костин А.И. Модели глобализации в условиях кризиса цивилизации: сравнительно-политологический анализ. Подробней об эволюции стратегий глобального управления см. Полулях Д.С. Эволюция стратегий глобального управления // Политическая наука. – 2012. – №4. – С. 214-239

мировой политике особенно свойственна для России, и турбулентность в ней связана с такими феноменами как глобализация, размывание национального суверенитета, угроза полномасштабной войны, нарастание межцивилизационного противостояния[488]. Де-факто Россия придерживается охранительной линии, а также полагается на механизмы коллективного управления. Адаптивные механизмы здесь развиты весьма слабо, так как «сегодняшняя структура общества и государства не предполагают высокой конкурентоспособности»[489].

Характерным примером охранительного подхода к турбулентности в России является реакция экономических ведомств России на кризисные вызовы середины 2010-х гг. Как и во время кризиса 2008 г., правительство возложило надежды на резервы суверенных фондов, однако при длительном кризисе это решение является неэффективным, и единственным действенным методом являются работа на опережение и реформы[490]. Такой же консервативный взгляд представил министр экономического развития РФ А.В. Улюкаев в отношении глобальной экономики. Он предлагает «усиление регулирования в условиях возросших рисков… Конечная цель текущего реформирования финансового сектора – снижение уровня риска и повышения его устойчивости»[491]. Журналист Г. Коган в ответ на это справедливо спрашивает: «Но будет ли меньше рисков, если вместо новых идей развития предлагаются лишь новые кандалы регулирования?»[492].

Важная часть стратегии противостояния турбулентности, которая подчеркивается почти всегда в официальном дискурсе – это соблюдение международного права. В. Путин в своей статье «Сирийская альтернатива» (2013 г.) писал: «В современном сложном и турбулентном мире, сохранение

---

[488] Пономарева Е.Г. В тисках турбулентности. URL: http://www.fondsk.ru/pview/2012/01/20/v-tiskah-turbulentnosti-12328.html (дата обращения: 16.04.2016); Концепция внешней политики Российской Федерации: [утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.]. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6d84ddededbf7da644257b160051bf7f (дата обращения: 02.10.2016)

[489] Караганов С. Революционный хаос нового мира. URL: http://rg.ru/2011/12/21/karaganov.html (дата обращения: 04.05.2016)

[490] Кувшинова О. Экономика России доползла до кризиса [Электронный ресурс] // Ведомости. Электронное периодическое издание. – 03.12.2014. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/12/03/ekonomika-rossii-dopolzla-do-krizisa (дата обращения: 23.11.2015)

[491] Цит. по Коган Г. Верхом на черном лебеде [Электронный ресурс] // Лента.Ру. – 17 июня 2014. URL: http://lenta.ru/articles/2014/06/16/ulukaev/ (дата обращения: 20.10.2016)

[492] Там же

правопорядка – один из немногих рычагов, способных держать международные отношения от сползания к хаосу. Закон остается законом, действующее международное право позволяет использовать силу только в двух случаях, либо при самообороне, либо по решению Совбеза. Все остальное по уставу ООН недопустимо и квалифицируется как агрессия»[493].

Другим неизменным пунктом стратегии для России является формирование общего пространства безопасности. Об этом говорится в Концепции внешней политики (2013 г.): «В условиях глобальной турбулентности и растущей взаимозависимости государств и народов уже не имеют перспектив попытки строить отдельные "оазисы спокойствия и безопасности", а единственно надежной страховкой от возможных потрясений является соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности применительно к евроатлантическому, евразийскому и азиатско-тихоокеанскому пространствам»[494].

В условиях нарастания стремления народов к утверждению цивилизационной идентичности Россия считает необходимым «предотвращение межцивилизационных разломов, наращивание усилий в интересах формирования партнерства культур, религий и цивилизаций, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества»[495]. Особой критике в этой связи подвергаются стратегии западных стран по утверждению своих политических и общественных ценностей в странах с незападной культурой: «В этих условиях попытки навязывания другим собственной шкалы ценностей чреваты усилением ксенофобии, нетерпимости и конфликтности в международных делах, а в конечном итоге - сползанием к хаосу и неуправляемости в международных отношениях»[496].

Наконец, российская стратегия борьбы с турбулентностью предполагает необходимость вдохнуть новую жизнь в традиционную институциональную

---

[493] Путин В.В. Сирийская альтернатива. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/19205 (дата обращения: 04.03.2016)

[494] Концепция внешней политики Российской Федерации: [утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.]. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6d84ddededbf7da644257b160051bf7f (дата обращения: 02.10.2016)

[495] Там же

[496] Там же

структуру глобального управления. В.В. Путин на пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2014 г. заявил: «При наличии воли мы можем восстановить эффективность системы международных и региональных институтов. И тут даже не надо что-либо строить полностью с нуля… Тем более, что созданные после Второй мировой войны институты достаточно универсальны, и они могут быть наполнены более современным содержанием, адекватным текущей ситуации»[497].

Различные акторы мировой политики предрасположены к выбору различных стратегий по взаимоотношению с турбулентностью[498]. Но объективные и дискурсивные реалии заставят их, так или иначе, использовать все три стратегии в различных обстоятельствах. Наибольшее развитие, на наш взгляд, сегодня получают охранительная стратегия и стратегия коллективного управления. Тем не менее, акторы все же будут пытаться извлечь пользу из происходящих кризисов и другими способами адаптироваться к изменившейся ситуации. В то же время коллективное управление будет все больше переориентироваться на использование неформальных гибких механизмов.

Подытоживая третью главу, вновь подчеркнем важность учета фактора активности акторов в протекании мирополитической турбулентности. Акторы могут разжигать, перенаправлять и даже инициировать турбулентность, преследуя собственные интересы. Кроме того, каждый актор избирает собственную стратегию по отношению к стихийной и управляемой турбулентности. В большинстве случаев это оказывается охранительная стратегия, а также стратегия коллективного управления. Но частично применяется также адаптивная стратегия, которая, как нам представляется, будет становиться все более востребованной среди акторов.

---

[497] Владимир Путин: Я не думаю, что США представляют для России угрозу [Электронный ресурс] // RT на русском. – 24.10.2014. URL: http://russian.rt.com/article/56062 (дата обращения: 23.01.2016)

[498] Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. P. 66

Заключение

Проанализировав практику и дискурс турбулентности в мировой политике, мы можем сделать следующие выводы.

1) Современная мировая политика находится в состоянии турбулентности. Последняя понимается как динамика изменений миропорядка, характеризующаяся перманентной или периодически повторяющейся нестабильностью, амбивалентностью и неопределенностью процессов, частично контролируемая действиями отдельных акторов мировой политики. Турбулентность, в этой связи, нельзя отождествлять с простым «кризисом», «хаосом» или «анархией» в мировой политике. Турбулентность не характеризуется принципиальной неуправляемостью. Напротив, современный этап развития мира позволяет осуществлять стратегии «управления турбулентностью». Турбулентность движима целым рядом источников, которые можно разделить на средовые и конъюнктурные.

2) Турбулентность является влиятельным дискурсом современной мировой политики. Несмотря на то, что турбулентные процессы начали проявляться уже в 1990-х гг., дискурс турбулентности не играл какой-либо существенной роли вплоть до середины 2000-х гг. В это время кризис дискурса глобального управления, разочарование в обещаниях и надеждах глобализма привели к распространению пессимистических и фаталистских представлений о «новом мировом беспорядке» и «турбулентных временах».

3) Дискурс турбулентности не является единым. Он скорее представляет собой «узловой дискурс», дробящийся на различные субдискурсы и прочтения. Так, можно выделить диагностическое, прогностическое, позитивное и негативное прочтения турбулентности. Эти прочтения образуют три крупных субдискурса турбулентности: «турбулентных времен», самоорганизации и глобальных угроз. Каждый из этих субдискурсов может играть инструментальную роль для акторов мировой политики. Отдельно можно

выделить «скептический» дискурс турбулентности, поднимающий тему роли субъективных факторов в конструировании представлений о современной турбулентности. Каждый из субдискурсов отражает определенную грань реальной турбулентности, но в то же время преувеличивает одни ее аспекты и недооценивает другие. Так, позитивные, «либеральные» дискурсы турбулентности и дискурсы «самоорганизации» склонны недооценивать опасность хаоса в мировой политике. Впрочем, негативные прочтения турбулентности сегодня являются более распространенными. Наличие расхождений среди политиков, исследователей, экспертов в понимании турбулентности частично объясняется попытками стратегического конструирования дискурса турбулентности.

4) Стратегии управления турбулентностью активно применяются уже сегодня в мировой политике. Можно выделить три основные стратегии управления турбулентностью: стратегия инициации турбулентности, стратегия разжигания турбулентности и стратегия перенаправления турбулентности. Стратегии могут использоваться самыми различными акторами. Причем действия даже отдельного индивида иногда могут привести к обвальным последствиям. Это делает современную турбулентность еще менее предсказуемой и более опасной. С нашей точки зрения, применение данных стратегий в современных условиях может привести к губительным последствиям. Несмотря на это, признаков скорого отказа от стратегий управления хаосом не усматривается. Позитивную роль могло бы сыграть применение стратегий «тушения» турбулентности, но на данном этапе подобные механизмы недоступны акторам.

5) Существует несколько стратегий ответа на турбулентность: охранительная, адаптивная и коллективного управления. С нашей точки зрения, в данный момент среди государств преобладает консервативный, охранительный подход к турбулентности, а также частично используется стратегия коллективного управления, которая, по нашему мнению, будет тяготеть к использованию неформальных и гибких механизмов управления. В то же время

государства со временем будут тяготеть к расширению использования адаптивной стратегии, приспособляясь к условиям турбулентности.

Тема турбулентности и соответствующего дискурса в мировой политике нуждается в дальнейшем изучении не только для углубления теоретического понимания феномена, но и в целях практического совершенствования политических стратегий в отношении турбулентности. Нуждаются в серьезном изучении зарождающиеся источники турбулентности, феномены неожиданных и влиятельных событий: «дикие карты» и «черные лебеди». Необходима инвентаризация новых решений и возможностей для ослабления деструктивного влияния турбулентности или даже ее преодоления. Необходимо совершенствовать теоретико-методологическое и практическое обеспечение механизмов прогнозирования рисков и угроз в современной мировой политике. Требуется широкое просвещение среди обычных людей и лиц, принимающих решения, на тему особенностей политических процессов в ускоряющемся и неопределенном мире, роли дискурса турбулентности в конструировании популярных представлений. Нужно более глубокое понимание феномена управления турбулентностью, а главное, нужен анализ возможностей управления турбулентностью во благо национальных интересов России и всего человечества. Наконец, представляется необходимым переходить к сознательному управлению и конструированию дискурсов турбулентности, в частности, выработке «российского дискурса» турбулентности, который мог бы конкурировать с часто доминирующими западными дискурсами и транслировать национальную точку зрения по вопросам угроз и опасностей в мировой политике.

Библиография

Официальные документы:

1) Концепция внешней политики Российской Федерации: [утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.] [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. – 18 февраля 2013 г. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6d84dededbf7da644257b160051bf7f

Книги:

1) Алексеева, Т.А. Современные политические теории / Т.А. Алексеева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. - 479 с.

2) Андрущенко, М.О. Шість типів глобального управління в контексті «турбулентності світової політики» Дж. Розенау / М.О. Андрущенко // Збірник тез Першого національного конвенту українського відділення Міжнародної асоціації студентів політичної науки. Національний університет «Одеська юридична академія» – Одеса: Фенікс, 2011. – С. 9-12

3) Арриги, Дж. Долгий двадцатый век / Дж. Арриги. – Москва: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 470 с.

4) Бжезинский, Зб. Стратегический взгляд. Америка и кризис глобальной власти / Зб. Бжезинский. – М.: АСТ, 2013. – 285 с.

5) Бляхер, Л.Е. Нестабильные социальные состояния / Л.Е. Бляхер. – М.: РОССПЭН, 2005. – 208 с.

6) Вирилио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вирилио. – М.: «Гнозис», «Прагматика культуры», 2002. – 192 с.

7) Внешняя политика: вопросы теории и практики: материалы научного семинара / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: КДУ, 2009. – 232 с.

8) Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство «Русайнс», 2015. – 280 с.

9) «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 382 с.

10) Дугин, А.Г. Геополитика. Учебное пособие [Электронный ресурс] / А.Г. Дугин. – М., 2011. – 592 с. URL: http://www.4pt.su.k0.gfns.net/fa/node/169

11) Индивиды в международной политике [Электронный ресурс] / Под ред. М. Жирара. – М.: Международная педагогическая академия, 1996. – 204 с. URL: http://goo.gl/Xqp55R

12) Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / Под ред. А.И. Костина. – М.: Издательство Московского университета, 2016. – 304 с.

13) Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар. – М.: Ин-т. эксперим. социологии, 1998. – 159 с.

14) Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 290 с.

15) Мунье, Э. Манифест персонализма / Э. Мунье. М.: Республика, 1999. – 599 с.

16) Новый мировой беспорядок: жизнь на грани хаоса. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь» [Электронный ресурс] / В.Г. Федотова [и др.]. – Москва: Клуб «Красная площадь», 2006. – 104 с. URL: http://www.intelros.org/club/texts/sbornik_9_club.pdf

17) Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой [Электронный ресурс] / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Прогресс, 1986. – 432 с. URL: http://www.psyoffice.ru/3097-8-filosofy-book_o025_7.html

18) Примаков, Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России / Е.М. Примаков. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 320 с.

19) Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / Под ред. А.Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2007. Т. 9: Перспективы надгосударственного управления в глобальном и региональном масштабе / под ред. О. Н. Барабанова. – 87 с.

20) Российская наука международных отношений: новые направления / Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. - М.: ПЕР СЭ, 2005. – 416 с.

21) Сидорина, Т.Ю. Философия кризиса / Т.Ю. Сидорина. – М.: Флинта-Наука, 2003. – 456 с.

22) Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 592 с.

23) Талеб, Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса [Электронный ресурс] / Н.Н. Талеб. – КоЛибри, Азбука-Аттикус; Москва; 2014. – 768 с. URL: http://readme.club/books/43_antihrupkost-.pdf

24) Талеб, Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н.Н. Талеб. Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова, под ред. М. Тюнькиной. - М.: Изд. "Колибри", 2009. - 528 с.

25) Темников, Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе: Научное издание / Д.М. Темников. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 173 с.

26) Улюкаев, А.В. Болезненная трансформация мировой экономики / А.В. Улюкаев. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 256 с.

27) Философия мировой политики: Актуальные проблемы [Электронный ресурс] / Под ред. Г.К. Ашина, А.В. Шестопала; МГИМО(У). Кафедра философии. – М., 2000. – 390 с. URL: http://goo.gl/lrg4uE

28) Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М., Касталь, 1996. – 448 с.

29) Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.

30) Цыганков, П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика / П.А. Цыганков. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 576 с.

31) Цыганков, П.А. Теория международных отношений: Учеб. Пособие / П.А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 509 с.

32) Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой культуры. В 2 т. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер. Пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М.: Мысль, 1998. – 606, [1] с.

Статьи:

1) Агеев, А.И. Нюансы турбулентности [Электронный ресурс] / А.И. Агеев // Прогнозы и стратегии. – № 01/2008 - 01/2009 (2). – С. 7. URL: http://www.maib.ru/bookspublication/pis/pis2009-1/slovo/

2) Акопов, П. Развал атлантического проекта усиливает глобальную турбулентность [Электронный ресурс] / П. Акопов // Взгляд.ру. Сетевое издание. – 31 декабря 2015. URL: http://vz.ru//world/2015/12/31/786669.html

3) Андреева, О.С. Неправительственные организации (НПО) как институт развития и переустройства мира [Электронный ресурс] / О.С. Андреева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – Выпуск № 1 (72). Том 13. – 2010 г. – С. 219-226. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/nepravitelstvennye-organizatsii-npo-kak-institut-razvitiya-i-pereustroystva-mira

4) Арзуманян, Р. Метафора нелинейности в социальных системах [Электронный ресурс] / Р. Арзуманян // 21 век. Научно-образовательный фонд «Нораванк». – №2(4). – Ереван, 2004 г. – С. 123-253. URL: http://davaiknam.ru/text/r-arzumanyan-metafora-nelinejnosti-v-socialenih-sistemah-abstr

5) Арзуманян, Р. Нелинейная природа войны [Электронный ресурс] / Р. Арзуманян // 21 век. Научно-образовательный фонд «Нораванк». – №1. – Ереван,

2005 г. – С. 109-149. URL: http://www.noravank.am/rus/issues/detail.php?ELEMENT_ID=2606

6) Байер, А. Джордж Сорос и Черная среда [Электронный ресурс] / А. Байер // Сноб.ru. – 16.09.11. URL: https://snob.ru/selected/entry/40816

7) Батчиков, С.А. Глобализация - управляемый хаос / С.А. Батчиков // Экономические стратегии. – 2008. – Т. 10. – № 5-6. – С. 30-37

8) Баталов, Э. Современные глобальные тренды и новое сознание [Электронный ресурс] / Э. Баталов // Международные процессы. – Том 10. – Номер 1(28). – Январь–апрель 2012. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-eight/02.htm

9) Батюк, В. Постбиполярная ретроспектива мирового порядка [Электронный ресурс] / В. Батюк // Международные процессы. –Том 8. – Номер 2(23). – Май–август 2010. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-three/009.htm

10) Булгакова, О.Ю. Культурный кризис и его интерпретация в творчестве П. Сорокина [Электронный ресурс] / О.Ю. Булгакова // Известия Российского Государственного Педагогического Университета им. А.И. Герцена. – № 89. – 2009 г. – С. 27-31. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-krizis-i-ego-interpretatsiya-v-tvorchestve-p-sorokina

11) Бялый, Ю. Управляемый хаос [Электронный ресурс] / Ю. Бялый // Суть времени. Еженедельная газета. – №6. – 28 ноября 2012. URL: https://goo.gl/f81pkU

12) Бялый, Ю. Управляемый хаос. Часть 2 [Электронный ресурс] / Ю. Бялый // Суть времени. Еженедельная газета. – №7. – 5 декабря 2012. URL: http://gazeta.eot.su/article/upravlyaemyy-haos-chast-ii

13) Евдоченко, Е.А. Турбулентность глобальной экономической среды: теоретические аспекты и практическое проявление [Электронный ресурс] / Е.А. Евдоченко // Прогресс. – 2014. – № 5-6. – С. 112-119. URL: http://www.irbis.kneu.kiev.ua:8080/bitstream/2010/5535/1/112-119.pdf

14) Ефременко, Д.В. Глобальная турбулентность и метаморфозы российской политики / Д.В. Ефременко // Политическая наука. – 2012. – №1. – С.51-68.

15) Ефременко, Д.В. В ожидании штормовых порывов: внешняя политика России в эпоху перемен [Электронный ресурс] / Д.В. Ефременко // Россия в глобальной политике. – №2. – 2012 г. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/V-ozhidanii-shtormovykh-poryvov--15527

16) Ефременко, Д.В. После дуумвирата: внешняя политика Москвы [Электронный ресурс] / Д.В. Ефременко // Россия в глобальной политике. – №3. – 2011 г. URL: http://globalaffairs.ru/number/Posle-duumvirata-vneshnyaya-politika-Moskvy-15216

17) Закария, Ф. Новый мировой беспорядок [Электронный ресурс] / Ф. Закария // Интернет-проект «ИноСМИ.RU». – 10.09.2003. URL: http://inosmi.ru/world/20030910/192974.html

18) ЗИМО-2012. Спонтанность и управляемость в мировой системе [Электронный ресурс] // Международные процессы. – Том 10. – № 2(29). – Май-август 2012. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-ninth/12.htm

19) Иванов, И. Международная безопасность в эпоху глобализации [Электронный ресурс] / И. Иванов // Россия в глобальной политике. – №1. – 2003 г. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_447

20) Иноземцев, В.Л. Никаких гарантий [Электронный ресурс] / В.Л. Иноземцев // Газета.ru. – 23.09.2015. URL: http://www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/7771379.shtml

21) Иноземцев, В.Л. Теория большого хаоса [Электронный ресурс] / В.Л. Иноземцев // Российский совет по международным делам. Сайт. – 21 апреля 2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5720#top-content

22) Караганов, С. Революционный хаос нового мира [Электронный ресурс] / С. Караганов // Российская газета. – 21.12.2011. URL: http://rg.ru/2011/12/21/karaganov.html

23) Коган, Г. Верхом на черном лебеде [Электронный ресурс] / Г. Коган // Лента.Ру. – 17 июня 2014. URL: http://lenta.ru/articles/2014/06/16/ulukaev/

24) Костин, А.И. Модели глобализации в условиях кризиса цивилизации: сравнительно-политологический анализ / А.И. Костин // Политическая наука. – 2015. – №4. – С. 40-59.

25) Костин, А.И. Последствия мирового кризиса: политологический анализ взаимозависимых рисков / А.И. Костин, В.С. Изотов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 4. – С. 3-18

26) Кувшинова, О. Экономика России доползла до кризиса [Электронный ресурс] / О. Кувшинова // Ведомости. Электронное периодическое издание. – 03.12.2014. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/12/03/ekonomika-rossii-dopolzla-do-krizisa

27) Лавров, С.В. Международные отношения в зоне турбулентности – где точки опоры? [Электронный ресурс] / С.В. Лавров // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. – 29 декабря 2011 г. URL: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/0/263A1015041B1BBA4425797500416F7A

28) Леонтьев, М. «Драть когти!» - лишь мечта? [Электронный ресурс] / М. Леонтьев // Аргументы и Факты. Еженедельник. – №24. – 12/06/2013. URL: http://www.aif.ru/society/44161

29) Лукьянов, Ф.А. Консерватизм сближает [Электронный ресурс] / Ф.А. Лукьянов // Газета.ru. – 02 октября 2014. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6244657.shtml

30) Лукьянов, Ф.А. Мир разъезжается в стороны [Электронный ресурс] / Ф.А. Лукьянов // Газета.ru. – 27 августа 2015. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/7720847.shtml

31) Лукьянов, Ф.А. Причины неважны, последствия непредсказуемы [Электронный ресурс] / Ф.А. Лукьянов // Россия в глобальной политике. – №3. – 2013 г. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Prichiny-nevazhny-posledstviya-nepredskazuemy--16032

32) Лукьянов, Ф.А. Торжество Средневековья [Электронный ресурс] / Ф.А. Лукьянов // Газета.ru. – 05 февраля 2015. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6401149.shtml

33) Лукьянов, Ф.А. Фильм ужасов по-арабски [Электронный ресурс] / Ф.А. Лукьянов // Газета.ru. – 10 апреля 2015. URL: http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6632989.shtml

34) Макарычева, М.Г. Дискурс как предмет изучения в сфере международной политики (пример американо-российских отношений) [Электронный ресурс] / М.Г. Макарычева // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия: Социальные науки. – Выпуск 1(5). – 2006. – С. 567-574. URL: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99990201_West_soc_2006_1(5)/68.pdf

35) Манн, С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс] / С. Манн // Центр консервативных исследований. Сайт. – 08.03.2010. URL: http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml

36) Манойло, А.В. Революция на Ближнем Востоке и в Северной Африке: политический прагматизм и технологии управляемого хаоса [Электронный ресурс] / А.В. Манойло // Мир и политика. Сайт. – 10 сентябрь 2011. URL: http://mir-politika.ru/170-revolyuciya-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-politicheskiy-pragmatizm-i-tehnologii-upravlyaemogo-haosa.html

37) Матвеева, К.А. Особенности социологического изучения рисков [Электронный ресурс] / К.А. Матвеева // Вестник Удмуртского университета. – 2009. – Вып. 1. – С. 131-137. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sotsiologicheskogo-izucheniya-riskov

38) Матюх, Е.Т. Теории «общества риска» в современной гуманитарной науке [Электронный ресурс] / Е.Т. Матюх // Теория и практика общественного развития. – №7. – 2012. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/7/fil%D0%BEs%D0%BEfiy%D0%B0/matyukh.pdf

39) Милибенд, Д. Европа как образцовая держава [Электронный ресурс] / Д. Милибенд // Независимая газета. – 26 ноября 2007 г. URL: http://www.ng.ru/courier/2007-11-26/13_europe.html

40) Мирский, Г. Арабский мир: надоело, не верим, не боимся [Электронный ресурс] / Г. Мирский // Международные процессы. – Том 9. – Номер 1(25). – Январь–апрель 2011. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-fifth/012.htm

41) Морозов, В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации [Электронный ресурс] / В.Е. Морозов // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 24-35. URL: http://www.politstudies.ru/files/File/2011/3/3.pdf

42) Негрова, М.С. О турбулентных процессах передела пространства-времени: перспективы и опасения (на примере Красноярского края) [Электронный ресурс] / М.С. Негрова // Общество. Среда. Развитие. Научно-теоретический журнал. – №1. – 2013. – С. 106-110. URL: http://www.terrahumana.ru/arhiv/13_01/13_01_20.pdf

43) Нежданов, Д.В. «Политический рынок» как системообразующая метафора современного политологического дискурса [Электронный ресурс] / Д.В. Нежданов, О.Ф. Русакова // Полис. Политические исследования. – № 4. – 2011. – С. 158-170. URL: http://www.politstudies.ru/files/File/2011/4/13.pdf

44) Неклесса, А.И. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе / А.И. Неклесса // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2001. – № 4. – С. 156-167.

45) Неклесса, А.И. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство / А.И. Неклесса // Философия хозяйства. – 2002. – №1(19). – С. 108-125.

46) Неклесса, А.И. Конец цивилизации или зигзаг истории? [Электронный ресурс] / А.И. Неклесса // ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия. Журнал. – 14 декабря 2011. URL: http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/lyudi-vozduha-ili-kto-stroit-mir/12366-konec-civilizacii-ili-zigzag-istorii.html

47) Неклесса, А.И. Окна в будущее. Культура сложности и самоорганизации / А.И. Неклесса // Развитие и экономика. – № 10. – 2014. – С. 116-133.

48) Неклесса, А.И. Реквием XX веку / А.И. Неклесса // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 1. – С. 3-13.

49) Неклесса, А.И. Ordo quadro - четвертый порядок: пришествие постсовременного мира / А.И. Неклесса // Полис. Политические исследования. – 2000. – №6. – С. 6-23.

50) Нысанбаев, А.Н. Мировоззренческие основания и общенаучные парадигмы социально-политического риск-менеджмента / А.Н. Нысанбаев, В.Ю. Дунаев // Полис. Политические исследования. – 2013. – №2. – С. 150-164.

51) Пантин, В.И. Первая половина XXI века: «эпоха турбулентности» в мировом развитии [Электронный ресурс] / В.И. Пантин // История и современность. – №2. – 2008. – С. 3-9. URL: http://www.socionauki.ru/journal/articles/129408/

52) Пинкер, С. Мир не рухнет [Электронный ресурс] / С. Пинкер, Э. Мак // Газета.ru. – 03.01.2015. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml

53) Полулях, Д.С. Дискурсы национальных стратегий развития в мировой политике: сравнительный анализ / Д.С. Полулях // Политическая наука. – 2015. – №4. – С. 170-179

54) Полулях, Д.С. Эволюция стратегий глобального управления / Д.С. Полулях // Политическая наука. – 2012. – №4. – С. 214-239

55) Пономарева, Е.Г. Балканы как зона турбулентности капитализма [Электронный ресурс] / Е.Г. Пономарева // Космополис. – № 3(22). – Осень 2008. URL: http://www.intelros.ru/pdf/cosmopolis_03_2008/07.pdf

56) Пономарева, Е.Г. В тисках турбулентности [Электронный ресурс] / Е.Г. Пономарева // Фонд стратегической культуры. Электронное издание. – 20.01.2012. URL: http://www.fondsk.ru/pview/2012/01/20/v-tiskah-turbulentnosti-12328.html

57) Пономарева, Е.Г. «Цветные революции» в контексте стратегии управляемого хаоса / Е.Г. Пономарева, Е.В. Рябинин // Обозреватель. – 2015. – № 12. – С. 38-51

58) Пономарева, Е.Г. Секреты «цветных революций» / Е.Г. Пономарева // Свободная мысль. – №1,2(1631). – 2012. – С. 87-99

59) Пугачева, Н.Б. Формирование мировоззренческих основ безопасности жизнедеятельности [Электронный ресурс] / Н.Б. Пугачева, О.В. Писарь, Э.Ю. Ребрик // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – №1. – 2012. – С. 56-63. URL: http://cegr.ru/downloads/journal_1_2012.pdf

60) Путин, В.В. Сирийская альтернатива [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Президент России. Официальный сайт. – 12 сентября 2013 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/19205

61) Ремник, Д. Наблюдая за затмением: Майкл Макфол находился в России, когда там появились перспективы демократии.... и когда эти перспективы начали тускнеть [Электронный ресурс] / Д. Ремник // Inopressa: Иностранная пресса о событиях в России и в мире. – 5 августа 2014 г. URL: http://www.inopressa.ru/article/05aug2014/newyorker/mcfaul

62) Рюриков, Д.И. Кризис миропорядка и угрозы России и миру [Электронный ресурс] / Д.И. Рюриков // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1. – С. 70-75. URL: http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=2BBD6AE8-414B-AE1C-96AC-2D0883ABD12E

63) Сушенцов, А. США и волнения на Арабском Востоке [Электронный ресурс] / А. Сушенцов // Международные процессы. – Том 9. – Номер 1(25). – Январь–апрель 2011. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-fifth.htm

64) Темников, Д.М. Синергетический подход в анализе международной политики. Опыт адаптации понятий [Электронный ресурс] / Д.М. Темников // Международные процессы. – 2009. – №3(21). URL: http://www.intertrends.ru/twenty/008.htm

65) Федоров, Ю. «Ядерный фактор» в мировой политике XXI века [Электронный ресурс] / Ю. Федоров // Pro et Contra. – Том 7. – № 4. – Осень 2002.

– С. 57-71. URL: http://uisrussia.srcc.msu.ru/docs/nov/pec/2002/4/ProEtContra_2002_4_04.pdf

66) Хаас, Р. Разваливающийся миропорядок [Электронный ресурс] / Р. Хаас // Россия в глобальной политике. – №6. – 2014 г. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Razvalivayuschiisya-miroporyadok-17194

67) Хакамада, И.М. Политический аутизм в турбулентное время [Электронный ресурс] / И.М. Хакамада // Эхо Москвы. Сайт. – 20 мая 2013. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/hakamada/1077960-echo/

68) Черепанов, М. Из хаоса в турбулентность [Электронный ресурс] / М. Черепанов // Ирина Хакамада. Официальный сервер. – 04.02.2014. URL: http://www.hakamada.ru/1323/Internet/1004.html

69) Чихарев, И.А. Мировая политическая динамика: Концептуальные основания и движущие силы / И.А. Чихарев // Политическая наука. – 2012. – №4. – С. 9-30

70) Чихарев, И.А. Многомерность мировой политики: к современным дискуссиям / И.А. Чихарев // Полис. Политические исследования. – 2005. – №1. С. 161-172

71) Якунин, В. Глобализация и капитализм / В. Якунин // Развитие и экономика. – №13. – Июль 2015. С. 6-19.

72) Яницкий, О.Н. «Турбулентные времена»: слоган или проблема социологии? [Электронный ресурс] / О.Н. Яницкий // Российское общество социологов. Сайт. – 2011. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=508

Интернет-источники:

1) Антон Силуанов: Россиянам придется «затянуть пояса» [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. – 24 ноября 2014. URL: https://news.mail.ru/politics/20239106/

2) Барак Обама вновь поставил в один ряд Россию и вирус Эбола [Электронный ресурс] // RT на русском. – 15.11.2014. URL: http://russian.rt.com/article/59619

3) Владислав Сурков: «Система уже изменилась» [Электронный ресурс] // Известия. – 22 декабря 2011. URL: http://izvestia.ru/news/510564

1) Вступительное слово Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2011 году, Москва, 18 января 2012 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Официальный сайт. – 18.01.2012. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/FBBD4D11AF502771442579890048D166

4) Выступление президента США Барака Обамы на Генеральной Ассамблее ООН [Электронный ресурс] // Интернет-проект «ИноСМИ.RU». – 30.09.2015. URL: http://inosmi.ru/world/20150930/230544021.html

5) Зверев, А. Владислав Сурков: турбулентность – это разновидность стабильности [Электронный ресурс] / А. Зверев // Национальный экономический портал. – 23.12.2011. URL: http://neprussia.ru/news/actual/867

6) Иноземцев, В.Л. Несколько гипотез о мировом порядке XXI века. Тезисы для обсуждения на заседании Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс] / В.Л. Иноземцев // Совет по внешней и оборонной политике. Сайт. – 2003. URL: http://www.svop.ru/files/meetings/m020713369814821.pdf

7) Каслионе, Дж.А. Chaotics: искусство управления в эпоху турбулентности [Электронный ресурс] / Дж.А. Каслионе // Performance. – 2011. URL: http://performance.ey.com/wp-content/uploads/downloads/2011/10/Chaotics.pdf

8) Мировые СМИ говорят о трагедии в Одессе, но не называют её причин [Электронный ресурс] // RT на русском. – 04.05.2014. URL: http://russian.rt.com/article/30478

9) Обама назвал интервенцию в Ливии своей худшей ошибкой [Электронный ресурс] // Газета.ru. – 10.04.2016. URL: http://www.gazeta.ru/politics/news/2016/04/10/n_8486765.shtml

10) Президент Польши увидел в параде 9 мая «образ нестабильного мира» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 03.05.2015. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2720969

11) Принятые на саммите БРИКС документы помогут преодолеть турбулентность на мировых рынках, рассчитывает президент России [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство. – 27/03/2013. URL: http://tass.ru/arhiv/593087

12) «Прямая линия» с Владимиром Путиным 16 апреля 2015 года – полный текст и видео [Электронный ресурс] // RT на русском. – 16.04.2015. URL: https://russian.rt.com/article/85903

13) Путин: турбулентность мировой экономики приобрела длительный характер [Электронный ресурс] // Новости Mail.ru. – 2 февраля 2012. URL: http://news.mail.ru/politics/7986731/

14) Путин: "цветные революции" привели к тому, что джин вырвался из бутылки [Электронный ресурс] // ТАСС. Информационное агентство. – 24 октября 2014. URL: http://tass.ru/politika/1530626

15) Путин спрогнозировал усиление признаков мировой анархии [Электронный ресурс] // Лента.Ру. – 24 октября 2014. URL: http://lenta.ru/news/2014/10/24/putin1/

16) Сафронова, О.В. Теория международных отношений. Электронный учебник / О.В. Сафронова. – Кафедра международных отношений ННГУ. Сайт. – 2001. URL: http://www.bellkinn.chat.ru/zip/tmo/tmo.zip

17) Сурков: лучшая часть общества требует уважения к себе [Электронный ресурс] // BBC. Русская служба. – 23 декабря 2011 г. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/12/111223_surkov_rallies_protests.shtml

18) Тони Блэр связал появление ИГ со вторжением США и союзников в Ирак [Электронный ресурс] // Лента.Ру. – 25 октября 2015. URL: http://lenta.ru/news/2015/10/25/blair

19) Филипенок, А. Обама назвал Асада тираном с трибуны Генассамблеи ООН [Электронный ресурс] / А. Филипенок // РБК. Информационное агентство. –

28 сентября 2015 г. URL: http://top.rbc.ru/politics/28/09/2015/5609505d9a79470d7aa8aa08

20) Хакамада, И.М. Об эпохе турбулентности [Электронный ресурс] / И.М. Хакамада // МЫSLI. Медиа-проект. – 2013. URL: http://xn--h1afcu3c.com/mysli-video/irina-khakamada/ob-pokhe-turbulentnosti

Книги на английском языке:

1) A World In Transition: Humankind and Nature / Ed. by Diederik Aerts, Jan Broekaert and Willy Weyns. – N.Y.: Springer Science & Business Media, 1999. – 287 p.

2) Complexity, Global Politics and National Security [Electronic resource] / Ed. by D. Alberts, T. Czerwinski. – Washington: Institute for National Strategic Studies, 1997. – 180 p. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_Complexity_Global.pdf

3) Fairclough, N. Language and Globalization / N. Fairclough. – London and New York: Routledge, 2006. – 186 p.

4) Furedi, F. Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation / F. Furedi. – London, Washington: Cassel, Wellington House, 1997. – 192 p.

5) Laclau, E. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. Second Edition / E. Laclau and Ch. Mouffe. – London: Verso, 2001. – 240 p.

6) Ledeen, M.A. The War Against the Terror Masters: why it happened, where we are now, how we'll win / Ledeen, M.A. – New York: St. Martin's Press, 2002. – 312 p.

7) Power in Global Governance / Ed. by Michael Barnett and Raymond Duvall. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 368 p.

8) Rosenau, J.N. Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World / J.N. Rosenau. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 467 p.

9) Rosenau, J.N. Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization / J.N. Rosenau. – New Jersey: Princeton University Press, 2003. – 456 p.

10) Rosenau, J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity / J.N. Rosenau. – Princeton: Princeton University Press, 1990. - 480 p.

11) The Commission on Global Governance. Our Global Neighbourhood / The Commission on Global Governance. – Oxford: Oxford University Press, 1995. – 410 p.

12) Veseth, M. Globaloney 2.0: The Crash of 2008 and the Future of Globalization / M. Veseth. – Lanham [etc.]: Rowman & Littlefield, 2010. – 230 p.

13) Virilio, P. Open Sky / P. Virilio. – London: Verso, 2008. – 152 p.

14) Virilio, P. Speed and Politics / P. Virilio. – N.Y.: Semiotext(e), 2007. – 174 p.

15) World Politics at the Edge of Chaos: Reflections on Complexity and Global Life / Ed. by Emilian Kavalski. – Albany: State University of New York Press, 2015. – 302 p.

Статьи на английском языке:

1) Brand, U. Order and regulation: Global Governance as a hegemonic discourse of inter-national politics? / U. Brand // Review of International Political Economy. – 12:1. – February 2005. – P. 155–176.

2) Cox, R. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory / R. Cox // Millennium: Journal of International Studies. – 10(2). – 1981. – P. 126-155

3) Dobelli, R. News is bad for you – and giving up reading it will make you happier [Electronic resource] / R. Dobelli // The Guardian. – 12 April 2013. URL: http://www.theguardian.com/media/2013/apr/12/news-is-bad-rolf-dobelli

4) Emery, F.E. The causal texture of organizational environments / F.E. Emery, E.L. Trist // Human Relations. – 1965. – Vol. 18(1). – P. 21-32.

5) Fairclough, N. Global Capitalism and Critical Awareness of Language [Electronic resource] / N. Fairclough // Language Awareness. – 8(2). – 1999. – P. 71–83. URL: http://eprints.lancs.ac.uk/8546/1/la0080071.pdf

6) Favell, A. Migration, mobility and globaloney: metaphors and rhetoric in the sociology of globalization [Electronic resource] / A. Favell // Global Networks. – 2001. – Vol. 1. – Issue 4. – P. 389–398. URL: http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/favell/glob-net-pub.pdf

7) Ivakhiv, A. Weathering Global Futures: Ecology, Economy, and the Unruly Tropics of the "Global" / A. Ivakhiv // TOPIA: A Canadian Journal of Cultural Studies. – Issue 4. – Fall 2000. – P. 5-26

8) Kaplan, R.D. The Coming Anarchy [Electronic resource] / R.D. Kaplan // The Atlantic. – February 1994 issue. URL: http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1994/02/the-coming-anarchy/304670/

9) Kiamie, W. Turkish protests an instance of the "turbulence" of global politics today [Electronic resource] / W. Kiamie // Examiner. – June 19 2013. URL: http://www.examiner.com/article/turkish-protests-an-instance-of-the-turbulence-of-global-politics-today

10) Koselleck, R. Crisis / R. Koselleck // Journal of the History of Ideas. – Volume 67. – Number 2. – April 2006. P. 357-400

11) Lucas, S. Mobilizing Fear: U.S. Politics Before and After 9-11 / S. Lucas // Review of International American Studies. – Volume 3.3 – 4.1. – Winter 2008 – Spring 2009. – P. 25-34

12) Maull, H.W. World Politics in Turbulence [Electronic resource] / H.W. Maull // Internationale Politik und Gesellschaft Online. – 2011. – №1. – P. 11-25. URL: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_maull.pdf

13) Nabers, D. Crises, Hegemony and Change in the International System: A Conceptual Framework [Electronic resource] / D. Nabers // GIGA Working Paper. –

No. 50. – May 2007. – 36 p. URL: https://www.giga-hamburg.de/de/system/files/publications/wp50_nabers.pdf

14) O'Kane, R. Co-opting Chaos: The Role of Complexity Discourse in the War on Terror [Electronic resource] / R. O'Kane // 49th Parallel. – Issue 18. – Summer 2006. – 11 p. URL: https://fortyninthparalleljournal.files.wordpress.com/2014/07/7-okane-coopting-chaos.pdf

15) White, M. Turbulence and turmoil in the market or the language of a financial crisis [Electronic resource] / M. White // Iberica. – №7. – 2004. – P. 71-86. URL: http://www.aelfe.org/documents/text7-White.pdf

16) Yongtao, L. Discourse, Meanings and IR Studies: Taking the Rhetoric of «Axis of Evil» As a Case [Electronic resource] / L. Yongtao // CONfines. – 6 (11). – 2010. – P. 85-107. URL: http://confines.mty.itesm.mx/articulos11/YongtaoL.pdf

Интернет-источники на английском языке:

1) Ahead of climate summit, French use emergency laws to put activists under house arrest [Electronic resource] // Reuters. – November 28, 2015. URL: http://www.reuters.com/article/us-climatechange-summit-france-activists-idUSKBN0TH0DW20151128

2) Is there a new World Disorder? [Electronic resource] // BBC. – 5 September 2014. URL: http://www.bbc.com/news/world-29088680

3) New Normality – Thriving in Business Crisis, Uncertainty and Turbulence: Survival & Growth in a Chaotic World [Electronic resource] // BizShifts. – August 11, 2011. URL: http://bizshifts-trends.com/2011/08/11/new-normality-thriving-in-business-crisis-uncertainty-turbulence-survival-growth-in-a-chaotic-world/

4) Tharoor, I. Chaos grips Odessa, Ukraine's third-largest city [Electronic resource] / I. Tharoor // The Washington Post. – May 2, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/05/02/chaos-grips-odessa-ukraines-third-largest-city/

5) The US, IS and the conspiracy theory sweeping Lebanon [Electronic resource] // BBC. – 12 August 2014. URL: http://www.bbc.com/news/world-middle-east-28745990

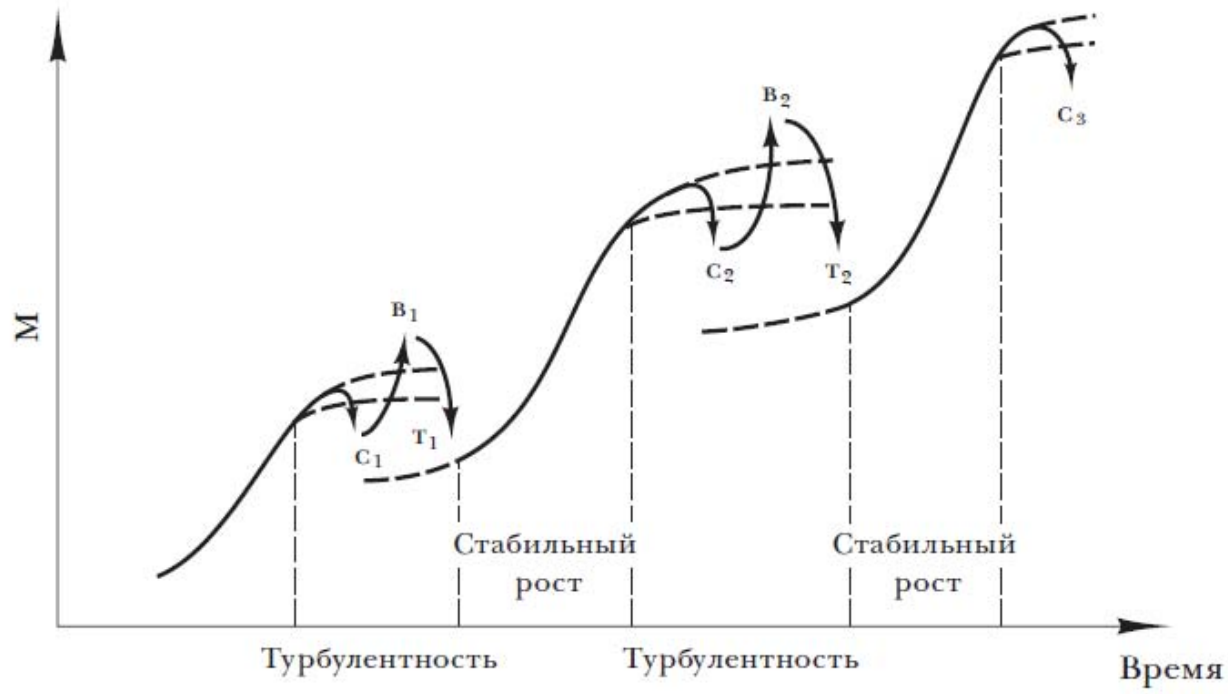
6) Top ten abuses of power since 9/11 [Electronic resource] // American Civil Liberties Union. URL: https://www.aclu.org/top-ten-abuses-power-911

7) Turbulence [Electronic resource] // The Free Dictionary. URL: http://www.thefreedictionary.com/turbulence

8) Turkey [Electronic resource] // Freedom House. – 2015. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-press/2015/turkey

Приложения

Рисунок 1. Метаморфозная модель системных циклов накопления по Дж. Арриги



Источник: Арриги Дж. Долгий двадцатый век. С. 306

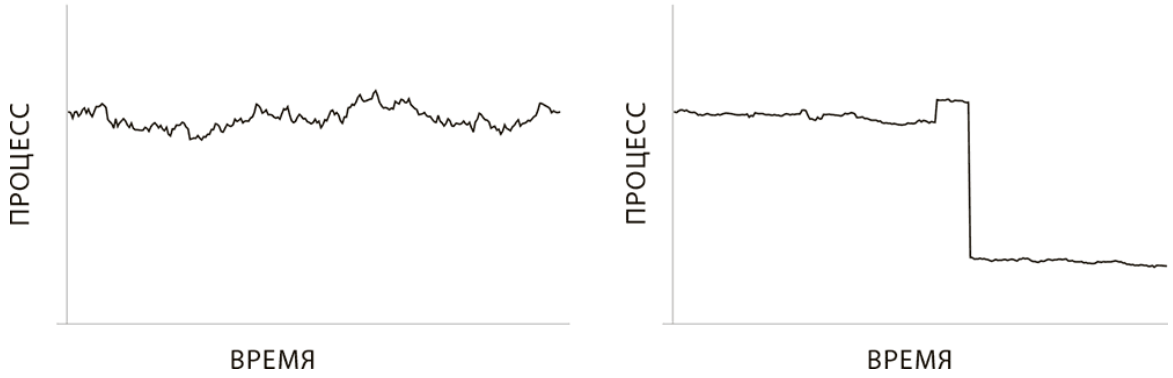
Таблица 1. Примеры интерактивных движущих сил фрагмеграции по Дж. Розенау

Глобализирующие силы	Локализирующие силы
«Свободный рынок» (международные корпорации, международные хедж-фонды, обмен валюты)	Увеличение разрыва между богатыми и бедными внутри стран и между ними
Глобальные экономические и	Дефицит ресурсов, вызванный

политические институты (ООН, Всемирный банк, МВФ, ВТО и т.д.)	глобальным потеплением, потерей пахотных земель и уничтожением естественной среды обитания.
	Массовая миграция, предрассудки, этноцентризм, этническая и расовая ненависть
Английский как глобальный язык	Движения в защиту традиционной культуры, основу которой часто составляют язык и обычаи
Военная, экономическая и культурная сила США	Недовольство американской гегемонией, терроризм
Модернисты; научные и технологические инновации в информационных и транспортных технологиях.	Традиционалисты; религиозный фундаментализм; национализм

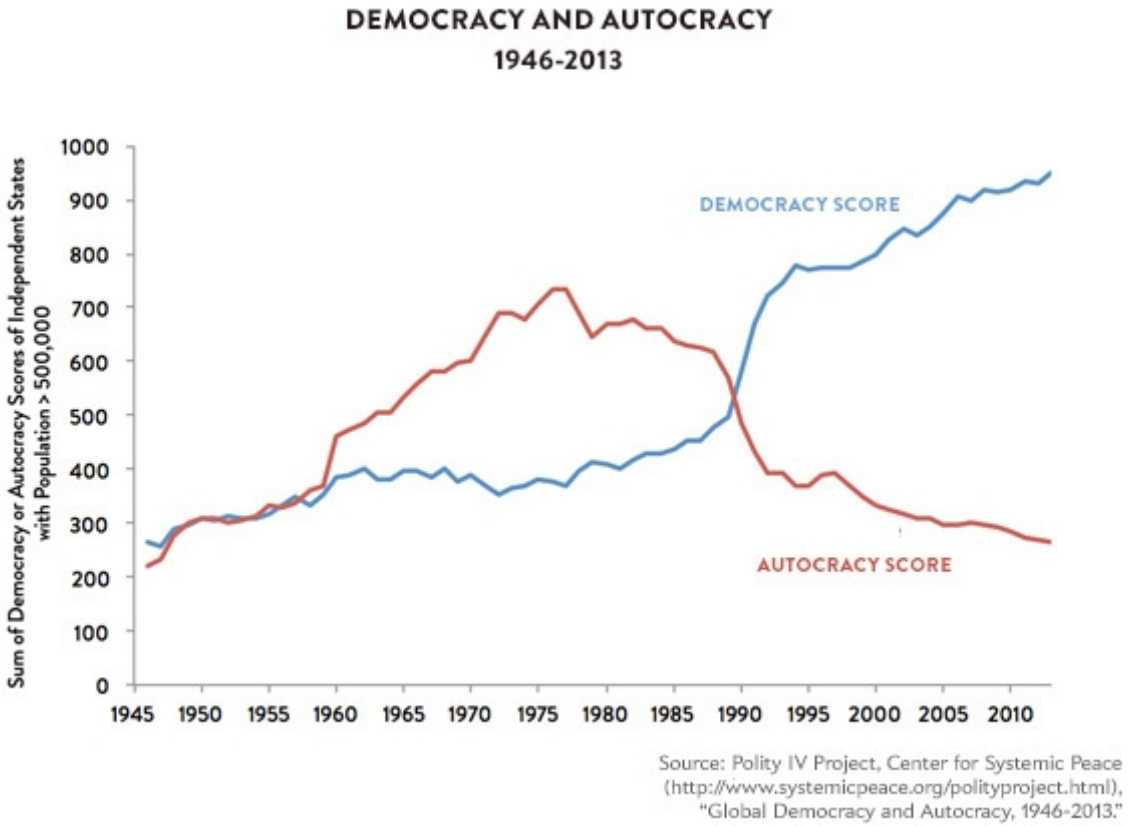
Адаптировано из Rosenau J.N. Distant Proximities: Dynamics beyond Globalization. P. 15

Рисунок 2. Самоуправляемые и централизованные системы по Н.Н. Талебу



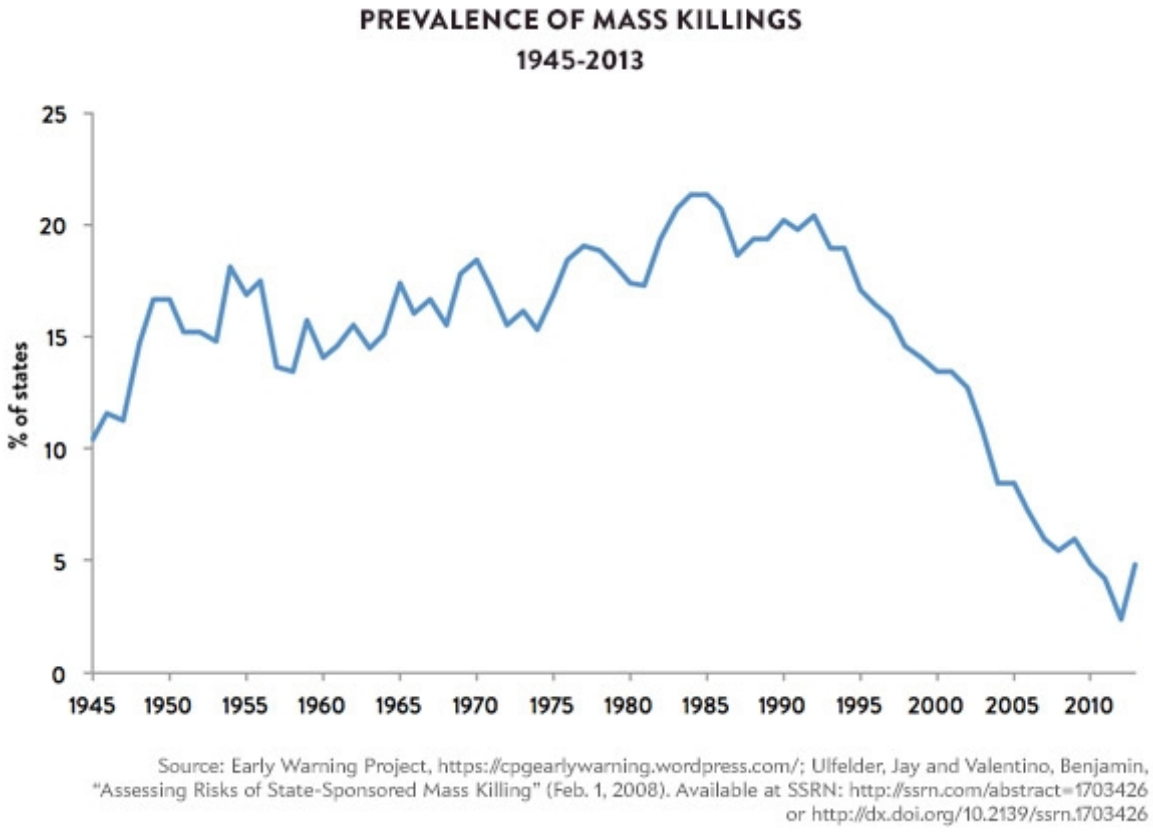
Источник: Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. URL: http://readme.club/books/43_antihrupkost-.pdf (дата обращения: 11.02.2016)

Рисунок 3. Динамика соотношения демократий и автократий



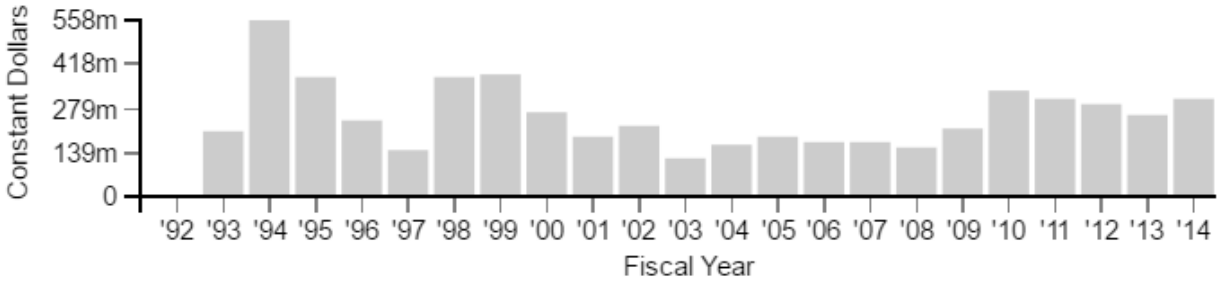
Источник: Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016)

Рисунок 4. Динамика распространенности геноцида и массовых убийств



Источник: Пинкер С., Мак Э. Мир не рухнет. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2014/12/30_a_6364345.shtml (дата обращения: 05.04.2016)

Рисунок 5. Финансирование организациями и фондами США программ по развитию гражданского общества на Украине



Адаптировано из Foreign aid trends [Electronic resource] // USAID. URL: https://explorer.usaid.gov/aid-trends.html (accessed 24.04.2016)